

А.Э. Андреевская

«МЫ – ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ»

Судьбы качканарцев –
жертв политических репрессий

ББК 63.3(235.55)-362

А-65

Андреевская А.Э. «Мы — дети страшных лет России». Судьбы качканарцев – жертв политических репрессий, 2014. – 212 с.: илл.

Эта книга о людях – жертвах незаконных политических репрессий, чьи жизненные пути на каком-то этапе пересеклись с Качканаром: кто-то здесь с начала строительства, другие приехали позже и трудились на предприятиях города, некоторые переехали в пожилом возрасте.

В книге – свидетельства о трагической эпохе тех, с кем эпоха обошлась несправедливо, а чаще – жестоко. Но герои книги – истинные патриоты. Пройдя через невиданные лишения, они самоотверженно трудились на строительстве города и комбината, на предприятиях и в учреждениях Качканара.

Оригинал-макет изготовлен на средства Первичной профсоюзной организации «Качканар-Ванадий»

© Качканарское отделение областной Ассоциации жертв политических репрессий

© МКУ «Качканарский городской архив»

© Текст: А.А. Андреевская

© Дизайн, верстка: Худяков А.С., 2014

Такое не должно повториться

Наверняка «страшные годы» имеются в истории любой страны. А уж в истории нашей страны их было – предостаточно. Сейчас же речь идёт о тех, что случились в 30-50-х годах XX века и связаны с политическими репрессиями тех лет. Суть этого страха в том, что на нет сошла цена самого дорогого на земле – человеческой жизни. И это – в России! Стране Достоевского, с его «Всё счастье мира не стоит слезы на щеке невинного ребёнка». А ведь в пору захлебнуться было миру слезами невинных детей и взрослых, судьбы которых безжалостно перемолол маховик репрессий.

Эта книга о людях – жертвах незаконных политических репрессий, чьи жизненные пути на каком-то этапе пересеклись с Качканаром. Кто-то здесь с начала строительства, другие подтянулись позже и трудились на предприятиях города, некоторые переехали в пожилом возрасте.

Такая книга просто обязана была появиться! Хотя наверняка кто-то недовольно скривится: дескать, зачем ворошить прошлое? Да, это очень горькая правда истории нашей страны, которой лучше бы – не было! Интерес к теме, полыхнувший в перестроечные 80-е годы, угасал по мере усталости людей от последствий развала страны и роста ностальгии по тем временам, когда в стране был порядок и враги её боялись. Да и личность вдохновителя и организатора репрессий Сталина для многих продолжает оставаться сакральной. Отсюда и горячее желание перелистнуть эти страницы нашей истории – не читая их!

Но ведь это неправильно! Ни по Божески и не по-человечески! Ведь есть же Божья правда и человеческая справедливость! Это – признание честного имени. Это – и урок всем нам – урок любви к Родине. Да-да! Именно так! Ведь испытав чудовищную несправедливость, эти люди не затаили злобу на страну, понимая, что диктаторы приходят и уходят, не вечны и политические режимы, а страна остаётся. Поэтому они защищали её в суровую годину, самоотверженно трудились на предприятиях, а

герои этой книги – строили и благоукрашали наш Качканар. Апологетам же сталинского режима и сочувствующим посоветуем всё примерять на себя. Вот если бы вы или ваши родственники попали в расстрельный список по сфабрикованному делу? Или потому, что у вас неподходящая национальность. Или попросили бы вас вместе с чадами и домочадцами из уютной квартирки да в чисто поле... И уже всем настойчиво советуем посмотреть 10-томное издание «Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область» - наверняка найдёте родственников.

Книга состоит из трёх частей. Первая посвящена репрессированным по печально знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР – «Контрреволюционная деятельность». Что под этим подразумевалось, разъясняет первый пункт статьи: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

И вот ломай голову, какие действия, «направленные к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов» могли совершить архитектор Козловский, счетовод Гордиевская, хлебопашец Мейстер и другие герои главы «Тяжелее нет такого наказания». А наказания по этой статье действительно были тяжёлыми – вплоть до расстрела. «Время было такое!» - как заклинание твердят сталинисты. Какое «такое»? Уже на «съезде победителей» в 1934 году говорилось о полной победе социализма в СССР – откуда такая масса «врагов народа». И самое главное: людей-то убивать зачем? Да ещё по сфабрикованным делам, которые стали пересматриваться после смерти Сталина.

Самая большая глава посвящена судьбам раскулаченных. В ходе развернувшейся в начале 30-х годов коллективизации шёл процесс «раскулачивания». Но ведь и здесь подменили понятие! Изначально кулаки – это сельская буржуазия, активно эксплуатировавшая крестьян, занимавшаяся ростовщичеством, одним словом – мироеды. К моменту коллективизации этой прослойки практически не было – её разметали вихри Гражданской войны. Сейчас же ярлык «кулак» приклеили просто домовитым крестьянам, своим трудом добивавшихся материального благополучия. Именно благополучия, а не богатства. Потому что крестьянское хозяйство требует колоссальных трудозатрат. Это не наши б соток, где мы устаём после прополки грядок. Это сельскохозяйственный комплекс, включающий в себя поля, огороды, сенокосные угодья, крупный и мелкий рогатый и иной скот, птицу, иногда пчёл... Это беспрестанный труд, как единственный способ существования.

Естественно идея обобществления средств производства у крепких хозяев радости не вызывала. Вот здесь просматривается и логика властей: ликвидировать потенциально способную к оппозиции группу населения. На практике «ликвидация кулачества как класса» означала раскрестьянивание. в результате которого сломали хребет бывшему на протяжении сотен лет нациеобразующему классу российского общества. Среди многих отдалённых районов, куда высылали раскулаченные семьи, был и Исовский. Здесь возникают спецпереселенческие посёлки: Федино, Лабазка, Сахалин... – всего около десятка.

13 августа 1954 года вышло постановление правительства «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков». А 27 мая 1957 года началось строительство Качканара и горно-обогатительного комбината. И в это благое дело вложили свой труд вчерашние спецпереселенцы – им посвящена самая большая глава.

И, наконец, в последней главе речь идёт о репрессированных по национальному признаку. Дикость запре-

дельная! Это в России-то, где испокон веков в добрососедстве жили-поживали добра наживали разные народы и народности – наказывать только за то, что ты поляк, немец, финн...

Однако позволим не согласиться с автором, озаглавившей главу строкой стихотворения М. Волошина «Я не изгой, а пасынок России». Не одно столетие в Россию устремлялись люди из разных стран, обретали здесь родину и Россия становилась для них матерью. Пасынками они стали для правившего в то время режима, и не только они, а весь народ – потому что с детьми так не поступают.

И об авторе. Это А. Э. Андреевская – скромная, очень приятная женщина, много лет проработавшая учителем в Качканаре. Тема ей известна не понаслышке: её семья подверглась репрессии по национальному признаку – поляков эта участь постигла практически поголовно. Вот и взвалила Алина Эдуардовна на свои хрупкие плечи такую серьёзную ношу. Ведь это нужно встретиться с большим количеством респондентов, разговорить их вспомнить трагические страницы истории семьи, записать воспоминания, пропустив через своё сердце. Значение этой работы невозможно переоценить. Ещё один мощный пласт истории страны стал ближе. Ведь одно отношение, когда читаешь о событии, бывшем когда-то с кем-то, и гораздо больше доверия свидетельству знакомых тебе людей, живущих в одном с тобой городе, может даже в одном доме, одном подъезде...

Это память – печальная и величественная...

Скажем А.Э. Андреевской спасибо за проделанную работу, пожелаем ей здоровья на долгие годы, а всем нам – чтобы никогда больше в России не было страшных лет.

М. Титовец,
директор Качканарского городского архива,
член Союза краеведов России

¹ ЦДООСО, ф.190, оп.2, д.895, л.4

Тяжелее такого осуждения нет наказания

Осуждённые по статье 58 УК РСФСР

Я такое забуду нескоро

Разволнуюсь, глаза лишь закрою,
Вижу раннее детство свое.
Вижу я, как над нашей страной
Темной тучей кружит воронье.
Снова в памяти ужас всплывает,
Как кошмар, как приснившийся сон.
Вот людей в кандалах загоняют,
Как скотину, в товарный вагон.
 Было горько до слез и обидно
 По навету паскудных людей
 Брали видных, идейных, солидных,
 Брали просто людей без идей.
– Вы изменники! – им говорили.
Кто шпион еще, кум или брат?
Не судили, а сразу рядили
В полосатый тюремный бушлат.
 В эшелонах, до ужаса длинных,
 Выполняя ежовский указ,
 Увозили туда их, невинных,
 Где Норильск в тундре рос на костях.
И мелькали зима, лето, осень...
Только срок у бедняг был не мал.
Умоляли, спаси нас, Иосиф,
Но Иосиф мольбе их не внял.

Жили в мокрых землянках, как в норах,
Потому их немного в живых.
Догорали, как в капсуле пороха.
Выживал лишь один из троих.
Снег мохнатый на голову падал,
Заметая в сугробе отца.
Воронье там клевало не падаль,
А живых и живые сердца.
 Я такое забуду нескоро,
 Вопль и плач обезумевших жен.
 А над ними кружит черный ворон,
 Главный ворон – Иуда Ежов.
Лишь немногие свет увидали,
Не хватало на это им сил.
Их, конечно, потом оправдали
На краю безнадежных могил.
 Время смутное, я понимаю
 И в отместку кирпич не ношу.
 Но ответственность с Тех не снимаю,
 Потому и об этом пишу.

*Андрей Мазалов
Качканар, 2000*

Такая непростая судьба

Такое впечатление, что в этой квартире всегда многолюдно и весело. Вот пришла внучка хозяйки со своим мужем и маленьким сыном. Квартира огласилась детским смехом и топаньем маленьких ножек. «Вот если бы Вы вчера у нас были, то увидели, сколько нас всех собирается!» – восклицает Нинель Васильева. Еще бы! У нее три сына, 4 внука и 4 правнука.

Мы сидим с Бакановой Нинель Васильевной в уютной комнате, рассматриваем фотографии из семейного архива и ведем неспешный разговор. А поговорить есть о чем. Беру фотографию чуть ли не вековой давности. На ней запечатлены дети петербургского архитектора Василия Козловского. Юные барышники в красивых пальто и шляпках, два младших сына, скорее всего, уже гимназисты. Счастливые дети в обеспеченной хорошей семье еще не знают, какая жизнь будет ими прожита. Старшая из сестер, Мария Васильевна, умрет через несколько лет в охваченном революцией Петрограде. Зинаида Ввасильевна, пережив выселения и гонения, заболела туберкулезом легких и умрет в 1939 году тоже в молодом возрасте. О судьбе младшего из братьев, Льве Васильевиче, ничего неизвестно Нинель Васильевне. Семейные узы в Советской стране быстро рвались, когда узнавали, что кто-то из семьи арестован. Нам известна история жизни Василия Васильевича Козловского по рассказу его дочери Бакановой Нинель Васильевны и из его письма к Н.С. Хрущеву в 1956 году.

Семья Козловских жила до революции в Санкт-Пе-

В.В. Козловский, 1929 г.

тербурге. Отец – архитектор. Семья очень благополучная. Все дети учились в гимназии. После революции семье архитектора Козловского не нашлось места в Ленинграде, они как неблагонадежные были сосланы в город Троицк Челябинской области, хотя приняли советскую власть. Василий Васильевич в 20-е годы в армии Буденного воевал против басмачей в Туркестане. В августе 1935 года он был направлен на работу главным бухгалтером Камышловского диатомитового комбината Челябинской области. Жена, Степанова Клавдия Александровна, член КПСС, работала в профкоме. Дочь Нинель (советское искусственное женское имя Нинель – Ленин, если читать справа налево) уже училась в школе. Семья Козловских жила в особняке, где жили тогда все представители партийно-хозяйственной элиты города. Жили благополучно: спецпайки, спецраспределители и т.п.

В ночь, на 22 апреля 1937 года (в тот день Василию Васильевичу исполнилось 32 года), Козловский В.В. и руководители комбината были арестованы.

Клавдия Александровна, придя утром на работу, свой кабинет увидела опечатанным. В 24 часа было приказано выселиться из квартиры. В те же дни Клавдия Александровна была исключена из рядов КПСС. Пришлось снять комнатушку, хотя бы на время. Ведь считала, что разберутся, мужа отпустят. Но его отпустили спустя 10 лет со дня ареста.

Сестра, Зинаида Васильевна, жила в то время в поселке Потанино Челябинской области.

*Дети архитектора В. Козловского.
Санкт-Петербург. 1912 г.*

Она предложила жене брата и его дочери переехать жить к ней. Клавдия Александровна согласилась. Но когда узнали на работе Зинаиды Васильевны (она работала экономистом), что та приютила жену «врага народа» и его дочь, то сразу же уволили с работы и выселили из квартиры. Несчастные женщины нашли землянку, но в таком состоянии, где хороший хозяин свой скот держать не будет. Зинаида Васильевна вскоре заболела туберкулезом. В то время диагноз с таким заболеванием означал, что жить остается недолго. Зинаида Васильевна-женщина с сильным характером. Она пишет письмо самому Калинину М.И. От Михаила Ивановича

приходит ответ: восстановить на работе, предоставить жилье и выплатить зарплату за 8 месяцев.

Зинаида Васильевна понимает, что возвращаться на прежнее место работы нет смысла. Сама она сестра «врага народа». Был бы человек, а «дело» на него найдется. Обе женщины и девочка переезжают в город Копейск. Тетя устроилась на завод экономистом. Им дали комнату в трехкомнатной квартире. Клавдия Александровна боялась остаться здесь в городе, она – Степанова, а Зинаида Васильевна и дочь – Козловские. Дочь Нинель она оставляет у Зинаиды Васильевны, боясь своего ареста, и что дочь окажется в детском доме. Сама же она переезжает жить в посёлок Аргаяш Челябинской области и устраивается там на работу. Девочка при посторонних людях называет тетю мамой.

Болезнь у Зинаиды Васильевны быстро прогрессировала, и оставлять ее с ребенком было опасно. Клавдия Александровна забирает дочь к себе в посёлок Аргаяш. Она учится там, в школе знают, что она дочь «врага народа» Козловского. Старательная и способная, она учится на «отлично» и «хорошо». За отличную и хорошую учебу всем дают Почетные грамоты, а ей нельзя, ведь у нее отец «враг народа».

Козловскому Василию Васильевичу было предъявлено обвинение по ст.58-7-11 УК РСФСР, что является одним из руководителей троцкистской организации на комбинате. Все подробности своего ареста и следствия описаны им в письме к Н.С.Хрущеву 17 мая 1956 года.

Хотя всё дело Козловского В.В. было «шито белыми нитками», он был осужден «тройкой» на 10 лет. Об это узнал только тогда, когда прибыл в Ивдельлаг НКВД на станцию Сама 3 ноября 1937 года.

Нинель Васильевна вспоминает, как она с мамой и тетей ездила к отцу на свидание, которое было разрешено органами НКВД в 1938 году. Она помнит длинный деревянный мост через речку, когда они шли к отцу, и отца в арестантской одежде. Женщины сняли комнату в частном доме на несколько дней. Сестра, которая привезла брату немного топленого масла, и

его кто-то украл, стала «качать права». Её вызвали «куда надо» и сказали, чтобы замолчала, иначе сообщат, что она привезла весть о смерти Сталина. Ну что тут скажешь? Каковы времена, таковы и нравы.

Тридцать Седьмой год – это миллионы разбитых семей. Детей вынуждали отрекаться от арестованных родителей, жен – от мужей.

Очень непросто сложилась и личная жизнь Василия Васильевича. В лагере он познакомился с молодой женщиной, вдовой репрессированного секретаря Николаевского обкома партии Михаила Голобокова. Мария Ивановна с двумя дочками была сослана тоже в Ивдельлаг. Со Степановой К.А. Василий Васильевич разводится и женится на Марии Ивановне. Но никогда не терял связи с первой женой и дочерью. Мария Ивановна, как это я поняла, была именно той женщиной, находиться с которой рядом и быть равнодушным, было невозможно. По воспоминанию Нинель Васильевны, это была очень умная, тактичная женщина, всё понимала и никогда не обижала ни одним словом ни её, ни мать.

Судьба свела одного мужчину с двумя замечательными женщинами, которых он, конечно любил. И после смерти они втроем похоронены рядом, за одной оградкой.

Нинель Васильевна сначала окончила Кыштымское педучилище, немного работала учителем. После – заочно экономический техникум. В Качканар приехала с семьей в 1963 году и до самого выхода на пенсию работала в отделе труда и заработной платы Качканарского ГОКа.

Меня, не равнодушную к судьбам людей, заинтересовало, какова судьба тех арестованных Камышловского диатомитового комбината, работавших вместе с Козловским Василием Васильевичем. Из архивных данных я узнала, что:

1) Нохрин Иван Гаврилович, 1887 г.р., Камышловский диатомитовый комбинат, директор. Арестован 22 мая 1937 года, осужден 2 октября 1937г. Расстрелян 7 октября 1937 года.

2) Козлов Михаил Алексеевич, 1895 г.р., Камышловский диатомитовый комбинат, обогатительный цех, начальник участка. Арестован 1 июня 1937 года, осужден 2 октября 1937 года. Мера наказания – 10 лет ИТЛ.

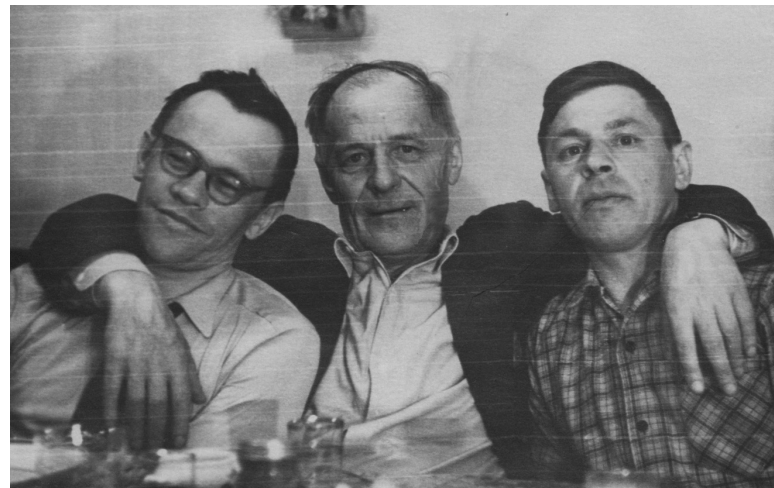
3) Головин Александр Николаевич, 1882 г.р., Камышловский диатомитовый комбинат, старший машинист. Арестован 22 апреля 1937 г, осужден 2 октября 1937, расстрелян 23 ноября 1937 г.

4) Друзин Михаил Михайлович, 1891 г.р., Камышловский диатомитовый комбинат, помощник начальника снабжения. Арестован 30 мая 1937г, осужден 2 октября 1937 г. Мера наказания – 10 лет ИТЛ.

5) Погорельский Михаил Николаевич, 1894 г.р., Камышловский диатомитовый комбинат, начальник планового отдела. Арестован 1 июня 1937года, осужден 2 октября 1937, расстрелян 23 ноября 1937 года.

Так что друг за другом были арестованы все руководители комбината и осуждены.

Козловский Василий Васильевич проведет почти 10 лет в лагере, переживет Сталина, Хрущева, Брежнева, доживет до Перестройки и умрет в 1988 году в почтенном возрасте.

В.В. Козловский (в центре) с зятьями

Изломанное детство

7 января 1938 года, в Рождество Христово, была расстреляна молодая женщина, Гордиевская Елизавета Федоровна, осужденная по статье 58 Тройкой НКВД 25 декабря 1937 года. Двумя месяцами ранее, 10 ноября 1937 года, ее муж, Гордиевский Николай Иванович, был также казнен. У них остался восьмилетний сын Альфред.

Гордиевский Альфред Николаевич родился в 1929 году в городе Свердловске. Семья проживала в квартире по улице Мичурина (бывшая Луговая). Родители были грамотные. Николай Иванович (1893 г.р.) работал экономистом во втором горторге. Елизавета Федоровна (1906 г.р.) – счетоводом на базе «Росшвейбыт». Жили вполне благополучно, пока не наступил кровавый 1937 год.

С наступлением ночи все боялись арестов. Постоянно арестовывали сослуживцев, соседей, знакомых. Страх и неизвестность опутали всю страну. 19 октября 1937 года «черный ворон» остановился у подъезда, в котором жили Гордиевские. Это было глубокой ночью. Стук в дверь. Вошли военные с винтовками, встали у окон и двери. Два энкаведешника с ромбами в петлицах предъявили ордер на обыск, а потом на арест. В квартире все переворошили, вещи все разбросали. Альбомы с фотографиями летели в печь. Учебники выброшены из квартиры на улицу. Когда предъявлены были ордера на арест, Елизавета Федоровна спросила:

- Куда теперь сына?
- Есть у вас родные в городе?
- Да, моя мать.

Энкаведешник, обращаясь к стрелку, сказал, чтобы тот съездил по указанному адресу и привез бабушку. Так восьмилетний Гордиевский Алик в одну ночь сразу лишился обоих родителей. С той поры, как «черный

ворон» увез мать и отца, больше он никогда их не видел. С бабушкой жил Алик, пока был маленький. Ходил в школу, в которой к нему относились как к сыну «врагов» народа. Одноклассникам родители не разрешали дружить, а учителя его просто не замечали.

Квартира была уже на другой день опечатана, а все вещи конфискованы и вывезены.

Вскоре бабушка уехала к дочери в Карабаш Челябинской области и там умерла. Алика она оставила у тетки, которой тот был не нужен: у неё были свои дети. А потом – война. Из детских лет Альфреду Николаевичу запомнились эти страшные годы. Постоянный голод. Жил в Свердловске на железнодорожном вокзале, пока не определили в детприемник. На куртке, которую носил, стояли слова «Детприемник НКВД СССР». Учебу в школе забросил. Из детприемника, а их было несколько, направили учиться в ремесленное училище № 18. Так в 14 лет, в 1943 году, Алик стал работать. Подростки, такие же, как он, делали мины. Заготовки для мин зачищали подростки, а в другом цехе их заполняли взрывчаткой женщины. Если смежная была ночной, то кормили в заводской столовой, а днем обедали в ремесленном училище. Еда – крапива, морковь, немного картофеля, пшено. Никаких жиров и белков для растущего организма. Хлеб давали по карточкам 400 граммов. После занятий и работы, держа в руках деревянные винтовки, занимались военной подготовкой.

После окончания ремесленного училища Альфред стал работать слесарем-инструментальщиком. После ночной смены, возвращаясь домой, во время гололеда упал и сломал ногу. В больницу положили только через три дня. В ней он пролежал целый год. Нога осталась на всю жизнь покалеченной из-за развившегося хронического остеомиелита. Пропуск на завод

был изъят, карточка иждивенца ликвидирована. По карточке теперь получал хлеба вместо 700 граммов только 400.

В 1956 году Гордиевский Альфред Николаевич приехал строить железную дорогу от станции Азиатской до Качканара. Работал в мостопоезде № 462 разно-рабочим. Все рабочие жили в товарных вагончиках, оборудованных под жилье. Они строили мосты.

В 1957 году Альфред Николаевич женился на Ольге Григорьевне. Она работала на станции Чекмень де-журным электромехаником на тяговой подстанции. У них две дочери и сын. Дочь Алла работает в Качканарском ГОКе. Елизавета и Сергей живут и работают в

Москве. Трое внуков. До пенсии Альфред Николаевич работал в ЖБИ художником по наглядной агитации. Оба с женой ветераны труда. Считают, что жизнь их сейчас нормальная.

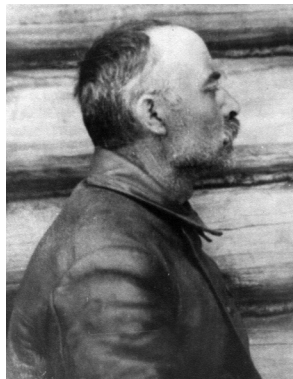
Гордиевские Николай Иванович и Елизавета Федоровна посмертно реабилитированы за неимением в их действиях состава преступления. Альфред Николаевич знает, что его расстрелянные родители похоронены на 12-ом километре Московского тракта. Всю правду о родителях, за что их судили и расстреляли, не знает. Но знает точно, что они были ни в чем не виноваты. Просто время было жестокое и кроважское.

Судьба семьи

Как далеки не были от сегодняшнего дня события тех жутких лет, но интерес к ним, тем не менее, не иссякает. События восьмидесятилетней давности должны послужить уроком последующим поколениям.

Граф (Мейстер) Элла Вильгельмовна родилась в селе Ак-Шейх Евпаторийского района Крымской АССР в 1925 году. Семья была большая, 6 детей, и самая младшая из них – Элла. Родители Мейстер Вильгельм Самойлович и Мария Людвиговна жили небогато. Свое хозяйство, а это – лошади, корова, свиньи, мелкий домашний скот, огород и сад содержали в идеальном порядке.

В марте 1930 года семью Мейстера, как кулацкую высылают на Северный Урал, сначала в поселок Ту-

*В.С. Мейстер после ареста.
Из личного дела
арестованного*

ринские Рудники (Краснотурьинск), а после в поселок Подгарничный Надеждинского (Серовского) района Свердловской области.

Сосланы были и три родных брата Вильгельма Самойловича с семьями. Все мужчины были грамотными. Грамотной была и Мария Людвиговна, до революции она окончила акушерские курсы.

17 апреля 1930 года, через месяц после прибытия, Мейстер Вильгельм Самойлович 1890 года рождения, крестьянин, хлебопашец, был арестован. Осужден 25 апреля 1930 года, расстрелян 5 июня 1930 года. Вильгельму Самойловичу было предъявлено обвинение в подготовке бунта против правильного выселения. Кто-то указал на него, как на

Школа №21 п. Подгарничного

бунтовщика-заговорщика, поэтому он был арестован в тот же час. Вильгельм Самойлович исчез, как исчезали в те годы многие люди. О его судьбе узнали только в 1989 году, когда брат Эллы Вильгельмовны Эдуард уезжал в Германию на постоянное местожительство.

Мария Людвиговна осталась одна с детьми, не зная, где муж, жив ли он. Она работала в местном медпункте, принимала роды у женщин. Старшие дочери, хоть и были подростками, стали работать в леспромохозе вместе с дядьями.

В 1937 году Ольга и Марта были замужем. Их мужьями стали родные братья Генрих и Давид Дик. В этом же году один за другим стали исчезать мужчины из семей Мейстеров.

Арестованы были все три родных брата Вильгельма Самойловича. Мейстер Самуил Самойлович (1886 г.р.), счетовод лесоучастка «Замарайка» арестован 25 декабря 1937 года, расстрелян 11 февраля 1938 года.

Мейстер Александр Самойлович (1895 г.р.), конвозчик участка «Замарайка» арестован 25 декабря 1937 года, расстрелян 16 марта 1938 года.

Мейстер Яков Самойлович (1896 г.р.), счетовод п. «Замарайка» арестован 16 декабря 1937 года, расстре-

лян 2 февраля 1938 года. В это же время была арестована жена Самуила Самойловича. Их четверо детей остались на попечение бабушки.

Но беды на этом не кончились. 18 декабря 1937 года был арестован тракторист посёлка «Замарайка» Дик Генрих Генрихович (1911 г.р.), муж Марты. После ареста мужа у нее родится сын, о котором отец никогда не узнает, так как он был расстрелян 7 февраля 1938 года. Брат Генриха, Давид (1912 г.р.), муж Ольги, работавший на лесоучастке п. «Замарайка» тоже был арестован и осужден на 10 лет ИТЛ. Но дальнейшая его судьба неизвестна, домой он не вернулся. Ольга и Марта ждали известий о своих мужьях, но так ничего и не узнали.

Арестовывали мужчин по ночам и всем приписывали какую-нибудь вину. Допрашивали, мучили, угрожали арестами жен и детей. В результате обвиняемые подписывали все обвинения, часто совсем несуразные. Например, поджог деревянного моста в таком месте, где такого совсем не было.

Так, семьи Мейстеров еще до войны оказались обезглавленными. В семьях остались женщины, старики и дети.

В посёлок Подгарничное были сосланы люди всех национальностей и один начальник-комендант. В 1941 году Элла Вильгельмовна окончила 7 классов и с подружками сдала документы в Серовское медицинское училище. Начавшаяся война затянулась надолго

Семья Граф. 1964 г.

и учиться не довелось вовсе. Комендант не дал справку на разрешение учиться на курсах бухгалтеров.

В 1942 году три сестры – Марта, Ирма и Элла были мобилизованы в трудовую Сестры попали в город Богословск (Карпинск) в угольную промышленность. Брат Эдуард был в трудовой в Нижнем Тагиле, Вильгельм – в посёлке Рудничном Серовского района. Осенью 1941 года Эдуарда на несколько дней отпустили домой. Он был страшно худой, работал на строительстве НТМК в «Тагилстрое» до 1948 года. Сестры добывали уголь для страны. Как мужчины спускались в шахты и выполняли трудную работу. Все жили в бараках в зоне, огороженной высокой колючей проволокой. На каждом углу зоны стоял охранник. Через вахту можно было пройти только с пропуском, свободного выхода не было. Утром бригадир собирал всю смену и выводил через проходную, и так же вечером. В шахте работали по 12 часов без праздников и выходных. Первый год питались в столовой. После стали получать продукты по карточкам и сами готовили себе еду.

В Богословске было три зоны, в каждой из которых по 10 бараков, в каждом бараке по 28 комнат, в комнате по 18 человек. Спали на трехъярусных кроватях. Бараки были каркасные, насыпные.

Элле Вильгельмовне запомнилось то, что умирало очень много трудармейцев. На трехъярусных кроватях постоянно освобождались места. Особенно много умирало людей, приехавших из теплых мест. Они умирали, как мухи – садились к теплой печке и больше не вставали.

Семнадцатилетняя девушка попала в трудовую вместе со старшими сестрами, которые помогали ей. Она находилась под их опекой и покровительством, поэтому сестры отвели от нее много бед.

В конце 1945 года Элла Вильгельмовна вышла замуж за Графа Анатолия Ивановича, тоже трудармейца. Это был брак по любви.

Уезжать не разрешалось. Молодая семья осталась на долгие годы в Карпинске. До 1956 года состояли на учете в спецкомендатуре. В Карпинске у них родилось

четверо детей: два сына и две дочери. Анатолий Иванович работал горным мастером, машинистом экскаватора. Пока дети были маленькими, Элла Вильгельмовна не работала. Вместе с мужем прожито 40 лет. В жизни было всякое, как она вспоминает, но семью в любом случае старалась сохранить.

В 1985 году мужа не стало. В 1990 году перебралась Элла Вильгельмовна в Качканар, где жила дочь Юлия Анатольевна с семьей. Купила небольшой дом на поселке Татарском и живет в нем по сей день, не помня зла, обид и горечи. У Эллы Вильгельмовны большая интернациональная семья с 8 внуками и 8 правнуками.

Э.В.Граф с внучкой Идой. 2005 г.

«Дети все у меня хорошие, пенсия сейчас неплохая», – говорит, улыбаясь Элла Вильгельмовна. А что еще надо человеку в старости?

Элла Вильгельмовна – труженик тыла, ветеран войны, ветеран труда, награждена правительственными наградами за доблестный труд.

Мейстер Вильгельм Самойлович, три его родных брата, оба зятя реабилитированы посмертно за неумением в их действиях состава преступления. Оболганные, замученные на допросах физически и морально, потом расстрелянные, они через несколько десятков лет стали иметь право на память.

Два портрета Сталина, один – Ленина

Елькиной Адели Викентьевне не пришлось в своей жизни видеть отца. Когда она родилась, отца не было в живых. 20 июля 1937 года Елькин В.А. был арестован по обвинению в антисоветской агитации по ст.58-10 УК РСФСР. Тройкой УНКВД по Челябинской области 26 августа 1937 года приговорен к расстрелу. Расстрелян 28 августа 1937 года. Реабилитирован посмертно через 52 года, 5 апреля 1989 года.

Состав семьи на момент ареста: жена Анна Георгиевна, 28 лет, дети – дочь Лилия, 9 лет, Ида 8 лет. Викентий Александрович работал простым бухгалтером. В 30 –е годы бухгалтеров назначали на работу в то или иное предприятие. До ареста Викентий Александрович работал помощником бухгалтера Далматовского овощного совхоза Челябинской (ныне Курганской) области. Какую агитацию против Советской власти вел рядовой помощник бухгалтера – об этом трудно сейчас судить. Как жилось семье после ареста кормильца, можно только предполагать. Родные матери сразу отказались от семьи «врага народа». Сестры Викентия Александровича – нет, помогали, чем могли.

Из города Далматова Анна Георгиевна с дочками переехала жить в посёлок Красный Урал. Там, в декабре 1937 года, родилась девочка, которую назвали необычным для здешних мест именем Адель. Как будто во французском романе.

После семья оказалась в посёлке Косья Исовского района. Анна Георгиевна работала у частников,

А.В. Елькина. 1958 г.

которые добывали платину, потом в шахте, на насосной гидравлике. Работа трудная, но куда денешься – трое малолетних детей.

В семье не было принято говорить об отце. В поселке о семье «врага народа» не знали.

Как и все, семья жила в бараке. Кроме картофеля, ничего не выращивали. У матери не было времени на ведение домашнего хозяйства. Летом дети собирали ягоды, грибы. Ягод: брусники, черники, малины, смородины здесь было великое множество. Осенью ходили в кедровник и шишкарлили.

Во время Великой Отечественной войны в поселке Косья появилось много немцев. Они были сосланы сюда из АССР немцев Поволжья.

Адель Викентьевна вспоминает, что жили в то время хоть и бедно, но дружно.

Платину, которую добывали самостоятельно, сдавали в посёлке Кучум, получали «боны». На эти «золотые» деньги покупали муку мешками, сахар, одежду. Поэтому жилось здесь не так плохо, как в других местах России. Но, все равно, это была бедность. Сколько помнит Адель Викентьевна, то зимой, весной и летом бегала только в резиновых сапогах, а летом – босая. Лапти здесь не носили.

В Косье Адель Викентьевна окончила 7 классов школы и стала работать в старательских бригадах на разных работах.

4 июня 1957 года в посёлке Валериановский Мальцев Семен Степанович принимал рабочих на стро-

ительство Качканара и ГОКа. Елькина А.В. была принята на работу среди таких же молодых людей. Первым местом работы была плотина. Для ее строительства очищали от леса площадку. Молодежь жила в палатках. Днем ставили колышки под строительство домов по улице Октябрьской, а по вечерам веселились, пели, танцевали под баян. Жизнь «била ключом».

В 1958 году Адель Викентьевна окончила курсы шоферов в посёлке Ис. 98 мужчин, одна только девушка – 99-ая, Адель Викентьевна.

Сначала посадили на машину «Газ-93», возила она раствор на стройку. Потом на самосвале «585» к строящимся объектам – возила бетон, раствор.

Адель Викентьевна – первая женщина-шофер на строительстве города и комбината. Потом были и другие женщины-шоферы.

Адель Викентьевна перешла работать диспетчером на автобазу. Когда начал работать качканарский радиозавод, стала там трудиться до самого выхода на пенсию.

У Адели Викентьевны трое детей: два сына и дочь, растут внуки. Она очень любит читать, всегда покупает книги себе и детям.

В ее квартире на стене висят два портрета Сталина и один Ленина. И это у женщины, у которой в годы репрессий был расстрелян отец, как «враг народа», у которой не было детства. На мой вопрос: «Почему?», Адель Викентьевна называет четырех человек, которых считает самыми выдающимися личностями в истории нашей страны: это Иван Грозный, Петр 1, Ленин и Сталин.

С ней можно соглашаться, или нет, но, как говорит Адель Викентьевна: «Жить без веры – это строить дом на болоте».

День леса. Нижняя Тура. 1929 г.

Трагедия человека

Куруленко Сона Алафиртовна родилась в 1949 году в городе Бородино Красноярского края. Её родителей, выходцев из Азербайджана и Белоруссии, после войны занесла сюда судьба.

Отец, Магарамов Алахверди Абишович, родился в 1913 году в селе Сулут Исмаилинского района Азербайджанской ССР. Был круглым сиротой, воспитывался в семье дяди. 20 августа 1941 года он был призван Кюрдамирским РВК в Красную Армию и служил в 376 отдельном стрелковом батальоне 50-й армии.

В июле 1942 году в районе города Таганрог Ростовской области Магарамов А.А. попал в плен и содержался в лагере для военнопленных в городах Ростов, Таганрог и Люблин (Польша). С марта по август 1943 года он проходил подготовку в «Азербайджанском Национальном легионе» немецкой армии в городе Ноямбер (Германия), по завершению которой был направлен в г. Едино (Польша). С октября 1943 года по январь 1945 года находился в городе Родез (Франция), а затем до марта 1945 года в г. Голаубок (Германия).

8 мая 1945 года военнопленные были освобождены американцами и англичанами и переданы советскому командованию. Был это последний лагерь для военнопленного Магарамова в г. Марсель (Франция).

Но радоваться было рано. Во всем мире военнопленным помогали все, начиная от Красного Креста. А у нас были изменники Родины, предатели и трусы. Эшелоны с военнопленными, пролетая советские станции за станцией, шли на восток страны. 8 августа 1945 года на

станции «Заозерная» выгружали состав с репатриантами. Их расселили как строительно-военную часть. Солдаты должны были строить Ирша-Бородинский угольный разрез в Красноярском крае. Везли на Колыму, но почему-то живой товар выгрузили прямо здесь. Рабочая сила требовалась после войны повсюду.

Рядовой состав, в котором находился Магарамов Алахверди Абишович, с 15 августа 1945 года был на спецпоселении в Рыбинском районе Красноярского края и под надзором спецкомендатуры. Ежедневно два раза, до работы и после, отмечались в спецкомендатуре. Ежемесячно у них, помимо подоходного налога, удерживался с зарплаты налог в пользу государства.

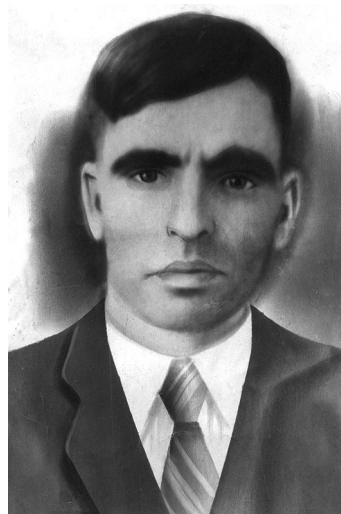
Алахверди Абишович работал плотником в строительном управлении.

После войны из Белоруссии, из Гомельской области, приехала к старшей сестре Арине Кулешова Федосья Антоновна с маленькой дочерью. Фе-

досья Антоновна во время войны была партизанкой и пережила все ужасы. Фашисты на её глазах расстреляли всю семью у тети. Хоронить не могли на кладбище, зарывали трупы в огороде. Партизаны приходили в село, заходили в каждую хату. Если есть несколько подростков в семье, одного оставляли матери для подмоги, а остальных увозили с собой в лес.

Алахверди Абишович и Федосья Антоновна познакомились и стали жить вместе. В 1949 году у них родилась дочь, которую отец назвал Сона.

По воспоминаниям Сони Алафиртовны, отец был очень добрым человеком, всем всегда помогал. Их семья

А.А. Магарамов

жила на улице на окраине поселка Бородино, где жили в землянках одни репатриированные и спецпереселенцы: эстонцы, калмыки, азербайджанцы, узбеки, туркмены, армяне и даже китаец. Между собой жили дружно, ходили друг к другу в гости, помогали, по возможности вместе отмечали важнейшие семейные события и праздники. Только не одна улица, на которой проживали люди с покалеченными судьбами, была в поселке Бородино, переросший потом в город. Как и везде по всей огромной стране.

В 1959 году Алахверди Абишович умер от тяжелой болезни в возрасте 46 лет. Осталась вдова с 7 детьми: старшей дочери было 15 лет, а младшему ребенку – 2 месяца. Федосья Антоновна работала в детском санатории няней. Как рассказывала Сона Алафиртовна, и голодные были часто, и холодные. И поесть было нечего, и обуться не во что.

После 8 класса Сона пошла работать на почту и с того времени стала работницей связи.

Замуж вышла за Куруленко Анатолия Александровича, родила сына и дочь. Муж рано умер. В наш город Сона Алафиртовна приехала 8 лет назад. «Сколько раз, когда работала на телеграфе, связывалась с Качканаром и понятия не имела, где он находится и почему такое странное название у города», – говорит

Семья Куруленко. 1981 г.

она улыбаясь. А когда приехала сюда к дочери в гости, увидела сказочную природу и город, так понравилась все, что продала в городе Бородино свою квартиру и купила здесь. По постановлению ГКО №9871 от 18.08.1945 года Магарамов А.А. был поставлен на спецучет и снят с него в 1952 году, хотя никогда он не принимал участие в боевых действиях против частей Красной Армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения.

Дети в ответе за отца

«До свидания, моя дорогая семья. Не сегодня – завтра вступаем в бой», – это строки из последнего письма красноармейца Фертикова Петра Михайловича своей семье в деревню Чикунова Камышловского района Свердловской области осенью 1941 года.

До Великой Отечественной войны Петр Михайлович (1902г.р.) и его жена Пелагея Александровна (1902 г.р.) работали в колхозе. Он – бригадир тракторной бригады, она – рядовая колхозница. Жили дружно, мирно, были уважаемыми людьми. Три сына, три дочери росли и радовали своих родителей. Стар-

шей Ольге в 1941 году было 17 лет, а самой младшей Люсе – 4 года.

С началом войны Петр Михайлович знал, что его возьмут на фронт. Был физически здоров и призывного возраста.

Кочнева Мария Петровна, его дочь, рассказывает, как отца провожали на фронт. Он ремонтировал забор у огорода, когда принесли повестку. На утро провожали отца все родственники, односельчане и соседи. Она вспоминает, как плакала, уткнувшись в подушку. Очень жаль было расставаться с отцом, которого так любила. Мать плакала не переставая. Кроме шестерых несовершеннолетних детей, у нее должен родиться седьмой ребенок. Пелагея Александровна проводила мужа до призывного пункта в г. Камышлове и потом, как все солдатки, ждала писем с фронта. Писем было всего два. Первое как-то с переездами затерялось, а вот второе, зачитанное до дыр, долгое время хранилось в семье.

Фертиков Петр Михайлович попал на фронт защищать Москву. Обескровленные армии были пополнены новобранцами с Урала и Сибири. Оторванные от своих семей, от земли, от станков на заводах, плохо обученные военному делу, они показывали настоящие образцы героизма, стойкости и самопожертвования.

Особенно ожесточенные бои с противником были на подступах к городу Клину с 15 ноября по 5 декабря 1941 года. В это пекло попал Петр Михайлович.

Вот как описано это сражение в исторических документах:

« В результате действий 30-ая Армия оказалась расчлененной на три группировки. Тесня ее левый фланг, немцы развивали наступление на Клину и Солнечногорск. В результате этих действий противника 107-я м.с.д. полковника П. Г. Чанчибадзе оказалась в окружении и в течение нескольких дней была вынуждена сражаться в одиночестве. Сумев все же прорваться к Клину, она оказалась полностью обескровленной, так как к этому моменту

ней насчитывалось не более 300 бойцов и 15 легких танков».

Когда в декабре 1941 года была освобождена Московская область, то среди пленных оказался Петр Михайлович. Он был арестован. Сначала находился под следствием, а затем судим Военным Трибуналом как изменник Родины по статье 58-1 УК РСФСР и расстрелян в 1942 году.

Писем с фронта не было. Пелагея Александровна в апреле 1942 года родила дочь Любу, о которой ее отец так и не узнал.

Семью «брали» ночью в декабре 1942 года. Жена Фертикова П. М. и его 7 детей были арестованы. Всю ночь описывали имущество. Хороший большой бревенчатый дом, весь домашний скот, все хозяйство конфисковалось в пользу государства. Без сопровождения военных дети не могли выйти даже на улицу в туалет. Утром Пелагея Александровна сказала: «Маруся, сходи к тете Зое, пусть придет с нами попрощаться, нас увозят». Следом за 12-летней девчонкой пошел милиционер. Кто знает, вдруг убежит и ищи ее. Тогда и фронта не избежать и кто знает, что будет с твоей семьей. А до конца войны было так еще далеко. Утром с несчастной женщиной с грудным ребенком и ее детьми прощались родные, соседи. Все плакали навзрыд. Одна бездетная супружеская пара умоляла Пелагею Александровну отдать им на воспитание 5-летнюю Люсю. Но она не согласилась, сказав: « Умру, но все мои дети будут со мной».

Сначала была тюрьма в городе Камышлове, потом – в Свердловске. Оттуда по приговору суда повезли Фертиковых товарным поездом в г. Петропавловск Северо-Казахстанской области на поселение сроком на 5 лет. Во всех тюрьмах обращались жестоко, несмотря на то что это были дети, с ними разговаривали как с преступниками.

«Руки назад!» – приказывали при выводе на оправку и во время прогулки на территории тюрьмы. Кто как, а я не могу без слез представить шестилетнего

Алешу, пятилетнюю Люсю, гуляющими со скрученными назад руками.

Мария Петровна говорит о том, что таких арестованных женщин с детьми было очень много. Тюрьмы везде были переполнены.

Фертиковых сослали в Северо–Казахстанскую область в Полудинский район. Казахстан, особенно его северная часть, с 30-х годов был местом, куда ссылали жен изменников Родины и людей по национальному признаку, которые были объявлены врагами народа.

Семья сначала жила в амбаре, потом дали жить в землянке, в которой прожили все 5 лет ссылки. Пелагея Александровна и старшие дети работали в совхозе. Остальные дети без одежды, обуви, так как были обменены на продукты, не посещали школу. Школа была далеко и до нее добраться было непросто. На новом месте прижились, и Пелагея Александровна даже не хотела отсюда уезжать. Старшие дети ни за что не хотели здесь оставаться. Валентин (1927 г.р.) уехал в Алма-Ату, устроился работать на завод, женился и жил там до своей кончины.

В 1947 году Пелагея Александровна вернулась с детьми домой в деревню Чикунова. Их дом в то время оказался пустым, и они поселились в нем. Но пришел председатель колхоза и сказал, что дом им не принадлежит, а колхозу, и чтобы выселялись из него. Так вот поступили с семьей, где были малолетние дети. Дети в нашей стране не отвечают за родителей. Оказывалось, что отвечали и еще как!

Старший Александр (1926 г.р.) окончил сельхозтехникум и стал работать в колхозе деревне Фадюшиной ветеринаром. Он забрал к себе мать с младшими сестрами и братом.

Мария (1930 г.р.) в 1947 году уехала в г. Камышлов. Имея образование 4 класса, поступила учиться в вечернюю школу и устроилась работать санитаркой в детскую больницу. После окончания 7 класса было Камышловское медицинское училище, после окончания которого стала работать медсестрой. В это время и встретила свое счастье. Муж, Кочнев Владимир Ми-

хайлович, работал машинистом электровоза. В 1963 году он переводом устроился в Качканарский ГОК и работал до выхода на пенсию машинистом тепловоза и электровоза. Был секретарем партийной организации. Их брак оказался счастливым. Вместе прожили 50 лет, родили и вырастили сына и дочь, прекрасных людей. Уже 6 лет нет на земле Владимира Михайловича, но Мария Петровна не одинока. У нее 4 внуков и 4 правнуков. Сын Владислав и дочь Татьяна помогают во всем матери.

Мария Петровна долгое время работала в детских яслях №5, сначала воспитателем, старшей медсестрой, заведующей детскими яслями. Немного поработав в больнице медстатистом, поняла, что это не ее дело, тянуло к детям и опять – детские ясли №5.

Вышли замуж сестры и женились братья, работали в колхозах, на заводах и учреждениях. Все стали достойными людьми. Сейчас нет в живых всех трех братьев и сестры Людмилы.

После войны Пелагея Александровна обращалась с запросом в Москву, чтобы узнать, что произошло с ее мужем. Ответ был, что Фертиков Петр Михайлович осужден по статье 58-1 УК РСФСР Военным Трибуналом как изменник Родины и расстрелян в 1942 году.

Как жилось семье с таким клеймом долгие годы? Что чувствовали они в праздничные дни, когда видели фронтовиков с орденами и медалями на улицах городов и деревень?

Александр Петровичу, ветеринару колхоза, очень похожим внешне на отца, «кололи» глаза, если что-то не так: «Не забывай, кто у тебя отец!»

Только через 50 лет были рассмотрены личные дела «изменников Родины» Главной Военной Прокуратурой РФ. Фертиков Петр Михайлович за неимением состава преступления был полностью посмертно реабилитирован. Посмертно реабилитирована его жена Пелагея Александровна и их 7 детей. Так вернулось Фертикову П.М. его доброе имя и право на память. Разве мог он, отец и муж, предать их? Ведь шел он на войну, чтобы защитить их, свою дорогую семью.

Вспоминая прожитое

Славься, Отчизна родная,
Великой своей красотой,
Могучею силой народа
С его незавидной судьбой.

Эти строки из стихотворения «Моя Россия» Кузмич Галины Васильевны, первостроителя нашего города, замечательного человека, очень интересной женщины, отдавшей более тридцати лет своей жизни советской торговле.

Родилась Г.В.Кузмич (Котугина) в 1922 году в деревне Дернова Каргопольского района Челябинской (ныне Курганской) области. Родители, Котугины Василий Николаевич и Анна Петровна, жили-крестьянствовали. Потом вступили в колхоз. Отец работал в колхозе конюхом, а мать – рядовой колхозницей. В сезон постучит бригадир в окно и крикнет: «Анна, выходи на работу!» Так большинство деревенских женщин работало на колхозных полях, огородах, на покосе. Деревня Дернова в 120 крестьянских дворов не была бедной. Все жили своим трудом, бедноты особой не было. У Котугиных был свой дом, хозяйство, в деревне у них была самая лучшая корова. В 1933 году, когда стали раскулачивать зажиточные семьи, братья отца оказались похитрее: все хозяйство распродали и уехали в город Нижний Тагил. Там стали рабочими на предприятиях. В 1937 году и это их не спасло. Одного из братьев и его сына арестовали, со-

слали в Соликамск, а после расстреляли.

Василий Николаевич имел независимый характер, был прямым человеком, не любил лодырей.

В 1933 году Котугиных раскулачили, отобрали всё. Василий Николаевич убедил НКВД, что он в гражданскую войну был партизаном. За это вернули ему дом и оставили в покое. Но покой длился только два года. В 1935 году Василий Николаевич был арестован тройкой УНКВД по Челябинской области. За «антисоветскую деятельность» ему дали десять лет исправительно-трудовых лагерей.

Попал Котугин В.Н. в лагерь в городе Мариинске Новосибирской (ныне Кемеровской) области на общие работы. Лагерь есть лагерь. Второй такой, кажется, больше не пережить.

Работящий, с крестьянской ухваткой и смекалкой, он понял, что надо приспособиться к этой лагерной жизни. Был приучен к любой крестьянской работе, столярничал, плотничал. То дров после работы наколет, то воды наносит. Стали оставлять в зоне в хлебрезке. А после и вовсе дали работу мастера в пекарне. Тем и выжил, что был работящим, порядочным и добрым человеком. Не сломился, выстоял, остался человеком. За зону в ящике с двойным дном выносил хлеб заключенным, многим спас этим жизнь. В лагере каких только людей не повидал! Сколько смертей пережил!

На западе страны шла кровопролитная война, а здесь, в Сибири в лагере, все было, как у Шухова

Сестры Котугины

Ивана Денисовича: подъем, пайка, баланда, разводы, каторжная работа, шмоны, вечерние проверки, барачная вонь, вши да блохи...

За хорошую работу Василий Николаевич был освобожден из лагеря на один год раньше. Но к семье не пустили. После лагеря – спецпоселение в Ульяновской области, где работал механиком по сельхозмашинам. Директор совхоза был хорошим человеком, уважал Василия Николаевича, уговаривал его остаться в совхозе и перевезти сюда семью. После такой жесточайшей войны мужские руки были на вес золота. Василий Николаевич вернулся к семье только в 1947 году.

В 1937 году Котугина Анна Петровна с четырьмя дочерьми была выслана в поселок Косья Исовского района Свердловской области. Через месяц две младшие дочери Августа (5 лет) и Зина (3 года) умерли друг за другом.

Как вспоминает сейчас Галина Васильевна, в 8 лет она с сестрой Марией рвали лён, а в 13 лет, после ареста отца, вовсе стала взрослой.

На Косье Анна Петровна работала в старательской бригаде, Галина качала вручную воду у старателей, а Мария подалась в няньки.

Галина окончила 7 классов, курсы трактористов, потом поступила в Исовский геолого-разведывательный техникум. На II курсе ушла из техникума: не платили стипендию, жить было не на что.

Во время войны на Косье 25 девушек обучали военным дисциплинам, чтобы отправить в летную часть. Кто знает, как сложилась бы судьба Галины Васильевны, но в летную часть она не попала. Немного работала на заводе в Нижнем Тагиле, но потом вернулась на Косью и работала старателем в бригаде.

Василий Николаевич после возвращения работал в геологической экспедиции по разработке недр горы Качканар. Материально стали жить хорошо. Купили лошадь, корову, свинью, держали много кур в хозяйстве, построили свой дом. После возвращения Василием Николаевичем было построено шесть домов. Ходил он по лагерной привычке со скрещенными сзади

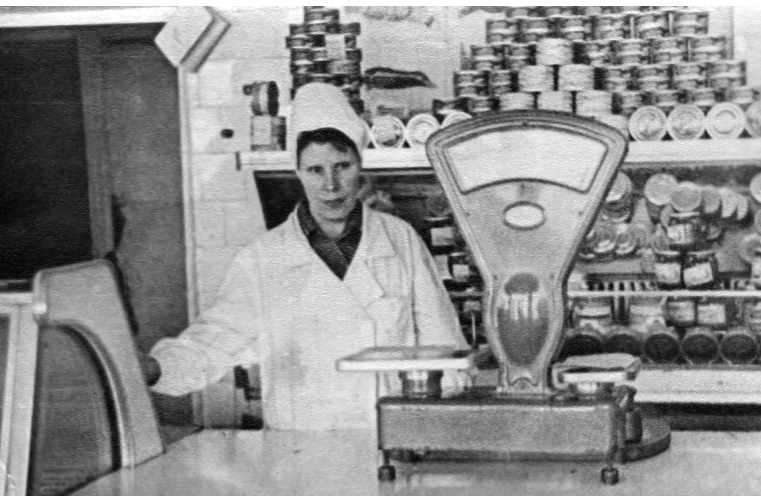
Семья Котугиных

руками. Сильный физически, не сломленный никакими невзгодами, из породы долгожителей, жить бы ему да жить... В 1964 году, в возрасте 65 лет, собирался оформить пенсию, но попал под машину и от травм, несовместимых с жизнью, скончался. Надо было в своей жизни пережить раскулачивание, лагерь, ссылку, а затем погибнуть под колесами лихача-водителя.

С 1958 года жизнь семьи Котугиных связана навсегда с Качканаром.

Трудно было на стройке работать
В бурю, в дождь, но мы шли напролом.
Мы смеялись, шутили и мерзли,
Не сдавались нигде и ни в чем.

С 1958 года Галина Васильевна стала работать продавцом в продовольственном магазине по улице Октябрьской, который по старой и доброй привычке до сих пор называют «старым гастрономом». В нем она работала 26 лет. В Качканаре вышла замуж. Кузмич Петр Сергеевич, тоже первостроитель, работал плотником на стройке. У Галины Васильевны трое детей:

Г.В. Кузмич в магазине. 1970 г.

дочь и два сына. Дочь Нелли после окончания института живет и работает в городе Санкт-Петербурге. Сергей и Владимир – качканарцы. Внуков шесть, правнуков двое.

За добросовестный труд Кузмич Галина Васильевна награждена Почетными Грамотами, четырьмя медалями. Она – труженик тыла, ветеран труда. За всю работу в магазине на нее никогда не было жалоб от покупателей, они всегда были довольны ее работой.

«Если хочешь честного человека в магазине, то возьми на работу Галину Васильевну Кузмич», – такая была рекомендация одной заведующей магазином другой.

Галина Васильевна очень интересный человек. До 87 лет она, имея прекрасный голос и исключительный музыкальный слух, пела в хоре «Журавушка». Пишет стихи, юморески, частушки.

Мы гордимся красой Качканара.
Видим пруд – серебристую гладь.
Качканар – это родина наша,
О тебе будем песни слагать.

Во войну мужчины рода Котугиных ушли защищать Родину. Одиннадцать из них погибли, навсегда оставаясь в памяти своих семей и народа героями.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Клековкина Зинаида Степановна

Родилась в 1973 году в посёлке Верх-Косья Исовского района в семье раскулаченных крестьян из Псковской области. Отец, Кононов Степан Степанович (1909 г. р.) и мать Матрена Ивановна (1908 г. р.) в составе своих семей в 1931 году были сосланы в Верх-Косью. В те годы Степан Степанович трудился в Косьинском прииске забойщиком шахты. Матрена Ивановна работала в лесхозе. В 1936 году они поженились. Через год родилась дочь Зинаида.

13 января 1938 года Кононов Степан Степанович был арестован и осужден 19 июня 1938 года по 58-й статье на 4 года ИТЛ. Срок отбывал в Магадане на золотых приисках. Домой он вернулся через 10 лет, в 1948 году. Во время войны сроки увеличивались, и выезд был практически невозможен. После возвращения из лагеря трудился на прежнем месте. Кононов Степан Степанович прожил долгую (умер в 2002 году) и очень трудную жизнь. Реабилитирован при жизни.

Дочь Кононовых, Зинаида, окончила среднюю школу, затем вечерний строительный техникум и работала в СУ-7 инженером по технике безопасности. В 1970 году вышла замуж за Клековкина Бориса Григорьевича. У супругов есть сын.

Зинаида Степановна – ветеран труда, награждена грамотами за добросовестный труд.

А на сердце плачет война

Лебедев Михаил Николаевич родился в 1929 году в селе Пяткино Шахунского района Горьковской (Нижегородской) области в семье Лебедевых Николая Тимофеевича и Ксении Ульяновны. Он был младшим сыном из большой семьи. Родился, когда родители были уже в очень зрелом возрасте.

Его отец, Лебедев Николай Тимофеевич, 1879 года рождения, уроженец и до ареста житель с. Пяткино Шахунского района Горьковской области, рабочий Шахунского пункта «Заготзерно». Арестовали его 21 ноября 1937 года. Постановлением тройки УНКВД Горьковской области от 14 декабря 1937 года по ст. 58 -10, 58 – 11 УК РСФСР приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Расстрелян 14 января 1938 года в г. Горьком, похоронен на Бугровском кладбище.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных

М.Н. Лебедев

М.Н. Лебедев (слева)

мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов, Лебедев Николай Тимофеевич по заключению Прокурора Нижегородской области от 14 декабря 1989 года реабилитирован посмертно.

Лебедевы были простыми крестьянами. На огромную семью (семь детей) имели дом, корову, лошадь. Семья была глубоко религиозной. Когда в селе создавался колхоз, не хотели в него вступать так как считали, что колхозы – это большой грех.

После ареста Николая Тимофеевича все имущество было конфисковано в пользу государства. Старшие дети уже были семейные и жили отдельно от родителей. Ксения Ульяновна осталась с четырьмя детьми, двое из них были несовершеннолетними. Оставшись без дома, они поселились в баньке. В одну из ночей приехал «черный воронок» за Ксенией Ульяновной, женщиной немолодой и больной. Только успела благословить своих детей...

В тюрьме на медицинской комиссии определили у неё тяжелый порок сердца и отпустили несчастную женщину домой. Находясь в тюрьме, Ксения Ульяновна дала зарок: если вернется домой к детям, год ни с кем не будет разговаривать. Этим считала, что искупит грехи. И слово свое сдержала.

Миша, младший из детей, пока не было матери, жил у старшей сестры Павлы. Учился в школе. Помнит, как не разрешили в школе появляться с крестиком на шее, как в военные годы работал, заменив взрослых мужчин, ушедших на фронт. Ушли воевать два брата. Старший Леонид погиб на фронте, освобождая Укра-

Семья Лебедевых

ину от врагов. Василий тоже воевал, потом служил в армии, в общей сложности отдал армии 9 лет.

Миша работал в лесу, на лошади вывозил дрова. В военные годы детям было не до учебы. Жена Михаила Николаевича, Нина Михайловна, вспоминает, как они, ученики начальных классов, чистили и убрали снег и лед с железнодорожных путей в Шахунье. На всю жизнь запомнился председатель колхоза Иван Егорович, фронтовик, вернувшийся после фронта без руки. Он даже по ночам будил детей и отправлял на расчистку снега на железнодорожную станцию. Сколько этих мальцов погибло тогда на железнодорожной станции! Шла война. Военные поезда шли с запада и востока и останавливать их из-

за снежных заносов на путях было государственным преступлением.

Вот такое детство было у сегодняшних тружеников тыла, а в те годы просто детей, оставшихся большей частью без отцов. Сейчас бы только жить, да вот нет здоровья у тех, кто не знал, что такое счастливое детство, на чьи плечи легли все тяготы жизни в тылу.

Выжившим после такой войны надо было жить, чтобы заменить погибшим отцов и братьев. Михаил продолжал работать в леспромхозе. Здесь, в лесу, судьба свела его с юной девушкой. Их родные матери решили поженить. Михаил, 19 лет, Нина, 17 лет, за 40 километров пешком пошли в церковь и там обвенчались после праздника Покрова. Это было 17 октября 1948 года. С тех пор минуло 62 года.

Сразу же после женитьбы Михаил ушел служить в армию. Служил 3 года в Западной Украине, в Львовской области. Война там только была фактически окончена. Банды украинских националистов все еще скитались по лесам. Нина растила и воспитывала сына Колю.

После возвращения Михаила Николаевича из армии, Лебедевы уехали жить в леспромхоз. У них родились еще 3 дочери. Детей надо было учить, а в леспромхозе была только начальная школа.

В 1961 году переехали Лебедевы в Качканар. Михаил Николаевич 8 лет работал в леспромхозе, а потом в «Уралдомнаремонт». Нина Михайловна трудилась на заводе ЖБИ, затем перешла в ГОК. Сейчас у Лебедевых 8 внуков и 6 правнуков.

Воспоминания, как тяжелый крест, который мы несем на себе, не дают покоя. Как забыть эти сложные предвоенные годы, жестокие военные и послевоенные годы?

Рассказ Мазалова Андрея Алексеевича (1935 г.р.)

Мои родные по отцовской линии были родом из Курской губернии. Бабушка родила 18 детей. Из них выжили 10 сыновей и одна дочь. Бабушка прожила целый век и на 101-м году жизни умерла.

Каждый из сыновей, когда становился взрослым, должен был получить земельный надел в пять десятин. Но в Курской губернии столько земли сыновья Мазаловых получить не могли. Во время голода до революции семья наша снялась с насиженного места и двинулась в Сибирь. На телегах везли нажитое добро, гнали с собой коров. Так ехали больше года. На зиму останавливались в какой-нибудь большой деревне, где можно было заработать денег и прокормиться.

Так добрались до Сибири, до новосибирских степей. Ахнули, увидев бесконечные просторы. Нигде и никогда не видели столько пустующей земли. Степи и кругом озера, называемые здесь лягами. Ляги – озера с зеркальной гладью воды посередине, а по краям заросшие травой.

В большом селе Кочки решили остановиться. Рядом протекала речка Насук. Неизвестно, откуда она брала начало и куда впадала. Скорее всего, из болот. Лес в километрах 30. Надо было строиться. Две-три зимы надо было побатрачить, чтобы построить дом. Да еще сыновья друг за другом женились. Каждому из них тоже надо дом построить.

Все 10 сыновей имели разные специальности: печники, сапожники, кузнецы, портные. Мой отец, Алексей Яковлевич (1901 г.р.), был портной. В такой огромной семье только последний лодырь мог бы не работать. Все дружные, физически здоровые и выносливые, непьющие.

Когда в селе Кочки создавали колхоз, а их было три, забрали у нас коров, лошадей на колхозный двор. Мой

отец был уже женат на нашей матери, Елене Карповне (1907 г.р.) У них родилось 9 детей до 1937 года, но выжили трое. Старший брат Федор (1925 г.р.) во время войны был призван в армию и погиб в 1943 году. Два брата отца уехали в город Гурьевск Кемеровской области и работали на Екатерининском заводе, поэтому репрессии их не коснулись.

Осенью 1937 года отца и его шестерых братьев арестовали. Не взяли только одного брата, работавшего в колхозе кузнецом. У нас в доме ночью произвели обыск, все перерыли, переворошили. Бабушка спала на рундуке (рундук – длинный ящик с крышкой). Её тоже подняли, стали рыться в вещах. А какие вещи у бабушки? То, что приготовлено на момент кончины. Достали мешочек, в нем просвирки. Спрашивают у бабушки:

- Что это?
- Просвирки.
- А можно их мальчику дать?
- Давайте.

Родители А.А.Мазалова

Мне шел тогда третий год. Но я хорошо запомнил этот момент, как я стоял и грыз этот пряник. Отца, колхозного бригадира и хозяина семейства, арестовали. Без всякого суда, предъявленных обвинений, его и вместе с ними трех братьев, Василия, Ивана и Илью повезли на север. Других братьев – на Колыму, в Магадан.

Пока довели до Норильска, братья побывали в нескольких лагерях. Самый крупный из них в Дудинке. Дудинка – самый северный порт в устье Енисея. Дома здесь все деревянные. Каменные дома разваливались, не выдержав вечной мерзлоты. Хотя и в этих краях умудрялись некоторые выращивать картошку в теплицах. Кругом небольшие холмы.

Арестованных привезли на голое место. Как жить? Ничего нет. Выкопали землянки, в них первую зиму прокантовались. Народ мер, как мухи. Похоронные команды едва успевали хоронить покойников. Стольких лагерей здесь не было, сколько народа нагнали.

Потом жили в вагончиках и строили узкоколейку до будущего города Норильска. От Дудинки до Норильска около 100 километров. Строили в условиях вечной мерзлоты, здесь повсюду болота.

В те годы в тундре возводился город Норильск и комбинат только силами заключенных. Вольняшки – только охрана. Никель, золото, медь, руда, уголь – вся таблица Менделеева – вот что такое Норильск. В горе Шмидтихе добывали уголь. В забоях его рубили и по желобам спускали вагонетки с углем вниз. Город был закрытый долгое время.

Окончилась война, отца в 1945 году освободили, хотя он еще два года оставался на вольном поселении. Когда уезжал из Норильска и получал документы, то спросил у начальника МВД:

— Так за что же я сидел столько лет?

— Слушайте, я буду читать ваше дело. Вы были бригадиром в колхозе?

— Да, был.

— А чем вы поили колхозников?

— Как, чем? Водой, молоком, если его привозили.

— Вот в заявлении написано, что вы поили людей водой из бочек, в которых возили фекалии.

— Я ведь вместе со всеми пил эту воду. Но где вы видели, чтобы в деревнях были выгребные ямы? Это ведь обман.

Оказалось, что заявление на отца написала активистка Людочка, была такая в селе. А результат – арест отца и его братьев.

Начальник посоветовал отцу написать заявление на эту женщину.

— Я писать не буду. Не хочу, чтобы хоть один человек в мире пережил то, что пришлось мне испытать, – таков был ответ отца.

Когда отец находился на вольном поселении, нам разрешили въезд в город Норильск. Я уже окончил три класса и хорошо помню, как мы добирались на телегах до порта и больше недели жили на берегу, пока ждали, когда придут баржи. На барже «Серго Орджоникидзе» добрались по Енисею до Норильска.

В Норильске мы прожили 2 года. Я учился там в 4 и 5 классе. В поселке Таежном был пионерский лагерь. Мне довелось там отдыхать все лето.

Зимой морозы -60. Без градусников заключенные определяли температуру: если плевков замерзает на лету, значит, температура ниже 50. А сколько народа погибало во время пурги! Покрутятся в снежной мгле, не понимая, куда идти, и замерзают. После стали натягивать канат, чтобы не заблудиться. Сбежать из Норильска фактически было невозможно. Кругом болота и одна узкоколейка, надежно охраняемая бойцами.

Как и чем выжил отец в лагере? Специальность у отца – портной, что очень помогло. Все братья отца были очень крепкими. Ни один из них не пил, отец за всю жизнь не выкурил ни одной папиросы.

Север и лагерные условия не могли не сказаться на здоровье: отец страдал воспалением тройничного нерва и серьезным заболеванием сердца. Остаться в Норильске ему стало нелегко. Мы собра-

лись и решили ехать в город Гурьевск Кемеровской области.

Когда плыли на пароходе, с нами огромная партия бывших заключенных возвращалась домой. Какие страшные истории рассказывали эти люди! Развесив уши, я внимательно их слушал. Человек счастлив тем, что умеет забывать. Он забывает плохое, а помнит только хорошее.

В Гурьевске мы построили дом. Сестра окончила техникум, начала работать. Я после школы поступил в Нижнетагильское художественное училище и учился 5 лет. 3 года служил в рядах Советской Армии. В 1960 году женился на тагильчанке Ларисе Григорьевне. В 1962 году мы переехали в Качканар. Я устроился художником – оформителем в ГОК и работал там до выхода на пенсию. Мы с женой ветераны труда. У нас есть сын и двое внуков.

Мазаловы. Во 2-м ряду слева - Андрей Алексеевич с женой Ларисой

Вовек не забыть

Поезд, шедший уже шестые сутки на восток страны, медленно сбавляя ход, подходил к крупной станции. За окнами вагонов мелькали привокзальные постройки. Резко затормозив, поезд остановился. Геннадий, прильнув к окну, прочел название станции «Иркутск». «А ведь здесь где-то похоронен мой отец. Только вот где? В каком месте, в болотах или каменной земле?» – думал будущий подводник Тихоокеанского Флота в тот ноябрьский день 1966 года.

Михеев Геннадий Петрович родился в 1947 году в деревне Лупанерь Уржумского района. Кировской области. У всех жителей деревни две фамилии: Михее-

вы или Санниковы. Деревня была в те послевоенные годы как обычная вятская. В 1947 году 100 дворов из 150 выгорели полностью во время страшнейшего пожара. Дом Михеевых тоже сгорел. Отец, Петр Константинович (1889 г.р.), построил небольшой дом. Был он простым колхозником и в свободное время делал срубы для домов и бань. Детей от брака с первой женой, которая умерла, было пятеро. Вторая жена, Анастасия Николаевна, была на 20 лет моложе мужа. В этом браке у них был один из выживших детей, сын Геннадий.

Хозяйство у Михеевых было небольшим: корова, лошаденка, огород.

В 1951 году Петра Константиновича арестовали по доносу-заявлению. В нем он обвинялся в антисоветских высказываниях, в агитации против советской власти, в том, что во время войны выступил за поражение Советского Союза в войне с фашизмом, что рассказывал анекдоты, подрывающие авторитет партии и правительства. Написавшие это заявление были местными жителями. Среди них был даже родственник Михеевых.

Суд был закрытый. Никто из родственников на него не допускался. Все пятеро мужчин из деревни Лупанерь, в том числе Петр Константинович, получили по 25 лет лагерей. Сроки в те годы давали не детские – по 5, 10 лет, а солидные 25 лет. Когда человек уже и так на седьмом десятке жизни, то вовсе серьезные. Петру Константиновичу на время ареста было 62 года. Он попал в Иркутские лагеря. Через год пришло известие, что Михеев П.К. в лагере умер.

В 1953 году после смерти Сталина освободили тех мужчин, которые были осуждены вместе с Михеевым

П.К. в 1951 году. Двое из них вернулись в деревню, но через год их тоже не стало.

После ареста хозяина у Михеевых конфисковали дом. В нем разместили сепараторную колхоза. Анастасия Николаевна с детьми скиталась по чужим людям, а вскоре умерла. Пятилетний Гена то у одной сестры жил, то у другой.

После окончания 8-летней школы поступил в Нолинское речное училище. После его окончания служил на подводной лодке 4 года на Тихоокеанском Флоте.

В городе Лысьва Пермской области жила одна из сестер. Сюда после службы приехал Геннадий Петрович. Устроился на работу, женился.

В 1972 году приехал в Качканар, устроился в КЗРГО и работал там мастером более 20 лет. После до выхода на пенсию – в Северном карьере.

У Геннадия Петровича есть дочь, внук. Он ветеран труда. Отец его как незаконно репрессированный реабилитирован посмертно в 1989 году.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Мишагина Римма Михайловна

Родилась в 1937 году в городе Александровске Пермской области в семье рабочих. Отец, Лыков Михаил Степанович, работал столяром-краснодеревщиком, мать, Наталья Даниловна, швеей в пошивочной мастерской. Александровск – старый рабочий город, рядом шахтерские города: Губаха, Кизел, Березники. Завод имени Ворошилова, на котором работал отец, выпускал оборудования для шахт. В 1937 году по ложному обвинению Лыков Михаил Иванович был арестован, осужден по статье 58 и приговорен к 10 годам ИТЛ. Но в 1939 году был освобожден и реабилитирован. На фронт Михаила Ивановича не взяли из-за тяжелой болезни. Во время войны он работал на заводе, мастерил из дерева заготовки, по которым делали отливки.

Римма Михайловна окончила 7-летнюю школу, горный техникум в Александровске, затем Пермский горный институт по специальности «горный механик». По комсомольской путевке с мужем, Мишагиным Анатолием Михайловичем, начали трудовую деятельность в Качканаре в 1966 году на КЗРГО: он – главным инженером, она – инженером-конструктором. Римма Михайловна работала в училище мастером, в тресте «Качканаррудстрой» в техническом отделе, на радиозаводе – конструктором. Когда радиозавод закрыли, вернулась на КЗРГО и работала там до выхода на пенсию еще 10 лет.

У Риммы Михайловны есть дочь и сын, 4 внуков. Она – ветеран труда.

Судьба играет человеком

В галлюцинациях или во сне
Присниться могло лишь уроду,
Что половина народа в стране
Были врагами народа.

Евгений Носков.

Мог ли быть в глухом уральском т. п. Тота Надеждинского района шпион, проводимый вербовку для эстонской агентуры, собирающий сведения о расположении пограничных частей и способствовал врагам переходу границы? Оказывается, если постараться и выбить нужные показания, то не только эстонским шпионом обвиняемый себя признает, а даже японским императором или иранским шахом и подпишет, какие угодно следователю обвинения.

Варуск Эдуард Яковлевич, 1893 г.р., жил семьей на хуторе Спасская Пустошь Струго-Красненского района Псковской (Ленинградской) области.

На хуторе семья Варусков вела единоличное хозяйство. Было исключительно все своё. Эдуард Яковлевич был очень работающим. Под стать ему жена Эльфрида Фрицевна. Работников не нанимали, делали всю работу сами. Старшая дочь, Лавра, вспоминала: «Все девочки играют, меня зовут, а я уйти из дома не могу, надо родителям помогать по хозяйству. Для игр не было совсем времени». В 1933 году Эдуард Яковлевич был осужден за невыполнение государственного задания по хлебопоставкам сроком

на два года. Хозяйство было конфисковано. Пока хозяин находился в тюрьме, семья продолжала жить на хуторе.

1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит С.М.Киров. Все неблагодежные, имеющие судимость и кулаки в связи с этим событием высылались из Ленинграда и Ленинградской области. Так как хутор Спасская Пустошь в тот период относился к Ленинградской области, то семья Варусков была выслена в Свердловскую область, Надеждинский (Серовский) район, т.п. Тота. Так в мае 1935 года эстонцы Варуски оказались в Богословском леспромхозе. Эдуард Яковлевич и Эльфрида Фрицевна работали в нем лесорубами.

Слабо ли работать в худом сапоге,
Как, в девицах мать, лесорубом?
Валила столетние сосны в тайге
По воле невольничьих судеб.

Где потруднее и похуже работа, туда посылали эстонцев, людей ответственных, трудолюбивых, рассудительных и спокойных. Знали, что работа будет сделана и план выполнен. Паспортов не имели, так как были спецпереселенцами и состояли на учете в спецкомендатуре, в которой постоянно отмечались. Жили в 4-х-семейном бараке.

Беда нагрянула 16 декабря 1937 года. Ночью был арестован Эдуард Яковлевич и еще четверо мужчин. Это было началом арестов в п. Тота. До нового, 1938 года органы НКВД арестовали 200 человек в посел-

Супруги Варуск. 1918 г.

ке. «Как захлопнулась за отцом дверь в ту холодную зимнюю ночь, так никаких сведений о нем не было,» — вспоминает младшая дочь Эдуарда Яковлевича, Ильда Эдуардовна.

Варуску Э.Я. было предъявлено обвинение, что он завербован резидентом эстонской разведки, был связан с эстонскими шпионами, проводил вербовку новых лиц для эстонской агентуры, собирал сведения о расположении пограничных застав, способствовал переходу границы, т.е. в преступлениях, предусмотренных по ст. 58-6 УК РСФСР. Постановлением комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 15 января 1938 года Варуск Эдуард Яковлевич был приговорен к расстрелу. Расстрелен 7 февраля 1938 года.

На основании определения Военного трибунала Уральского военного округа от 26 декабря 1958 г. Постановление НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 15.01.1938 г. в отношении Варуска Э. Я. было отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления. По данному делу Варуск Эдуард Яковлевич полностью реабилитирован посмертно. Но в 1958 году семья узнала только полуправду. Им сообщалось, что Варуск Э. Я. умер в лагере.

В нашем городе проживает дочь Эдуарда Яковлевича, Мокрушина Ильда Эдуардовна. Когда арестовали отца, ей было 6 лет, старшей сестре Лавре — 16 лет, брату Альберту 12 лет и Линарду 10 лет. Из детей Эдуарда Яковлевича осталась жива одна Ильда Эдуардовна.

В п. Тота Ильда пошла учиться в школу. Плохо понимая по-русски, с учебной было сложно. Школа была такова: в одном из барачков в большой комнате стояли парты, висела доска. Все классы с 1 по 4 учились вместе. Одна учительница учила все классы. Одному классу объясняет новый материал, а три класса выполняют работу самостоятельно. Не было тетрадей, учебников, чернил. Писали школьники на старых книгах, на газетах, на бумажных обрывках. Чернила делали из сажи и свеклы. Так окончила Ильда начальную школу. Когда жили в посёлке Галка, ходила в школу в городе Карпинске. В воскресенье после обеда

идет 16 километров до Карпинска, а в субботу после уроков этим же путем возвращается домой. Пять подружек жили на частной квартире в Карпинске. Спали все вместе. И вши были, и чесотка.

По карточкам в военные годы получали 400 граммов хлеба. Пока дойдут до школы, весь хлеб съедят. Ильда Эдуардовна рассказывает, с каким нетерпением ждали звонка на большую перемену, когда каждому ученику давали маленький кусочек хлеба (50гр.) и стакан чая. Дома у матери была корова и ее зимой надо было кормить. Мать с детьми на саночках возила сено, дрова. Весной на лугах появлялся щавель, кислица, варили и ели всякую траву. Еще спасали от голода ягоды, грибы и орехи. Брат Линард ставил петли на зайцев, поэтому на столе изредка было мясо.

Старшая сестра Лавра работала в леспромхозе лесорубом. Альберт, 1925 г.р., учился в Карпинске в ФЗУ. Голодные подростки пошли на колхозное картофельное поле. Но картошкой поживиться не успели. Все были арестованы, но, к счастью, ненадолго. В конце войны Альберт был мобилизован на фронт. Когда была освобождена Эстония от фашистских захватчиков, то всех эстонцев из армии возвращали на их историческую родину. Так один из сыновей Эдуарда Яковлевича стал жить в Эстонии. Сначала было очень трудно, по-эстонски не понимал, все над ним смеялись. Альберт Эдуардович выучился и работал на ответственных постах в республике. Был депутатом. Но, когда развалился Советский Союз, Альберт Эдуардович в конце своей жизни не получил ни одной копейки от государства как участник Великой Отечественной войны, хотя имел ранение. В 1999 году он умер. Его семья живет в Эстонии.

Ильда Эдуардовна в 1951 году вышла замуж за Мокрушина Александра Павловича. Он был участковым милиционером, и ему не раз указывали на жену, дочь «врага» народа, предлагая разойтись. В Карпинске Ильда Эдуардовна работала в детских яслях няней, после воспитателем. Мужа перевели на работу в посёлок Сосновка Карпинского района. Там они жили до самого выхода на пенсию. У них четыре дочери.

А.Э Варус у мемориала на 12 км Новомосковского тракта

Брат Линард всю свою трудовую жизнь работал добросовестно шофером в Карпинске.

В Качканар Мокрушины приехали в 1986 году, уже будучи на пенсии. Здесь жили их дочери. Иль-

да Эдуардовна, находясь на пенсии, работала гардеробщицей и техслужащей в школе №6. В 1996 году умер муж. Ильда Эдуардовна живет теперь заботами и проблемами 4 дочерей, 10 внуков и 4 правнуков. Родственников очень много. Ведь только у Носковой Лавры Эдуардовны 5 детей. Все они получили высшее образование. Среди близких родственников есть инженеры, экономисты, архитектор, художник, рабочие и служащие. Евгений Носков, инженер по образованию, когда вышел на пенсию, стал писать стихи. Стихи, на мой взгляд, замечательные. Сборник его стихов под названием «Бытовые стихи» подарила мне его тетья, Ильда Эдуардовна.

А мы не робеем и дальше живем,
И даже ничуть не стареем,
И манны небесной с небес мы не ждем,
Хотя уж не пашем, не сеем.
Пусть вишни цветут, как невесты, в садах,
Поплакаться нам не пристало,
Пусть дальше шагает по жизни Судьба,
Чтоб сердце стучать не устало.

«Черный ворон» переехал мою маленькую жизнь

«**П**рошлое может воскресить, но может и убить человека», – прочла я совсем недавно. Прошлое вспоминать трудно и больно. Но необходимо. Необходимо для того, чтобы эти черные дни больше никогда не повторились. Мой рассказ о непростой судьбе обыкновенной русской женщины, по жизни которой тяжелым прессом прошел 1937 год.

Это было время, когда свинцовая тяжесть страха нависла над каждым домом, каждой семьей.

На мой звонок в квартиру открывает дверь невысокого роста немолодая женщина с открытым лицом и ясными голубыми глазами – Капитолина Васильевна Новрузова.

Она родилась в год Великого Перелома в СССР в деревне Талица Кушвинского района Свердловской

области. Поля колхоза, носившего имя легендарного наркома Ворошилова, были обширными, засевались зерновыми культурами и засаживались картофелем. А сколько скота было в колхозе! Сейчас не только тех полей и скота нет, нет и самой деревни Талица, исчезнувшей, как тысячи деревень в России, Теперь там пустырь, а поля давно заросли высокой сочной травой.

Но – парадокс: в богатом колхозе им. Ворошилова была нищая деревня с такими же нищими колхозниками.

1937 год вошел в историю нашей страны как год массовых арестов и расстрелов. В стране появились десятки тысяч разбитых семей, сотни тысяч «сирот тридцать седьмого» – людей с украденным детством и изломанной юностью. Подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были простыми советскими гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежащими. По всей огромной стране побежали после ареста родителей дети, выброшенные из своих домов и квартир, она убегали из детских домов, с душераздирающей песней: «Черный ворон» переехал мою маленькую жизнь...»

В 1937 году в семье колхозного счетовода Василия Ивановича Соколова и его жены Павлы Павловны было пятеро детей – 2 сына и три дочери. Старшему Петру 19 лет. Он уже работал в колхозе, остальные – несовершеннолетние.

Капитолина Васильевна навсегда запомнила тот ноябрьский день, который поделил жизнь семьи на «до» и «после». Она рассказывает, что в тот вечер после ужина она с сестрами легла спать. Мать хлоп-

П.П.Соколова с внуком

потала по хозяйству. Отец играл с младшим трехлетним сыном Отто, качая его, как на лошадке, на своей ноге. Стук в дверь. Вошли два милиционера и еще двое мужчин. Это были понятия. Перерыв все постели и ничего не найдя, предъявили отцу ордер на арест. Мать заплакала. Отца увели. Восемилетняя Капа спросила у матери: «Что они искали у нас?» Та ответила: «Что у нас найдешь?..»

На другой день отец вернулся для того, чтобы попрощаться с женой и детьми. Это была последняя встреча Василия Ивановича с семьей. А после были письма-запросы, многолетнее ожидание, что придет какая-то весточка, что, возможно, он жив и вернется.

Никаких ответов на свои вопросы семья не дождалась. Пропал человек, как будто его не было на этом свете. Только в 1994 году оставшиеся в живых дети узнали и, что их отец Василий Иванович Соколов был осужден по знаменитой статье 58-10 (10 – пункт, известен тем, что его давали за контрреволюционную деятельность) и расстрелян как «враг народа» в 1937 году.

По Уралу с 5 августа 1937 г. по 1 января 1938 г. (по данным Свердловской Ассоциации жертв политических репрессий) было расстреляно 8553 человека, а за все 30-50-е годы – более 20 000.

В 1937 году в деревне Талица было арестовано много мужчин, и ни один из них не вернулся. Сгинули навеки. Ходили слухи, которые прозвучали только шепотом, что под Кушвой у оврага расстреливали «врагов народа», затем сваливали в овраг и засыпали землей. А так как не все были убиты сразу, то земля у оврага несколько дней ходила ходуном.

Сколько таких оврагов, ровов и братских могил, где тайно закапывались казненные, лагерных и спецпоселенческих кладбищ на территории бывшего СССР? Сколько жизней уничтожено, сколько судеб перекалечено?! Кто ведает? Нет на Земле такого бухгалтера, кто мог бы подсчитать слезы вдов и сирот. Семью Соколовых не тронули. Не разбросали по разным детским домам брата и сестер. А то и по сей день искали бы друг друга...

Для Капы, ее братьев и сестер началась полусиротская жизнь семьи «врага народа». Мать – ни жена, ни вдова – пошла работать на колхозную ферму дояркой, работала там 14 лет.

Сколько помнит себя Капитолина Васильевна, с малолетства и сама работала в колхозе. Сначала собирала в поле колоски, потом, когда подросла, тащила на себе тяжеленные сани с навозом на колхозные поля, носила в ведрах воду на ферму.

С началом Великой Отечественной войны жизнь в колхозе стала еще трудней. Каждому работающему давали по 600 граммов хлеба на день, а на малых детей – ни грамма. Капитолина Васильевна вспоминает, как мама делила хлеб работающим на младших дочь и сына поровну, считая, что детям надо столько же еды, как и взрослым, ведь им надо расти.

Хлеб был твердый, черный, со жмыхом, хотя и этому были рады. На лебеде и крапиве, на гнилой картошке выжили и выстояли, работали от зари до ночи, трудясь под девизом «Все для фронта, все для победы».

После войны в обезмужиченную деревню стали возвращать с фронтовики, хоть не все, но

все-таки – чьи-то мужья, сыновья, братья. Пусть весь израненный, без рук, без ног, а дом преображался с появлением в нем хозяина. Ушли в небытие только арестованные в 1937 году.

Капитолине Васильевне пришлось работать в 17-18 лет на лесозаготовках на 30-м квартале Кушвинского района (ст. Азиатская). Стоя по пояс в снегу, обрубала сучья у деревьев. Она вспоминает, что здесь же в годы войны и после в трудармии были узбеки, которые умирали, как мухи. Штабелями можно было укладывать их мертвые тела.

В колхозе Капитолина Васильевна работала и разнорабочей, и дояркой, испытал на себе все «прелести» колхозной жизни. Трудилась не просто хорошо, а самоотверженно. В 1950 году ее, дочь «врага народа», в возрасте 21 года избирают депутатом Талицкого сельского совета по избирательному участку №9. Была

Капа и активной комсомолкой, потом ее агитировали вступить в ряды КПСС.

Жизнь в колхозе и после войны не ладилась.

Молодые люди любимы путями старались уйти от этой жизни, нищенской, неприглядной, от этого узаконенного крепостного советского колхозного строя, от копеечных палочек-трудодней. Но уйти из колхоза было не так просто, в колхозах не давали паспортов своим гражданам.

На кухне мы пьем с Капитолиной Васильевной чай с очень вкусным печеньем и конфетами, а она доверительно рассказывает, как ей удалось перехитрить судьбу, вырвать паспорт и уехать из деревни.

...Потом была встреча с единственным и неповторимым. Соколова стала Новрузовой.

Соколовы В.И. и П.П. с детьми

Семья Новрузовых приехала жить в п.Валериановский, переехали в Качканар. До выхода на пенсию Капитолина Васильевна работала на Западном карьере Качканарского ГОКа. Она-уважаемый человек, ветеран Великой Отечественной войны, труженик тыла, ветеран труда.

После ранней смерти сына и мужа Капитолина Васильевна живет одна в небольшой благоустроенной квартире, современной, чистой, ухоженной. В доме, где есть цветы, так много света и тепла, не может быть злости и тоски. Она общается с братом Отто, тоже качканарцем, и племянниками, переписывается с сестрой Валентиной, которая живет с семьей на Украине. Вот так и живет, не помня зла, не копя обиды, эта простая русская женщина.

О страшных тех днях 1937 года, она говорит без озлобленности, принимая события как данность – что было, то было, и от этого никуда не уйти. Но мы не должны забывать те трагические дни. Ведь сегодняшний день – продолжение прошлых. Забыв о прошлом, мы не будем знать, куда нам двигаться дальше, что нас ждет в будущем.

Только сейчас узнала Капитолина Васильевна Новрузова о судьбе своего деда, Соколова Ивана Алексеевича. До этого года в семье никто не знал, что произошло с Иваном Алексеевичем.

Соколов Иван Алексеевич (1871 г.р.), отец Василия Ивановича, работал в колхозе им. Ворошилова пастухом. Его арестовали 3 октября 1937 года, осужден 29 октября 1937 года. Мера наказания – 10 лет ИТЛ. До-

*Новрузова (Соколова)
Капитолина Васильевна) 1953 г.*

мой Иван Алексеевич не вернулся, писем и известий от него не было. Как и где пропал – неизвестно. Капитолина Васильевна помнит арест дедушки. Она возвращалась домой и увидела, что по дороге в телеге едут два незнакомых человека в военной форме и дед. Она закричала, побежав за телегой: «Дедушка, возьми меня с собой!» Когда пришла в дом деда, бабушка была вся в слезах. Из НКВД пришли арестовывать Ивана Алексеевича, сказали, чтобы дед взял с собой еды на несколько дней. Бабушка стала собирать небольшой сидорок, положила кружку, ложку. Иван Алексеевич, выложив кружку, ложку, сказал, что они ему не нужны, вечером ведь будет дома. Но не вернулся ни в тот вечер, ни через много вечеров. Это еще раз говорит о

трудностях арестов. Простые неграмотные люди даже предположить не могли, что они могут быть осуждены. Какую антисоветскую агитацию вел колхозный пастух – об этом можно только догадываться.

12 декабря 1937 года прошли выборы Верховного Совета СССР.

Как обычно, в этот день был концерт художественной самодеятельности школьников. Ученица 2 класса Соколова Капа на сцене звонко распевала частушку:

В каждом доме, в каждой хате
Все одно желали:
Чтобы первым депутатом
Был товарищ Сталин!
В какой стране мире такое могло быть?

Воспоминания

В 1937 году источником повышенной опасности стали раскулаченные и сосланные крестьяне. Все всего стали бояться. В мире стал ходить великий страх. Всем было важно одно: высидеть и переждать. Кто-то прятался и таким образом не попал под каток репрессий. А люди просто пропадали. Был человек – и нет. И никто, кроме родных, не вспомнит. Человек сразу изглаживался из памяти. Даже случайно вспомнить о нем считалось дурным тоном, бестактностью, а потом и опасностью. Зона всеобщего кругового молчания существовало везде и повсюду.

Помню, как рассказывала наша мать, что ее отца, председателя райисполкома, могли арестовать в любую минуту, так как почти все окружение уже давало показания следователям. Каждый день бабушка наготове держала в сумке все необходимое, если придут арестовывать мужа.

В холодную морозную ночь 3 декабря 1937 года Огорельцевой (Кинно) Валентине Константиновне было всего 7 месяцев, поэтому она своего отца совсем не помнит.

Кинно Константин Алексеевич родился в 1900 году в селе Сущево Пёновского района Калининской области. В 1932 году всех родных Кинно выслали как кулаков за пределы области. В семье было большое хозяйство: коровы, лошадь, гумно, амбар, мелкий домашний скот. Не бедствовали, не голодали, работали от зари до темноты тяжелым крестьянским трудом. Жили в своем построенном доме молодые вместе с матерью Константина Алексеевича. С женой Марией Семеновной воспитывали сына Сашу, который родился у них в 1929 году. Весной 1932 года семью Кинно и его брата Ивана Алексеевича раскулачили, все отобрали и сослали на Урал. Так латыш Кинно и его русская жена Мария оказались в посёлке Бушуевка. Прожили здесь четыре месяца в казармах. Потом перевезли их на лошадях

К.А.Кинно с женой, сыном, матерью

в посёлок Федино Исовского района. В поселке в одном из построенных барачков поселилась семья Кинно. Ежемесячно взрослые отмечались у коменданта и не имели право на выезд за территорию поселка.

Работал Константин Алексеевич лесорубом на лесоповале в Исовском леспромхозе и на заготовке дров. В конце рабочего дня десятник проверял выполненную каждым лесорубом работу и сразу же рассчитывался деньгами.

Выросла и семья. В посёлке Федино у супругов Кинно родилось трое детей: сын и 2 две дочери. Из

В.К. Огорельцева с внучкой Алисой

четырёх детей выжили только двое: старший Александр и младшая Валентина. Сестра Валентины Константиновны умерла от кори, а брат – от рахита. Все это будет после ареста отца.

В 3 часа ночи 3 декабря 1937 года был арестован Кинно Константин Алексеевич. В дверь постучали, всех разбудили. У Константина Алексеевича, у которого было большое сердце, трясутся ноги. Он спрашивает:

– Куда мне собираться?

– Не разговаривать и вопросов не задавать. Соберайтесь.

Увели отца семейства – и как в воду канул. Через день закололи поросенка, взяла Мария Семеновна взяла передачу и поехала на Ис в райвоенкомат. Молодой солдат, дежурный в этот день посмотрел на женщину и сказал, что всех арестованных отправили этапом. Что двигало им, непонятно нам, а сказал он неправду. Целую неделю арестованные находились в посёлке Ис. Одна из фединских женщин видела, как под конвоем всех сопровождали в вагоны и увозили.

Сколько Мария Семеновна ходила в НКВД, сколько узнавала о муже, сказали, что осужден он без права переписки и отправлен в дальние лагеря. Сколько раз

еще в детстве Валя писала в Свердловск, чтобы узнать об отце, но ответа не было. Пропал и его брат, Иван Алексеевич.

В 1958 году по запросу пришло свидетельство о смерти Кинно Константина Алексеевича в 1943 году от рака желудка. Это был очередной обман. Кинно Константин Алексеевич, арестованный 3 декабря 1937 года, осужденный 11 января 1938, был расстрелян 8 февраля 1938 года. Расстрелян также брат Иван Алексеевич. Оба похоронены на 12-м километре Московского тракта. Оба реабилитированы посмертно за неимением состава преступления.

Какую антисоветскую деятельность вели простые лесорубы, люди семейные, трудолюбивые, мирные и добрые? Возможно, после многолетнего конвейера (открыт в 1550 году знаменитым болонским юристом Ипполитом Марсельским, и применять его у нас стали со второй половины 1937 года) когда один следователь сменялся другим, не давали спать и есть, обвиняемый, не выдержав этих пыток, подписывал все, что от него требовали следователи. Таким образом, подписывал себе приговор.

Мария Семеновна после ареста мужа устроилась на драгу № 26 разнорабочей и работала все предвоенные и военные годы. 8 июля 1957 года Исовский продснаб направил Кинно Валю поваром в строящийся город Качканар. Валентина Константиновна с радостью вспоминает, как жили в палатках, как работали и веселились. Потом в СУ-1 антисептировала доски, а в СУ-5 трудилась маляром. Поступила на вечернее отделение Нижнетагильского строительного техникума, окончила его и на заводе ЖБК работала 26 лет до самого выхода на пенсию. Ветеран труда. В 1960 году Валентина Константиновна вышла замуж за Огорельцева Владимира Михайловича, родили сына Вадима и дочь Елену. Дочь живет в Екатеринбургe, сын – в Качканаре. Внуков – трое. После смерти мужа в 1996 году вся радость и счастье – в детях и внуках.

Молодость его – Белоруссия

Полетаев Вениамин Иванович, 1900 года рождения, уроженец посёлка Черноисточинск Нижнетагильского района Свердловской области. Русский. Гражданин СССР. Из семьи рабочих. Образование начальное. Член ВЛКСМ с 1918 по 1922 год. Служил в Красной Армии рядовым пулемётчиком с 1918 по 1922 год.

На момент ареста работал агентом в Свердловпромпromторге. Проживал в городе Свердловске по улице Ленина, дом. 5, квартира 11.

Полетаев Вениамин Иванович был арестован сотрудниками 4 отряда УГБ УНКВД по Свердловской области 28 апреля 1937 года по обвинению в том, что систематически среди окружающих высказывал сожаления репрессированным врагам народа, обвиняя вождя партии и советское правительство в жестокости приговора над троцкистами, высказывал террористические намерения по отношению к руководителям ВКП(б) (статья 58, пп. 8, 10 УК РСФСР).

Состав семьи на момент ареста:

Сын Валерий, 5 лет,

Дочь Елена, 4 лет.

Постановлением тройки при УНКВД по Свердловской области от 16 августа 1937 года Полетаев Вениамин Иванович был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 16 августа 1937 года.

Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 4 января 1989 года Постановление тройки при УНКВД по Свердловской области от 16 августа 1937 года в отношении Полетаева В.И. было

отменено, делопроизводство прекращено за отсутствием в его действии состава преступления.

Полетаев Вениамин Иванович реабилитирован посмертно. Личное дело № 36 106 закрыто.

Дети Полетаева Вениамина Ивановича, Валерий, 5 лет, и Елена, 4 лет, остались круглыми сиротами.

В 1936 году у них умерла от туберкулеза легких мать, Татьяна Ефимовна. На следующий год был арестован отец. Дети были маленькими, поэтому о своих родителях в памяти остались только обрывочные картинки своего раннего детства. Отец целыми днями пропадал на работе. После смерти матери детьми занималась няня.

Арестовали Вениамина Ивановича ночью, когда все спали. Только запомнил маленький Валера, как отец подошел к нему и сказал: «Спи, я скоро вернусь».

Но отец не вернулся ни в этот день, ни через месяц, ни через год.

В посёлке Артемовском жили родители матери, которым няня сообщила об аресте Вениамина Ивановича и что дети остались одни.

Младшую Леночку, забрала младшая сестра матери, Полина Ефимова. Валера оказался у старшей сестры Зои Ефимовны. Она служила в Нижнетагильском драмтеатре.

В июне 1941 года Нижнетагильский драматический театр был на гастролях в Белоруссии. На всю жизнь у 9-летнего Валеры остались картины своего военного детства: бомбежки, пожары, толпы беженцев, отступающие на восток красноармейцы... Машина, в которой ехали актеры и служащие театра, перевер-

В.И. Полетаев

нулась. Только потом, через годы, у Валерия Вениаминовича после той полученной травмы в Белоруссии стал плохо видеть правый глаз.

Театр вернулся домой, на Урал, Зоя Ефимовна теперь работала в военном госпитале в Свердловске. Госпиталь находился в военном поезде, шел за фронтом, откуда поступали раненые бойцы. Он постоянно менял свои направления. Поэтому у Валерия не было не своего родного двора, ни своей школы, друзей постоянных — и тех не было. За год приходилось сменить 3-4 школы. Детства не было, как не было его у многих детей военного времени. Поезд-госпиталь прибыл в Белоруссию и с тех пор стал родным местом для Валерия. В 1947 году он хотел искать отца. Сел в поезд, но тут же был снят с него. Молодые годы провел в Белоруссии. Здесь окончил 7 классов, потом в городе Лида — железнодорожное ФЗО. Такова была судьба многих подростков-сирот. Рано стал самостоятельным. Видел войну, голод, холод. Работал в депо слесарем, кочегаром, помощником машиниста.

После Валерий добился, чтобы его взяли на службу в Советскую Армию. Прослужил год и по состоянию здоровья был комиссован. Опять вернулся в Белорус-

сию и стал работать в компрессорном депо в городе Лида.

Его сестра Лена жила у тети, Полины Ефимовны, в Эстонии, куда она с мужем уехала после войны. Окончила медицинский институт, работала врачом. Елена Вениаминовна очень рано ушла из жизни.

В депо по направлению после окончания техникума приехала Вера, бухгалтер, молодой специалист. Вера стала женой Валерия. Через год у них родился сын Владимир.

В 1957 году молодая семья завербовалась на работу на 3 года в Тюменскую область. В 1960 году Полетаевы приехали на стройку в Качканар. Валерий устроился в автобазу шофером, Вера – бухгалтером в ГОК. В 1967 году Веры не стало. Валерий Вениаминович остался вдовцом с 2 детьми, сыном, 13 лет, и дочерью, 10 лет. На работе в ТЭЦ познакомился со своей второй женой, Александрой Константиновной. Вместе они прожили 43 года.

Стаж работы у Валерия Вениаминовича 43 года.

Он ветеран труда и ветеран ГОКа.

В конце декабря 2010 года Полетаева Валерия Вениаминовича не стало.

Расплата за анекдот

Эту историю рассказала мне моя младшая сестра. Наша Нина в 70-80-х годах прошлого столетия жила с семьей в одном из районных центров Курганской области и работала в швейном отделе комбината бытового обслуживания. У них в КБО работала техслужащей женщина, которую все звали просто тетя Маруся. Она была намного старше всех остальных женщин. В КБО знали, что тетя

Маруся в послевоенные годы сидела в лагере за какой-то анекдот. Так и было. Деревенская девчонка уже после войны в компании парней и девчат рассказала анекдот, который стал для нее роковым. Марусю арестовали, судили по 58 статье, приговорили к 5 годам ИТЛ и 5 годам ссылки. После лагеря с этой статьей никуда на брали на работу. Потом она устроилась техничкой в КБО.

Бойкие дамочки были удивлены: «За какой-токой анекдот можно посадить человека в тюрьму?» Ведь вся страна начинала свой рабочий день с анекдотов. Решили узнать о страшном анекдоте у тети Маруси. В ближайший праздник, который отмечался в коллективе, решили пригласить тетю Марусю, подпоить и расспросить. Сказано – сделано. Но ничего не вышло. Приложив палец к губам, тетя Маруся сказала: «Анекдот этот помню, но рассказывать не буду. Страшно!»

Прошло более трех десятков лет со дня ареста этой женщины, но страх, что может все опять повториться, так и не покидал ее всю жизнь. Давно умерла тетя Маруся, вместе с ней ушел анекдот, который заинтересовал когда-то молодых женщин.

В поселке Валериановске живет простая женщина, мать, бабушка, прабабушка, труженица, награжденная в 1976 году орденом Трудовой Славы 3-й степени. Ее зовут Поливанова Татьяна Васильевна. Она родилась в 1934 году в деревне Емельяново Лаптевского района Татарской АССР и была старшей дочерью в семье Новиковых, Василия Ивановича и Анны Ефимовны.

В 1934 году семью Новиковых выслали как кулацкую семью из Татарстана на Урал. При высылке всё хозяйство, дом, вещи были конфискованы. С собой родители взяли альбом с фотографиями, и тот воры в вагоне украли. Видать, посчитали, что им нужнее эта вещь.

Переселенцев привезли в поселок Вайнер. В поселках Именновский, Петровский, Вайнер в те годы добывали золото. Поселки Петровский и Вайнер были затоплены в 1950 году.

Новиков Василий Иванович (1911 г.р.), уроженец села Емельянова Лаптевского района Татарской АССР, проживал на прииске «Вайнер» Исовского района Свердловской области и работал на драге «Юрьевская» масленщиком.

18 октября 1940 г. Василий Иванович был арестован. Поводом для ареста послужил рассказанный им анекдот о Сталине. Осужден 29 октября 1941 года. Мера наказания – 10 лет ИТЛ.

На время ареста у Новикова было четверо маленьких детей: старшей Тане было 6 лет, а младший сын Саша родился в 1940 г.

Началась война. Кровопролитные бои уносили сотни тысяч военных. Из числа заключенных, пожелавших искупить свою вину кровью, формировали штрафные батальоны и отправляли на передовую, в самое пекло боев. Новиков Василий Иванович, штрафник, погиб сразу же, в первом бою. Своей гибелью искупил сполна за анекдот о Сталине. Было ему всего 30 лет. Человек он был добрый, отзывчивый, порядочный.

Анна Ефимовна, вдова с четырьмя детьми, получила похоронки одна за другой. Все её родные четыре брата погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Тяжелое заболевание сердца, подорванное всеми этими невзгодами и горем, рано свело Анну Ефимовну в могилу. В 1950 году её не стало. Старшей Тане было всего 16 лет, а младшему Саше – 10 лет.

Как выжили в трудные военные годы? «Как все, – говорит Татьяна Васильевна, – за счет своего хозяйства жили». Помощь от государства за гибель отца-фронтовика была в те годы небольшой.

В начальной школе поселка Вайнер Татьяна окончила 4 класса. Не до грамоты было.

В 1950 году Новиковы переселились в посёлок Валериановский. В 1951 году Татьяна устроилась санитаркой в Качканарскую геолого-разведывательную экспедицию. Экспедиция была упразднена в 1952 г.

В 1953 году Татьяна вышла замуж за Поливанова Ивана Александровича, который после демобилизации из армии работал трактористом. Одного за других родила четверых детей, двоих сыновей и двух дочерей.

С 1962 году Татьяна Васильевна работала в ГОКе монтером пути в ЖДЦ. Кроме ордена, у неё есть грамоты и благодарности за добросовестный труд.

Когда тяжело заболела и умерла дочь Людмила, то Татьяна Васильевна воспитала внучку Юлию как родную дочь. Сейчас у неё 6 внуков и 7 правнуков.

Земные заботы, как у всех, о своем доме и огороде, о детях, внуках и правнуках...

Никогда не забыть

Ременец (Федосеева) Раиса Ивановна родилась в 1936 году в деревне Татищево Островского района Псковской (Ленинградской) области. Деревня Татищево – это родовое имение знаменитого историка Татищева Василия Никитича (1686-1750 г.г.). Да и нам он совсем не чужой: основал город Екатеринбург, развивал на Урале казенные заводы, организовывал школы.

Отец, Федосеев Иван Федосеевич (1888 г.р.), работал председателем колхоза «Путь Октября». Одним из первых вступил в колхоз. Богатыми не были, но и не голодали. Дед брал землю в аренду.

6 февраля 1938 года Иван Федосеевич был арестован по политическим мотивам. Его необоснованно обвинили в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. По постановлению «особой тройки» УНКВД Ленинградской области от 14 октября 1938 года подвергнут высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 21 октября 1938 года в Ленинграде.

Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 20 мая 1964 года постановление «особой тройки» УНКВД от 14 октября 1938 года отменено и дело в отношении Федосеева И.Ф. прекращено за отсутствием состава преступления. Федосеев Иван Федосеевич реабилитирован посмертно.

За официальными строками документа мы не видим самого пострадавшего. Что пережил он во время допросов, как ждал суда, возможно, надеялся на что-то. Почему обвинялся бывший председатель колхоза сразу по трем пунктам 58-ой статьи? Через 26 лет с Ивана Федосеевича были сняты все необоснованные обвинения.

В деревне Татищево осталась жена Екатерина Сергеевна с шестью детьми. Старшему сыну Осипу – 15 лет, а младшей Рае – полтора года. Семью «врага народа» не трогали. Дом у Федосеевых был бревенчатый, пятистенный. Была корова и лошадь.

Второй брат Раисы Ивановны, Саша, в январе 1941 года уехал в Ленинград и устроился там работать на завод. Он обещал матери взять младшего брата к себе, так как ей трудно было прокормить всех детей. Через несколько месяцев началась война. С тех пор в семье ничего не знали, что произошло с Сашей: умер ли от голода в блокадном Ленинграде или погиб на фронте.

Детства, считает Раиса Ивановна, у нее не было. Игрушек никаких. Из пучков соломы мама делала куклы, перевязет нитками голову, ручки и ножки – вот и вся кукла.

Когда началась Великая Отечественная война, Федосеевой Рае было 5 лет. Территория Островского района была оккупирована фашистами. Корову-кормилицу отобрали и зарезали на мясо. Лошадь тоже забрали. Осталась семья без еды.

Все ужасы войны навсегда запечатлелись в памяти маленькой девочки. А в глазах осталась такая картина: в небе летят самолеты на передовую, груженные бомбами. Летят тяжело, медленно.

В деревне стоял немецкий штаб в доме полицая. Фашисты жили в каждой крестьянской избе. Спали на полу не менее 15-20 человек. Негде ступить было ногой. Дети сидели на печи, голодные и босые. Старший брат Осип был комсомольцем. Раиса Ивановна вспоминает о нем, как полицай сдал его немцам, как убежал Осип из немецкого лагеря, как потом они прятали его в яме. Затем Осип был в партизанском отряде. Как и где погиб, не знают в семье до сих пор.

Действительно, страшные картины из военного детства никогда не забыть. Как за убийство полицая партизанам, молодого парня Сашу повесили рядом с их домом. Две недели висел Сашин труп на виселице, не разрешали фашисты снять его и похоронить. Когда хоронили, всей деревней плакали.

Раиса Ивановна рассказывает о том, как всех жителей деревни гнали в сторону границы с Латвией. Как в Латвии пришлось ей, сестрам, братьям, матери батрачить в одной латышской семье. Кормили кое-как, но работать заставляли с утра до полуночи.

Когда была освобождена Псковская земля, Федосевы вернулись домой. Домой – одно название, все дома сгорели, кругом пепелище. Нашли бункер, до войны там был амбар. Вот так и жили. Братья уехали на лесосплав, чтобы прокормить себя. Мать с сестрой пошли по миру побирать. Копали мерзлую картошку, собирали по полям колоски. Щавель, лебеда, крапива и любая трава – все ели. На полях и в рощах лежали солдатские трупы, свои и немецкие. У кого головы нет, у кого – ног.

Первое время после войны было не лучше. Весной надо землю копать, а лопаты нет. Нашелся железный плуг. Два брата впряглись в него, а Рая с матерью толкали его. Мальчишки тянули этот плуг и падали.

Обуви не было. Из дерева выстругивали подошву, из сапог вырезали голенище, резали полосками и

прибивали к подошве гвоздиками. Найденными кусками шинелей обматывали ноги.

В колхозе за «палочки-трудодни» получали «смешную» оплату: ведро зерна или мешок, в зависимости от количества этих «палочек».

В 1958 году Раиса Ивановна уехала из деревни Таптицево в город Семипалатинск к сестре Антонине. Там вышла замуж за военнослужащего Ременец Александра Викторовича. Родила двух дочерей, окончила курсы поваров. В 1963 году мужа перевели в город Нижний Тагил.

В Качканаре Раиса Ивановна до выхода на пенсию работала поваром в детском саду. Она ветеран труда, награждена медалью «За доблестный труд» и значком «Победитель соревнований». Хотя она теперь не только бабушка, но и прабабушка, это привлекательная и интересная женщина. Занимается спортом, ходит на лекции, дома ее застать трудно. С мужем построили в посёлке Именновском большой дом. Каждую весну и лето трудятся на земле, выращивают овощи для себя и детей.

Секреты её долголетия

Встречаясь с этой женщиной, ни за что не хотелось верить, что ей уже 89 лет. На мой вопрос «В чём секрет долголетия?» Хабиба Назиповна, добродушно улыбаясь, отвечает: «Никакого секрета нет. Надо просто быть добрым, не держать зла в душе и не сеять его».

Родилась Салимуллина (Галиуллина) Хабиба Назиповна в далеком 1921 году в

*Х.Н. Салимуллина,
1980 г.*

селе Камышла Байтугановского района Самарской губернии. Татарское село Камышла было огромным. В нём 3 мечети. Отец, Галиуллин Ах-Назип, 1880года рождения, был муллой в одной из этих мечетей. Село Камышла сейчас районный центр, а мечеть, где когда-то читал Коран Ах-Назип, сохранилась, пройдя все испытания и гонения. В гражданскую войну власть в селе переходила

ла из рук в руки. То красные устанавливают Советскую власть, то белые ворвутся и расстреляют всех коммунистов-активистов.

До революции у Галиуллиных родилось двое детей: дочь Лябида (1907г.р.) и сын Карам (1909г.р.) В 1921 году родилась дочь Хабиба. В Поволжье в тот год была засуха и страшный голод. То там, то тут случались пожары. В один из таких дней загорелось село Камышла. Огонь от одного дома перекидывался на другой, пожирая все постройки на своём пути. Старшая Лябида, девчонка 14 лет, схватила крошечную сестрёнку и убежала в горы. Отец, Ах-Назип, построил небольшой дом, амбар, стал строить огромный дом. Семья росла. В 1924 году родилась дочь Табиба и в 1927 году – Башира. Ещё в семье жили двое взрослых детей родственников, погибших в гражданскую войну. Они помогали по хозяйству, поэтому в 1930 году это расценивалось как наёмная сила. Ах-Назип Галиуллин был раскулачен, хозяйство конфисковано и послан с семьей в деревню Билибей Татарской АССР сроком на 5 лет.

Деревня Билибей была русская. Хабиба пошла учиться в русскую школу. Учительница стала называть её по-русски Катей. А Катя, научившись читать, писать и говорить на русском языке, однажды спела дома частушку, которую услышала от подруг:

Сами, сами комиссары,
Сами председатели.
Никого мы не боимся,
Ни отца, ни матери.

Ох, и ругал ее за это отец! До сих пор помнит.

В ссылке родители работали в местном колхозе. Ах-Назип, хотя был муллой, был очень работающим. Помнит Хабиба Назиповна, как носил на себе дрова.

После пятилетней ссылки вернулись в родное село Камышла. Старшие дети были уже семейными. Хабиба стала трудиться в колхозе. В 15 лет запрядала ло-

Галиуллин Ах-Назип.
1930 г.

шадь и возила по полям воду, умело вязала снопы.

Татарские семьи, как известно, большие. Много детей, родственников и все дружны между собой. Свёкор старшей сестры Лябиды имел около мечети 12-комнатный дом, в котором он обучал мусульманских мальчиков религии. У него был свой магазин, а товар из Турции возил брат матери, которого убили при невыясненных обстоятельствах. При раскулачивании магазин был конфискован. Все мужчины их рода были грамотными и служили мусульманской религии, за что и

пострадали. Родственники, близкие и дальние, были репрессированы в 1937 году. Можно было отказаться от религиозных убеждений и остаться на свободе. Отказался от религии брат отца, оставили его в покое. Всем детям он дал образование, стали все учителями, выбрав одну из самых уважаемых в те годы профессий.

5 августа 1937 года ночью органами НКВД по Куйбышевской области был арестован Галиуллин Ах-Назип. Постановлением тройки при УНКВД по Куйбышевской области от 20 ноября 1937 года был осуждён по статье 58-10 часть 1 УК РСФСР и заключен в концлагерь сроком на 10 лет. Судили Ах-Назипа за религиозную, а значит, антисоветскую деятельность и за связь с религиозными организациями города Уфы. Не мог он отказаться от своих идей, убеждений, морали. Умер в тюрьме в 1942 году. Реабилитирован посмертно 3 октября 1989 года прокуратурой Куйбышевской области. А сколько запросов о судьбе отца писала в свое время Хабиба Назиповна! Ответов никогда не было.

Семью Галиуллиных, жену с детьми, сослали в казахстанские степи. Посадили в товарный поезд и повезли бескрайними полями в посёлок Осокаровка вблизи города Караганда. Поселили в саманный дом, в котором каждая семья отгораживалась от другой одеялами или простынями. Дров нет, воды тоже, голодно, холодно, болезни. Тиф «косил» народ. В 1943 году от тифа умерла мать, Галиулина Фахиря.

Непросто сложилась жизнь у Хабибы Назиповны, ее сестер и брата. В 16 лет, когда был арестован отец, старшая сестра решила «пристроить» Хабибу: отдать замуж за мужчину, нелюбимого, какого-то несамостоятельного. «Привыкнешь и полюбишь», – сказала сестра. Но не привыкла и не полюбила, а уехала к сестре, сосланной в посёлок Кытлым Свердловской области. Здесь устроилась работать на драгу № 40 в 1939 году. Тут она встретила первую и единственную любовь – Сарварова Шакира, отслужившего в Красной Армии. Парень был всем хорош: и лицом, и ростом, и своей душой. Молодые поженились. Им дали комнату в комсомольском общежитии в посёлке Качканар (посёлок Утянка). В 1941 году родился сын Наиль.

Страна готовилась к войне. За несколько месяцев до ее начала Шакира забрали на военную переподготовку, а после сразу на фронт. Неизвестны его фронтовые дороги, так как Сарваров Шакир пропал без вести в 1943 году. После гибели мужа Хабиба Назиповна вышла замуж второй раз. Со вторым мужем, Салимуллинским Хабибуллой, прожили вместе 55 лет. Дочь Роза умерла в младенчестве. Единственный сын Наиль жил и работал долгое время на Украине шахтером. Сейчас живет в Качканаре. У Хабибы Назиповны трое внуков и трое правнуков. С 1965 года Салимуллины живут в Качканаре Муж работал плотником в тресте «Качканаррудстрой», а Хабиба Назиповна во Дворце Спорта отработала 20 лет: и каток заливала, и лыжи выдавала.

Тетю Катю Салимуллину всегда вспоминают во Дворце Спорта самыми добрыми и сердечными словами. Ей посвящены эти строки:

Четверть века работы в спорткомплексе,
Беззаветной работы, с душой,
Находясь среди юных, здоровых,
Вы старались быть молодой.
В 68 лет вы работали
Безотказно, с душой, всех любя,
Вам за это большое спасибо.
Свою жизнь трудовую прожили не зря.

Семья Галиуллиных. 1933 г.

У Хабибы Назиповны много Почетных грамот, она ветеран войны и труда.

В тот день, когда я была в квартире Хабибы Назиповны, напекла она много шанег и пирогов. Вечером к ней в гости должен был прийти не просто любимый, а обожаемый сын и сноха.

Нет в живых старшей сестры Лябиды и брата Карамы. Оставшиеся сестры встречаются, ездят друг другу в гости. Пусть не получили образование, ведь в такое жесткое время жили, но все сестры не были обделены мужским вниманием, все достойно прожили свою жизнь.

Дети «врагов народа»

– Ой, мамочка! – кричала от боли, прижав дверью палец, восьмилетняя Катя.

– Какая мамочка!? – взвизгнув, орала воспитательница. – у вас не может быть мамочек. Ваши матери – враги народа, – продолжала она воспитывать плачущую девочку.

«Дети «врагов народа» ... Одно только это определение по отношению к детям вызывает чувство сострадания и жалости.

Дети, на глазах которых арестовывали отца или обоих родителей, становились чаще всего изгоями общества. «Добропорядочные» родители не разрешали своим детям с ними дружить. В школе они чаще всего были на «последнем» месте. Всем, кто хорошо учился – грамоты за успехи в учебе, а им нельзя: у них родители «враги народа».

А снятые пионерские галстуки перед строем на виду у всей школы за то, что арестован отец. Требования на комсомольских собраниях, чтобы отреклись от репрессированных родителей. «Разоружение» перед партией, что родители кулаки-мироеды и отказ от них. Не приведи, Господь, скрыть, кто ты по социальному происхождению при поступлении в вузы и техникумы. Все равно докопаются и выгонят. Выброшенные после ареста родителей из своих квартир или коммуналок, на другой день видели они опечатанные двери. Если не было родных, то этих детей определяли в детские дома НКВД. В каждом детском доме висел лозунг: «За детство счастливое наше спасибо товарищу Сталину». Детские дома, детприемники были разные, но чаще всего жилось в них детям, мягко сказать, плохо. Детей постоянно попрекали за родителей, всегда напоминали, кто у них родители. «Яблоко от яблони недалеко падает», – говорили малолетним детям, если в детском доме происходили какие-либо нарушения.

Конечно, были и другие детские дома, где понимали все положение этих детей и относились к ним по-человечески.

«У таких родителей, как ваши, не может быть плохих детей», – говорил директор детского дома при поступлении детей «врагов народа». А ведь человек рисковал не только своей репутацией, но и жизнью. Но хороших детских домов и таких директоров было немного. Сколько детей бежало из таких домов, пополнив криминальный мир страны.

В далекой от нас Якутии есть кладбище, на котором похоронены одни младенцы. Самому старшему из них – 9 месяцев. Дети, которые были рождены от матерей зк, в чем они виноваты?

Всю жизнь выросшие дети «врагов народа» чувствовали несправедливое отношение к себе. Ряд высших учебных заведений закрывали перед ними двери. Даже в благополучные 60-е и 70-е годы 20 века, когда о репрессированных забыли надолго, и тогда еще негласно следили за детьми репрессированных. Один из моих знакомых рассказывал, что в конце 60-х годов, заканчивая службу в рядах Советской Армии, написал заявление с просьбой направить на сверхсрочную службу в группу Советских войск в одну из братских соцстран. Двум его друзьям пришел положительный ответ, а ему отказали. Теперь три друга написали заявление, чтобы взяли на работу в загранплавание. Опять отказ, причем оба раза ничем не мотивированный. Потом сам понял, что внука и сына «врагов народа» никогда не пустят за границу.

Самохвалова Галина Ивановна родилась в 1934 году в г. Житомире УССР и была четвертым ребенком в семье Лапути Ивана Игнатьевича и Марты Федоровны.

Лапуга Иван Игнатьевич с семьей в 1937 году жил на хуторе Сновидовичи Олевского района Житоми-

ровской области. Он работал заведующим сепараторного пункта села Белокоровичи. Был беспартийным, грамотным, с характером независимым и настойчивым. Прощать не умел.

В начале августа 1937 года к нему на сепараторный пункт пришли местные начальники с требованием выдать им молока, масла, сметаны. Иван Игнатьевич не только не дал им этих продуктов, но и позволил себе в речи применить нецензурную лексику. За это неподчинение был арестован на другой день. В хате был обыск. Все перевернули и переворошили, вскрыли деревянные полы, но ничего не нашли. Тогда Ивана Игнатьевича обвинили в связи с польской разведкой. Житомирская область была в те годы пограничной с Польшей. Многие знали польский язык, потому что изучался в школе. Брат Ивана Игнатьевича выписывал газеты на польском языке, хотя Лапуги были украинцами.

«Агент польской разведки» Лапуга Иван Игнатьевич был арестован 7 августа 1937 года. В сентябре 1937 года был расстрелян по Постановлению комиссии НКВД и прокуратуры СССР 25 и 28 сентября 1937 года.

Марту Федоровну сослали. В 1938 году у нее родился сын Валентин, пятый ребенок. Всех детей определили по разным детским домам. Трехлетняя Галя попала сначала в детский приют в г. Коростень под Житомиром и с тех пор стала сиротой. Как известно, в сиротстве жить – только слезы лить. Детских домов в жизни Галины Ивановны было несколько. Но хорошей жизни в них она не видела. «Кто ты такая?» – говорила ей воспитательница. Своего мнения не мог иметь ни один воспитанник. Что не так – наказание. Ваньку Сомова съели крысы в подвале. Наказали мальчишку, посадив в подвал, и забыли о нем. Как он ни плакал, его никто не услышал.

Во время войны эвакуировали детский дом с Украины в с. Бутка Талицкого района Свердловской области. В детском доме окончила Галина 7 классов, потом профтехучилище в г. Камышлове, получила профессию швеи. Немного работала по этой специальности в г. Камышлове.

Замуж вышла за Самохвалова Аркадия Васильевича. Сначала жили в посёлке Ис, с 1958 года – в Качканаре. Родилось два сына, Андрей и Герман. В сентябре 1980 года на военных учениях в г. Хабаровске погиб младший сын Герман. А через месяц умер муж Аркадий Васильевич. У Галины Ивановны сейчас 3 внука и 1 правнук. Она 24 года работала в ГОКе контролером ОТК, общий стаж 42 года. Она ветеран труда.

Долгое время Галина Ивановна ничего не знала о своих родителях, братьях и сестре. Круглая сирота, как она себя считала, стала писать еще в 60-е годы запросы на Украину. Тогда нашлись братья и сестра, узнала о трагической судьбе своей матери. Но об отце ничего не было известно. В 1990 году получила Галина Ивановна справку о реабилитации своего отца, Лапуги Ивана Игнатьевича, как незаконно репрессированного в 1937 году. В 1945 году мать, Марту Федоровну, схватили бендеровцы за то, что не отпустила к ним сына Толю. Ей выкололи глаза, отрезали уши и утопили в болоте. Сразу приходит на ум прочитанные где-то строки: «Легкой жизни просим у Бога, легкой смерти надо бы просить». Анатолий нашел мать по одежде. В тот день расправились бендеровцы не только с одной Мартой Федоровной.

Тамара (1932 г.р.) была в детском доме в Оренбургской области и жила в Оренбурге до самой смерти. Брат Володя (1926 г.р.) в годы войны был угнан в Германию на принудительные работы. После освобождения вернулся и жил на Украине. Анатолий (1927 г.р.) в конце войны был в действующей армии. Умерли все три брата и сестра Галины Ивановны. При их жизни ездили друг к другу в гости, дружили семьями.

В Магадане установлен памятник жертвам политических репрессий. Скульптор Эрнст Неизвестный изваял фигуру девочки. Плачущая девочка закрывает ладошками лицо. Кажется, что маленькие плечи вздрагивают. Каждый, у кого были репрессированы родители, считает, что это ему памятник.

Сколько их, сирот Тридцать Седьмого? Счета им нет.

Страшнее нет такого обвинения

В 1931 году из села Кризское Луганской области Украинской ССР была выслана на Урал семья Борисенко Андрея Максимовича с женой, двумя сыновьями и молодой женой сына Алексея Марией. На Украине они жили зажиточно. Крестьянствовали, с хозяйством своим справлялись сами, наёмной силы не имели. Все были малограмотными. Сын Алексей (1909 г.р.) окончил три класса церковно-приходской школы. Младшему Ивану было всего 12 лет.

Семьи сосланных украинских крестьян ехали на Урал в товарном поезде. Кое-какие пожитки, что дали им увезти с собой, были в багажном вагоне. Когда приехали на место, Андрей Максимович поехал в Свердловск, чтобы забрать свои вещи. К тому времени в багажном вагоне все было перерыто, лучшие вещи все забраны. Ни с чем вернулся он домой. Сноха Маруся осталась в одном платье. Вот так и жила первое время: ночью постирает платье, а утром его одевает.

Сёстры Борисенко

Семью привезли сначала в Серовский район, где все они работали в леспромхозе. Как и все, жили в длинных деревянных бараках. В 1935 году у сына Алексея родилась дочь Анастасия. В 1936 году Борисенко перевели в Богословск (Карпинск). Алексей работал грузчиком лесобиржи Богословского углежжения.

1937 год с его арестами не обошел стороной и семью Борисенко. 24 октября 1937 году «черный ворон» подъехал ночью к их бараку. Всех мужчин, кто был в ту ночь в бараке, забрали. 30 семей в ту жуткую ночь остались без отцов, мужей. У Борисенко были арестованы сразу 3 мужчин: Андрей Максимович и его сыновья, Алексей и Иван. «Там разберутся, кто не виноват – отпустят» – говорили люди в военной форме плачущим женщинам. А они бежали за «черным вороном», плакали и кричали... Среди них была и 25-летняя беременная Маруся Борисенко. «Что не будет смыто кровью, бабьей смоется слезой», – не зря поется в песне.

Оставшихся в бараках женщин теперь объединило одно общее горе. Сердобольная бабушка Пташиха, тоже сосланный с Украины, видя положение молодой женщины, отдала ей свою пуховую шаль и подушку, сказав: «Возьми, Маруся, от меня эти вещи. Можешь сохранить, продать или обменять – это твое дело. Но если родится у тебя дочь, то назови её Тamarой». В марте 1938 году Маруся родила дочь, которую назвала Тamarой.

Через три дня после ареста вернулся домой Андрей Максимович. То ли возраст не подошёл, то ли ещё какая другая причина – но деду Борисенко не пришлось хлебать лагерной баланды. Трагически сложилась судьба младшего Ивана, 17-летнего парнишки. Не подписал он никаких показаний, так как был молод, горяч и верил в справедливость. В январе 1938 года Борисенко Иван Андреевич как «враг

народа» был расстрелян. Расстрелянных бросили в ямы, засыпали землёй. Поверхность земли обжигалась кровью и шевелилась несколько дней. Трупов было слишком много, не все были убиты сразу, поэтому земля шевелилась от ещё не умерших, а может быть, от ужаса, что сделали с ней, землёй. Алексея Андреевича обвинили в проведении контрреволюционной деятельности. В ходе следствия он был обвинен в том, что являлся агентом германской разведки и на основании статьи 58-6 УК СССР по постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 23 февраля 1938 г. был заключен в ИТЛ сроком на 10 лет. Все показания следователя Алексей Андреевич подписал на третий день и этим спас себе жизнь. Его отправили в ТавдаЛаг НКВД на лесоповал. Под конвоем 5 лет валял лес, вывозил его и сплавлял по рекам. После перелома ноги работал в лагере истопником. Характер у Алексея Андреевича был покладистый, мягкий, добрый, домашний. У начальника лагеря в то время умерла жена и он взял Алексея Андреевича, чтобы помогал бабушке по дому. Так стал он колотить дрова, возить воду и водить ребёнка в школу. А бабушка кормила его тайком, тем и выжил.

А семья в Богословске продолжала жить и ждать мужа, отца, сына. Мария Иосифовна работала на трудной даже для мужчин работе – сплавляла лес, за это ей неплохо платили. Дед Андрей Максимович утонул в 1942 году в реке Турье. Семья не выдержала бы, если бы он не вернулся тогда, в 1937-м. Дети были с бабушкой, без которой тоже была не мыслима жизнь, а она была такой трудной. Всем баракком помогали друг другу, как могли. Не было спичек, мыла, одежды и обуви. Школьники из сажи делали

М.И. Борисенко с дочерьми

чернила, наливали их в чернильницы-непроливашки, обшивали тряпочками, чтобы не замерзали зимой.

Один раз в год Мария Иосифовна высылала мужу в лагерь фотографию, на которой были сняты дочери и она. Своих детей старалась, как могла одеть; где перешивала из старой одежды, где доставала ситец и шила нарядные платья своим девочкам. И ещё очень ждала и надеялась, что муж вернется. Уже и Тома училась в третьем классе, а Настя – в 5-м... От звонка до звонка, ровно 10 лет, «отмотал» Борисенко А. А. свой срок. Когда были выданы документы на освобождение Алексею Андреевичу, оказалось, что нет транспорта, идущего до железнодорожной станции. И он решил идти пешком до станции расстояние в 75 километров зимой по бездорожью. «Из неволи готов идти хоть пешком», – сказал он и пошёл. С собой взял только сумку с кусками сахара, «это были гостинцы для жены и дочерей», оставив чемодан со своими вещами. Когда оставалось немного идти, догнала его машина с чемоданом.

За 10 лет, проведенных в лагере, забыл Алексей Андреевич свой барак, ведь были они все одинаковы. Вошёл в чужой барак, его увидела знакомая женщина и повела к жене. Открыв дверь, крикнула: «Смотри, Маруся, кого я тебе привела!». Как бросилась Тамара к отцу! Узнала в худом, высокоом мужчине своего отца, которого видела только на фотографии. Сколько было слёз, радости, а у кого-то горя! Алексей Андреевич вернулся единственный, кто был арестован в ту страшную ночь 1937 года. Как плакала Надя, подруга старшей сестры, понимая, что ей никогда не увидит родного отца. В их

Супруги Синеговские

комнату в бараке шли и шли люди, знакомые и незнакомые. Всем хотелось узнать, не знает ли что, не видел ли, не сидел ли вместе с их отцом, мужем или сыном.

С 1947 года и до самого выхода на пенсию трудился Алексей Андреевич в леспромхозе. В 1948 году родился сын. Из барака очень хотелось перебраться в свой собственный дом. Стал строить дом, большой, красивый, с наличниками. «Зачем тебе, Алексей, ещё наличники?» – спрашивали мужчины. «Так хочет Маруся», – отвечал Алексей Андреевич. Но Марии Иосифовне не суждено было долго жить в новом доме. Она умерла от тяжелой болезни в возрасте 58 лет. Каждый день ходил Алексей Андреевич на кладбище к своей Марусе.

5 сентября 1958 года Военным Трибуналом Уральского военного округа Борисенко Алексей Андреевич был полностью реабилитирован. Прожил тяжелую, долгую и достойную жизнь. На 92-м году его не стало. Но память о нём навсегда осталась в семье.

Дочь Тамара после семилетки поступила в Серовское медицинской училище. Провожая её на учебу, отец сказал: «Помни, Тома, мы рабы... Учись сама, а когда будут свои дети и внуки, учи их».

Тамара после окончания медучилища направили работать медсестрой в детские ясли в посёлок Федино Исовского района. В поселке встретила свою судьбу. Отслужив положенный срок в погранвойсках на Кольском полуострове, вернулся домой Синеговский Алексей Михайлович. Он из рода семьи сосланных кулаков. Синеговские жили до высылки на Украине, на Полтавщине. Жили богато. Всё их имущество в 1931 году было передано в местный колхоз и сами сосланы в поселок Федино Исовского района.

В 1960 г. Тамара Алексеевна и Алексей Михайлович сыграли свадьбу. Вот уже 50 лет супруги Синеговские идут вместе по жизни. Вырастили двух замечательных детей, сына и дочь, дали им высшее образование. Трое внуков тоже окончили вузы. Появился и первый правнук.

Синеговские – ветераны войны и ветераны ГОКа. Тамара Алексеевна всю жизнь работала в больнице медсестрой. Алексей Михайлович – старший машинист ГОКа, имеет высокие правительственные награды.

В семье Синеговских царит какая-то необыкновенная аура доброжелательности, гостеприимства и сердечности.

По праву памяти

Живущий на Земле человек оставляет много следов: на снегу, на бумаге, на песке... – это предметные следы. Но есть еще следы в памяти, в нашем сознании. Предметные следы могут скоро, или не очень скоро, исчезнуть. А вот следы в памяти – никогда. Они вечны, пока жив человек. Вот в чем невозможность что-либо скрыть.

Созваниваясь с этой женщиной о встрече, спрашиваю: «За что пострадал Ваш отец?». И слышу в ответ: «За длинный язык»...

Отец Зои Федоровны Соловьевой, Ванеев Федор Федотович, 1895 г.р., был осужден 20 июля 1942 года Военным Трибуналом 3433 СБ МВО по статье 58 -10 ч.2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет, с конфискацией лично принадлежащего ему имущества и части хозяйства. Реабилитирован посмертно 30 апреля 1999г. прокуратурой Кировской области.

Как могло случиться, чтобы прошедший Первую мировую и Гражданскую войны, воевавший за Советскую власть, Ванеев Ф.Ф. стал врагом народа в грозный для страны 1942 год?

Логика арестов до сих пор нам кажется загадочной и необъяснимой, не вяжущейся со здравым смыслом.

Чист-овражье Лебяжского района Кировской области – деревня как сотни тысяч таких же деревень. Федор Федотович вступил в колхоз «Новая деревня» среди первых, уведя со своего подворья всю животинку на колхозный двор. Работал в колхозе кладовщиком.

Его жена Анна Семеновна рядовая колхозница. В семье Ванеевых четверо детей – два сына и две дочери. До войны старший сын Василий, 1916 г.р., работал механиком на мельнице в колхозе, служил в Красной Армии на Дальнем Востоке, а затем был фронт. До службы в армии женился, и у него был ребенок. Второй сын Алексей, 1919 г.р., учитель сельской школы, тоже был мобилизован на фронт. Дочери Лидия (1929 г.р.) и Зоя (1931) – школьницы.

Федора Федотовича в 1942 году тоже призвали в Красную Армию. Имея опыт боевой подготовки и по возрасту он попал в г.Киров для обучения молодых бойцов. Николай Никанорович, один из сослуживцев Ванеева, рассказывал позднее, как и за что был арестован Федор Федорович. На построении новобранцев Ванеев сделал замечание одному опоздавшему бойцу, а тот в ответ сказал: «Ну ты меня узнаешь».

Потом был донос, что Ванеев Ф.Ф. расхваливал немецкое оружие, немецкую армию, не верит, что мы можем победить.

Зоя Федоровна в прокуратуре г. Кирова познакомилась с делом отца. Это четыре протокола допросов с вопросами-ответами такого содержания:

– Знаете ли вы Сидорова И.П.

– Да, знаю.

– Какие у вас с ним отношения?

– Нормальные, человеческие.

– Правда ли, что вы говорили, что до революции жили лучше, чем сейчас?

– Да, правда.

В том же 1942 году приехал с фронта после ранения родственник

Семья Ванеевых (довоенное фото)

семьи в чине майора и уговорил Анну Семеновну съездить в Киров в НКВД, узнать, за что арестован ее муж. «За длинный язык» – таков был ответ.

Добилась Анна Семеновна свидания с мужем. Как его привели под руки, так и увели, не могу уже самостоятельно ходить. Потом всю жизнь вдова считала, что умер Федор Федотович в тюрьме от истощения и болезней.

В деле Ванеева Ф.Ф. есть его заявление с просьбой отправить на фронт, чтобы искупить свою вину кровью, что стыдно перед сыновьями, воевавшими на фронте. Резолюция такова: нет основания для помилования.

А потом не было ни единой вести в семью. На все запросы был один ответ: дальнейшая судьба вашего отца неизвестна.

Не верили в семье, что отец их может быть «врагом народа». Не верили и многие односельчане, так как знали, что Ванеев – правильный мужик.

Зоя Федоровна рассказала мне, как тяжело им жилось в годы войны. Всю войну она во время каникул работала в колхозе. Оба брата вернулись домой и жили со своими семьями. Братья, израненные и больные после фронтовых испытаний, рано ушли из жизни. Старший, Василий, работал в колхозе, видел, как его обходят с наградами. Написал в райком партии заявление, что всем дают звания, награды, «а нам, оказывается, отец дорогу загородил».

После окончания школы, получив аттестат зрелости только с хорошими и отличными отметками, Зоя работала в колхозе. Но желание уехать из деревни и поступить учиться было велико. А без паспорта – никуда, такова была система. А как получить паспорт,

*Ф.Ф. Ванеев (1-й слева во 2-м ряду)
в годы гражданской войны*

если его колхозникам не дают? Зоя обратилась к брату Алексею, работавшему завучем в школе. Он и помог с получением паспорта, сказав: «Будь человеком, держись людей, а люди тебя не подведут. На меня не надейся, денег нет, у самого трое детей».

В тряпичных тапочках, с парой платьев добралась Зоя в г.Молотов (Пермь), чтобы поступить учиться в учебное заведение. Имея такой аттестат, могла спокойно поступить в институт, но не было ни денег, ни помощи. Осталась только надежда на свою юность, здоровье, силы и ум. Сдала документы в Молотовский горный техникум по специальности «бухгалтерский учет» и была принята без экзаменов.

Зоя Федоровна рассказала, как сначала жила на частной квартире с чудовищными по сегодняшним меркам условиями. Но тогда так жили большинство советских семей. После была жизнь в студенческом общежитии. В первые же каникулы Зоя заработала в колхозе 5 мешков пшеницы, хозяин продал их, и она купила материал на платье. Все годы учебы она была лучшей студенткой, получала повышенную стипендию.

– Девчонки бегают на танцы, – вспоминает Зоя Федоровна, – а мне не в чем выйти. Вот и сидела целыми днями за учебниками

В приложении к диплому у нее одни пятерки. Еще, разглядывая его, заметила, что был и такой предмет как каллиграфия. Сейчас многим покажется странным: зачем бухгалтеру красивый почерк?

Когда в 1953 году было распределение молодых специалистов, прибыли представители из Свердловска с военного завода. Один из них долго уговаривал Зою как самую лучшую выпускницу, поехать на за-

вод бухгалтером. Зоя не соглашалась, но он продолжал настаивать на своем. Тогда она сказала, что отец осужден по 58-й статье. «Что же ты сразу не сказала?», – последовал ответ.

Зоя Федоровна получила направление в город Углеуральск (ныне Губаха) заместителем главного бухгалтера шахты «Октябренок». С тех пор трудовая деятельность ее связана с бухгалтерией, общий стаж почти 45 лет.

Она уважаемый человек, награждена за свой труд многочисленными наградами, ветеран ВОВ, труженик тыла, ветеран труда.

Там же в Углеуральске вышла замуж по любви, родила сына и дочь. Считает, что в личной жизни не была счастлива, хотя и не обойдена вниманием мужчин. Рано погиб муж. Сын Анатолий погиб на работе

в колхозе в возрасте 36 лет, осталась сноха с тремя детьми, которым Зоя Федоровна долго помогала материально. Выросли внуки, а их пять, появилось трое правнуков.

В Качканаре Зоя Федоровна живет 3 года, в семье дочери Валентины и зятя. С людьми, считает, ей всегда везло.

Как-то рассказала она о своей жизни внучке, а та сказала: «Как в сказке».

Я внимательно слушаю эту мудрую приятную женщину с характерным вятским говором о проблемах, которые затронули сегодня всех.

Исчезнувший бесследно в никуда, без права на память, погребенный в небытие, Федор Федотович Ванеев возвратился к ним сегодня живым. По праву памяти.

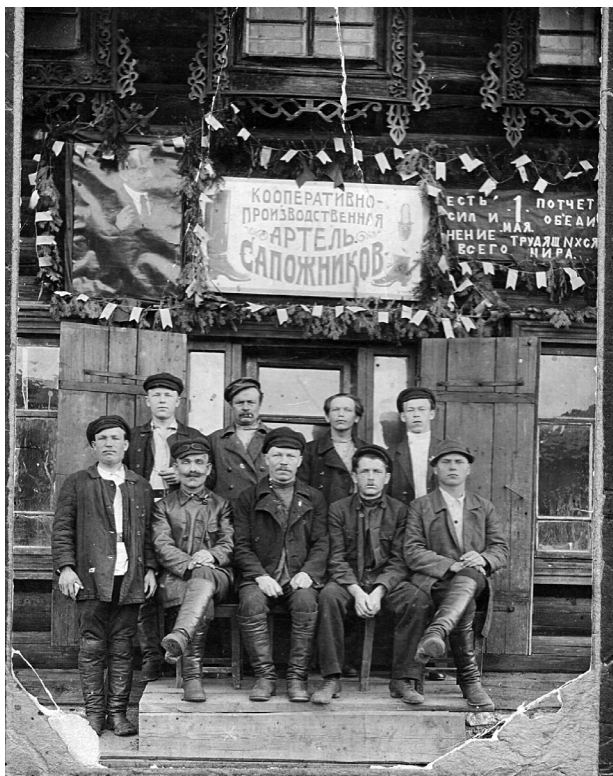
Судьба человека

В тот зимний вечер 1942 года семья Ставрова Андрея Яковлевича (1887 г.р.) так и не дождалась своего хозяина после работы. Ждали, ждали, и он не пришел. Не пришел он ни в тот вечер, ни на другой день и вообще никогда не возвратился домой. А что же произошло? Об этом вспоминает сейчас его младший сын, Ставров Сергей Андреевич (1929 г.р.), в то время 13-летний мальчишка:

«Мы жили в городе Лысьва Пермской области. Мой отец, Андрей Яковлевич, был отличным профессионалом – сапожником, в 20-е годы председателем са-

пожной артели в Лысьве. Работу свою высоко ценил, любил, уважал.

Лысьвенский металлургический завод в 30-е годы стал расширяться. Для рабочих завода, чтобы привлечь их на работу, было предоставлено много благ, а прежде всего, получение квартир. В нашей семье было 5 детей, а жилья своего не было. Отец устроился работать на завод в инструментальный цех термистом. Семья получила трехкомнатную квартиру в деревянном доме, по тем временам хорошую. Правда, печь топили дровами и носили воду из колонки.

Сапожная артель.
В 1 ряду в центре - А.Я.Ставров

Война застала нас неожиданно, как и всех советских людей. Добровольцами ушли на фронт в 1941 году брат Владимир и сестра Ольга. Самая старшая сестра, Августа Андреевна после окончания Пермского госуниверситета, химик по образованию, была заместителем начальника посудного цеха на заводе, фактически в военное время не выходила из цеха. Семья наша была дружная, хорошая, все знали нас как порядочных людей.

В 1942 году отец по возрасту должен был выйти на пенсию. У него был патент на создание сапожной мастерской.

Утром он сказал матери, чтобы его скоро не ждали. После работы пойдет в отдел кадров и оформит документы на получение пенсии и увольнение с завода. Ждем, ждем, а отца все нет. Поужинали, а его нет. Стали волноваться. Сестра Августа сбегала к соседу. Тот сказал, что отец вовремя ушел из цеха и пошел в отдел кадров после работы.

В 9 часов вечера раздался громкий стук в дверь. Дверь открыли, вошли 4 милиционера с винтовками. В квартире начался обыск: все переворошили, но ничего не нашли. Я сидел на высокой кровати и, когда один из милиционеров заполнял протокол, увидел такую запись: оружие не обнаружено. Они сказали, что ваш отец арестован, но почему, мы не знаем.

Затем были годы забвения. Только в 1956 году мы узнаем, что отец был репрессирован по модной 58-й статье и осужден на 3 года ИТЛ. В лагере Ираничи Пермской области наш отец погиб. Что с ним произошло, нам неизвестно. Документы многие еще засекречены. Лагеря этого давно нет, на месте захоронений заключенных военный завод.

Потом мы узнали от одного рабочего завода, побывавшего в тот день в отделе кадров. Он застал там такую картину: был громкий неприятный разговор отца с начальником. Отец доказывал, что он будет работать только в сапожной мастерской, требовал, чтобы отпустили с завода. Но его тут же арестовали.

Время было военное, тяжелое. Мы жили на пайках. Мать собрала немного сухарей и пошла с передачей в тюрьму. Ее оскорбили, выругали, сухарики эти бросили со словами: «Враги народа пусть подыхают с голода».

Я был младшим в семье, мне больше всего и досталось как сыну «врага народа». Я учился в 5 классе, учеба давалась легко. Мой портрет висел на Доске Почета в школе.

После ареста отца меня вызвала завуч в кабинет и сказала, чтобы я завтра принес свидетельство о рождении. Я попросил у матери метрику, она мне ее дала. Приношу метрику и подаю завучу, она ее берет и говорит: «Забирай свои учебники и марш из школы,

чтобы духу твоего здесь не было. Нам ученые враги народа не нужны. Не пытайся идти в другую школу, тебя нигде не возьмут. Иди в горисполком, там тебя давно ждут».

В горисполкоме набирали из числа подростков группу в ремесленное училище по специальности сталевар. Мне было 13 лет, я не подходил вообще к учебе в ремесленном училище, туда брали с 14 лет. Да еще по специальности сталевара.

Наша соседка была секретарем ремесленном училище, знала нашу семью, меня как хорошего ученика. В училище набирали группу слесарей – лекальщиков. Она попросила директора, чтобы меня зачислили в эту группу. Туда набирались грамотные парни с чувствительными руками. Я стал учиться в этой группе. Мы работали на военном заказе, получили талоны как фронтовые бригады: на 1 ложку гороховой каши больше и 50 граммов хлеба. Для растущего организма, конечно, это были крохи.

Мы работали на конвейере по 12 часов по производству снарядов. Все парни в группе, кроме меня, были комсомольцами. Чтобы получать стахановские бирки-талоны, все в группе должны были быть комсомольцами. Я боялся, что меня не примут из-за отца. Во всем признался нашему мастеру, чуткому и внимательному человеку, Горбунову Александру Исааковичу, отцу 3-х детей, депутату горсовета. Он меня понял и посоветовал все равно написать заявление о приеме в комсомол. А то помощник мастера, здоровенный парень, прижал меня как-то к горячей батарее: «Будешь вступать в комсомол, будешь?!»

В комсомол меня приняли, задали несколько легких вопросов по истории ВЛКСМ и выписали комсомольский билет.

Работали на штампах в секретном цехе. О своей работе давали подписку о неразглашении. Мой товарищ работал в соседнем цехе, он не знал, что я делаю, а я – что он. Почти вся группа была выпущена на Пермский авиазавод, оставили на заводе меня и еще одного парня.

Окончилась война, возвращались с фронта прошедшие огонь, воду и медные трубы фронтовики. Домой вернулись живыми брат и сестра. Надо было восстанавливать разруху. По комсомольской путевке я поехал в Кенингсберг на восстановление целлюлозно-бумажного комбината на полтора года. Дали отпуск, поехал домой. По дороге украли документы. Кругом патрули, постоянные проверки. Я, напуганный еще со слов завуча в школе, забитый, слово боялся сказать. Тут же напоминали что сын «врага народа». Документы я восстановил и остался работать в Лысьве на заводе. В те годы в Лысьве проживало 120 тысяч человек. Завод сейчас не тот. Когда-то там был самый крупный посудный цех, с самой лучшей посудой, чем гордились лысьвенцы.

До службы в армии женился, родилась дочь, которая в скорее умерла. Служба проходила в Таджикистане, на границе с Афганистаном. Жена ждала меня все 4 года из армии.

После армии надо было обустраивать свою жизнь. Своего жилья у нас не было. Мы уехали в Нижний Тагил. Я устроился подручным сталевара на НТМК. Скоро получил квартиру.

Меня стали агитировать, чтобы вступил в партию. Но я боялся, а вдруг узнают, что мой отец осужден по 58-ой статье. Но заявление написал, дали 2 рекомендации, а третью – от комсомола. А в партию приняли, сначала, конечно, кандидатом. Никто в те годы уже не копался, как прежде, в биографии человека.

Окончив вечернюю школу, хотел получить высшее образование. При поступлении в институт в заявлении написал об отце. Когда принимали документы, председатель приемной комиссии вернул их со словами: «Мы таких не принимаем».

В 1961 году окончил Нижнетагильский горно-металлургический техникум. На защите дипломов присутствовал 1 секретарь горкома партии Долгополов. Ему понравилась моя работа. Во время перерыва он подошел ко мне и пригласил на завтра в горком партии. На другой день в горкоме партии показал газету «Тагильский

рабочий» со статьей, что требуются механики на пуск Качканарского ГОКа и предложил туда ехать. В Нижнем Тагиле у меня была квартира. Мы жили с женой, сыном и мамой. Когда пришёл домой и рассказа о предложении, то жена в слезы: «Зачем мы туда поедem? Там тайга, грязь, стройка. А здесь мы живем хорошо».

В Качканар ехали на поезде в одном вагоне с Гикаловым Дмитрием Ивановичем и двумя моими сокурсниками. А приехал – работы такой, как в направлении указано, нет, жилья тоже нет. Сначала была жизнь в гостинице по улице Качканарской, потом в общежитии. В Тагиле квартиру, как положено, сдали, а здесь комната в общежитии на 4 человек. Друг от друга отделялись простынями. Через полгода дали квартиру в деревянном доме.

Я трудился добросовестно. Был мастером на ТЭЦ, пока она не стала самостоятельным предприятием. Меня перевели на аглофабрику. Мы перед запуском фабрики целую неделю жили на работе. Когда вышел на улицу, то понял, что оглох. С тех пор мне нельзя работать с механизмами..

Гикалов Д.И. предложил мне организовать лабораторию линейного измерения, которая находилась на РМЗ.

Я был начальником этой лаборатории. Но после и РМЗ отделился от ГОКа. Я твердо решил, что никуда не уйду из ГОКа. Но меня вызвал секретарь партийной организации и сказал: «Будете начальником отдела кадров на РМЗ. Это ваше партийное поручение». Так и пришлось организовать отдел кадров, ведь партийные поручения нельзя не выполнить. Работал начальником отдела кадров в РМЗ, потом в ПТП до самой пенсии. Ветеран труда, труженик тыла, награжден 7 юбилейными медалями.

Жизнь единственного сына трагически оборвалась на производстве в 33 года. После этой трагедии тяжело заболела жена и умерла. Есть один внук.

Сергей Андреевич помнит последнюю встречу со своим арестованным отцом. Он узнал, что заключенных водили в баню через мост по субботам. Он залез на перила моста и стал ждать. Видит: и правда, ведут заключенных с охраной уже после бани. Узнал отца в колонне по шапке-треуху и крикнул: «Тятя! Тятя!» и громко свистнул. Отец повернулся, поднял руки вверх и помахал. А Сергей шел с моста по улице Смышляева до самого поворота, пока колонна заключенных не скрылась. Он был последним в семье, кто видел отца, еще пока живого.

Неоконченная драма

В ночь на 12 января 1938 года после прерванного спектакля «Гроза» по пьесе А. Н. Островского в спецпоселке Федино Исовского района Свердловской области было арестовано органами НКВД много спецпереселенцев из числа раскулаченных. Среди них был Раут Густав Иванович, эстонец по национальности, работавший в поселке коновозчиком.

Уводили людей, увозили... Оставшиеся на воле родные не знали, что же придется испытать тем, кого увели. Как там, по ту сторону жизни?

Раут Густав Иванович, (1906 г.р.), и его жена Эмилия Ивановна (1905 г.р.), латышка, до высылки на Урал жили на хуторе Зеленье Ленинского района Западной (Смоленской) области. На хуторе вели хо-

зайство и тем жили. Имели участок земли, лошадь, корову, дом. В 1931 году раскулаченную молодую семью Раут с крошечной дочерью Эльвирой (1930 г.р.) сослали в Свердловскую область. Первым местом был посёлок Бушувка, а дальше – строили посёлок Федино. На 1-й улице поселка жила семья Раут в одном из барачков, построенных руками бывших кулаков. Густав Иванович, несмотря на молодость, слыл мужчиной с «золотыми руками»: все умел делать, смастерить. Играл на гармонии, не пил горькую, с женой жили в любви и согласии. В 1937 году в семье Раут было четверо детей. Когда увели отца, то самому маленькому сыну Саше был всего год. Да и остальные невелики: старшей Эльвире было только 7 лет.

15 ноября 1938 года Раута Густава Ивановича осудили с мерой наказания 5 лет ИТЛ по 58 статье. В чём обвинили отца, его дочь Лидия Густавовна Титова (Раут, 1934 г.р.) не знает. Отца фактически не помнит, так как, когда его забрали, ей было 3 года. Густав Иванович писал письма семье до 1941 года. Лидия Густавовна помнит, как мать вслух читала письма от отца. Потом их не стало. Узнали, что вроде в лагере Густав Иванович заболел водянкой и умер.

С тех пор никаких известий от него не было. Эмилия Карловна, у которой три родных брата погибли на фронте во время войны, писала запросы о судьбе мужа, но ответов не получала.

Семья нищенствовала, особенно во время войны. Дети ходили по миру, попрошайничали, не могли учиться. В посёлке сажали картофель, но его хватало ненадолго. Летом и осенью собирали ягоды и грибы, тем и спасались от голода и болезней. Одеться и обуться было

Л.Г. Титова (Раут)

Ученики школы п. Федино

не во что. Все начали рано работать. Вкусили горький хлеб сиротства. Вся жизнь Лидии Густавовны, его сестер и брата была в работе, в вечной нужде и заботах.

После войны переехали в посёлок Ис. Эмилия Карловна работала в техникуме техничкой, туда же устроилась дочь Лидия, образование у которой было всего 4 класса.

С мужем Титовым Анатолием Васильевичем и детьми приехали в Качканар. Супруги устроились на работу в КЗРГО и до выхода на пенсию там трудились. Оба ветераны труда.

У Титовой Л. Г. два сына, пять внуков, два правнука. Нет в живых матери, мужа, обеих сестер и брата. Неизвестно, где похоронен отец, добрый человек, так рано ушедший из жизни.

Судьба семьи Раут перекликается с судьбами миллионов наших граждан. Она даже в определенном смысле типична. Вот это-то и страшно.

Горький хлеб сиротства

Втяжелый военный 1942 год в глухой марийской деревне Вичмарь Уржумского района Кировской области на колхозном собрании рядовой колхозник Чулков Сергей Алексеевич (1907 г.р.) в шутку произнес: «Вот пойду на войну и брошу 600-тонную бомбу прямо на Сталина» (Это надо же было довести так человека, чтобы он прилюдно такое сказал!)

Учитель местной школы В. и два местных жителя в тот же день написали заявление-донос на Чулкова С.А. в управление НКВД. Ночью был обыск в избе и арест Сергея Алексеевича.

Как считает сейчас его сын, Андрей Сергеевич, что высказывание его отца на колхозном собрании было лишь поводом для ареста. Основная причина была в 96 шариках золота, закатанных в воск. Это золото получила в наследство жена Сергея Алексеевича, Наталья Абрамовна (1908 г.р.). Она была единственной дочерью в семье. Когда выходила замуж, отец дал ей в приданое эти золотые шарики.

При обыске золото не было найдено. Оно исчезло и из дома. Скорее всего, золото взял один из понятых. Это был сосед. Конечно, он знал о золотых шариках. Ведь в деревне ничего не утаишь.

Сергея Алексеевича увезли в город Уржум и до суда содержали в подвале управления НКВД.

Наталья Абрамовна постоянно ходила за 20 километров в Уржум на свидания к мужу. В феврале 1943 года он сказал: «Все, Наташенька, больше не приходи. Нас отправляют на суд в Киров».

Зимой по бездорожью пошла молодая женщина одна домой. Пройдя три километра, упала на мосту. Брат мужа, Николай Алексеевич, возил почту из райцентра в деревню. Вечером проезжал через мост. Вдруг

А.С. Чулков

лошадь остановилась. Встал с возка, видит: сноха лежит. Домой привез ее чуть живую. А через два дня, 13 февраля 1943 года, Наталья Абрамовна скончалась от двустороннего воспаления легких.

Чулкову Сергею Алексеевичу, осужденному по 58-ой статье на 10 лет ИТЛ и отправленному на работы в КотласЛаг, удалось передать домой записку с адресом. Его брат Николай написал письмо, в котором рассказал о смерти Натальи Абрамовны. Из лагеря пришло одно единственное письмо с такой фразой: «Не верю». Больше ни писем, ни каких известий от Сергея Алексеевича не было.

Родственники, а потом сыновья писали запросы, но никто не удосуживался дать ответ. Прошедший в феврале 1956 года 20 съезд КПСС осудил культ личности Сталина и его последствия. Но сыновья Чулкова С.А. не знали, что произошло с их отцом вплоть до 1989 года.

В 1989 году Чулков Андрей Сергеевич узнал, что газета «Сельская жизнь» публикует списки реабилитированных колхозников. Среди них – и фамилия его отца. После заявления в Прокуратуру Кировской области и МВД СССР пришел ответ: «Сейчас много работы, не успеваем всем сразу ответить. Ждите».

Потом из МВД СССР пришло письмо, в котором указывалось, что Чулков Сергей Алексеевич умер в КотласЛаге 13 марта 1943 года. Какова причина смерти, не было указано. Умер ли Сергей Алексеевич от болезни, погиб ли во время работы, убит ли уголовниками в лагере, об этом неизвестно его сыну.

13 февраля 1943 года не стало матери, а ровно через месяц и отца у двух мальчиков, Николая (1933 г.р.) и Андрея (1939 г.р.)

Детей «врага народа» забрала к себе бабушка, оформила опеку. Семья Чулковых была беднейшая.

Деревня Вичмарь, что в переводе с марийского языка «пять мужиков» в прямом и переносном смысле оправдывала свое название. Деревня была нищая настолько, что себе представить сейчас просто трудно. Единственная обувка – лапти, хоть летом, хоть зимой. О существовании белого хлеба, каких-то сушек, пряников не знали. Без одежды, без лекарств. Ни поесть, ни попить... А самое главное и страшное – люди не умели думать.

Брата отца, Николая Алексеевича, мобилизовали в годы войны в трудовую армию в г. Казань. На заводе он работал по 16 часов. Когда у него украли продовольственные карточки, то бежал из Казани домой. Через день был арестован и осужден на 5 лет ИТЛ.

Андрей Сергеевич помнит, как вернулся дядя из лагеря. В избе холодно, все сидел на полатях. Дядя учил его читать сначала по букварю, а потом и книжки читать.

Умерла бабушка. Братья жили с дядей, а потом у тети Натальи Кузьмовны. Она возила бурду в бочках в Уржум ежедневно, 20 километров туда и обратно. У тетки воспитывались братья до самого взросления.

В 8 лет Андрей и его брат заболели корью. Лечение одно – горячий квас. Пока болел, без одежки, босиком высканивал Андрей во двор. У него началось осложнение, перешедшее в туберкулез желез. В феврале опухли шея, гортань. Опухоль опускалась все ниже. Учительница в школе жалела сироту и помогала чем могла.

В мае, когда пригрело солнце, с мальчишками побегал Андрей на речку. Друзья рыбачили, а он лег на песок и уснул, пригретый солнышком. Ночью опухоль лопнула, гной вышел, сразу стало легче. Но это заболевание сказалось на всю судьбу Андрея Сергеевича.

После окончания 7 классов Андрей работал в колхозе. Он пас кол-

Учащиеся ФЗУ. Справа в 1 ряду А.С.Чулков

хозных овец вплоть до своего совершеннолетия. Для деревенского пастушка, которого попрекали, избивали, выходом была служба в армии.

Брата Николая взяли в армию только с четвертого раза, попал в стройбат. До армии он с 9 лет работал в колхозе. В стройбате прослужил четыре года в пяти местах, начиная от Кирова до Сухотэ-Алиня. Тогда уже строился БАМ. Когда в январе 1958 года Андрей поехал в Уржум на приписку на военную службу, оказалось, что приказу по № 115 юноши, переболевшие туберкулезом,

не призываются на службу в армию. Андрею был выписан белый военный билет. Как плакал маленький худенький деревенский паренек, похожий скорее на школьника – подростка, когда сидел на крыльце военкомата. Как хотелось в армию, вырваться из деревни, получить паспорт и уйти отсюда навсегда. Военком Александров вышел на крыльцо, увидел плачущего парня и сказал: «А что плохого в том, что ты останешься в деревне и будешь работать в колхозе?»

Разве он не знал, утешая парня, как живут эти сироты? Конечно, знал,

что впервые в армии они будут сытыми, что впервые будут спать на белых простынях, а не на голых матрацах, набитых соломой. Но помочь ничем не мог.

А ведь это был 1958 год. Страна жила уже второй десяток после кровопролитной войны. В 1957 году отмечали 40-летие советской власти в стране. В тот же год запустили первый искусственный Спутник Земли. Но в деревне колхозники жили как при крепостном праве: без паспортов, без права выезда, без права выхода из колхоза.

А в тот январский вечер Андрей вернулся домой и рассказал обо всем дяде. На другой день вышел на работу и встретил колхозного бригадира. Их матери в молодости были близкими подругами. Бригадир спросил:

— Что, Андрюша, так сник?

— В армию не взяли.

— Вот сейчас съездишь за соломой. А когда приедешь, приходи ко мне. Скоро будет колхозное собрание. Напишешь заявление, чтобы тебя отпустили из колхоза.

3 февраля 1958 года состоялось собрание колхозников, на котором решили отпустить парня на учебу в город. 11 февраля с новеньким паспортом Андрей уехал в г. Киров, а с 25 февраля начал учебу в лесо-

техническом училище. Восемь месяцев учебы, а затем работа плотником. Вскоре познакомился с будущей женой. Она была из посёлка Кытлым Свердловской области. В Кытлыме не было работы. 4 июля 1962 года молодые поженились и приехали в Качканар. С работой было трудно. Андрей Сергеевич устроился плотником, а после трактористом в базовой механизации. Одновременно учился на сварщика. В вечерней школе окончил 8 классов и поступил в 1964 году в строительный техникум на вечернее отделение.

Андрей Сергеевич работал в РСЦ ГОКа мастером, прорабом. В г. Днепропетровске окончил курсы повышения квалификации. В «Уралчерметремонт(е)» был начальником участка. Сейчас на заслуженном отдыхе, ветеран труда, награжден медалями, грамотами.

С женой Лидией Ильиничной, с которой прожито почти полвека, вырастили и воспитали двух дочерей. У Чулковых 3 внуков и 1 правнук.

Андрей Сергеевич Чулков, пройдя свой жизненный и трудовой путь от колхозного пастушка до начальника участка, сам себя воспитал, вылепил, выковал. Шутник и балагур, весельчак и добряк, он при встрече напоминает: «Вятский – парень хватский».

Такое было время

30-е годы 20-го века – это время грандиозныхстроек и постоянных митингов и собраний. Митинговали по любому поводу: сдан объект – митинг с чествованием героев производства. Собрания, на которых клеймили «врагов народа», людей, которые еще вчера рядом работали, были руководителями и даже друзьями. Сегодня ругали, обличали

во вражеской деятельности одних, а назавтра оказывались государственными преступниками те, кто вчера выступал с обличительной речью. Страшное было время. Всеобщий психоз с подозрительностью, бдительностью охватил всю страну. Ещё бы! Ведь кругом орудуют враги, замаскировавшись рабочими, инженерами на производстве, которые хотят уничтожить

все, что построено, хотят убить товарища Сталина и других руководителей партии.

В одну из апрельских ночей 1938 года загорелись мастерские на руднике Умалыта Хабаровского края. После пожара последовали аресты тех, кто работал в этих мастерских. Среди арестованных был кузнец Скиба Александр Лукич.

Семья Скибы А.Л. (1891г.р.) была уроженцами деревни Великая Будища Полтавской губернии. В начале 20-го века они приехали добровольно в город Свободный Приморского края осваивать Дальний Восток. Семья до революции была зажиточной. Александр Лукич окончил 7 классов, был образованным по тому времени, обучался кузнечному делу. Специалистом был высококлассным. По характеру – добрый, отзывчивый, хороший человек. У Александра Лукича было двое детей, когда умерла жена.

Судьба свела его с молодой женщиной, тоже вдовой, и тоже с двумя детьми. Женщину звали Евдокия Сергеевна (1904 г.р). Она в составе своей семьи была раскулачена и сослана в 1933 году с мужем и детьми из Воронежской области на рудник Умалыта Хабаровского края. До этого семья имела свой надел земли, трудилась на ней и не хотела вступать в колхоз. За это их и всех родственников сослали на Дальний Восток. В 1935 году Александр Лукич и Евдокия Сергеевна поженились. В 1937 году у них родилась дочь Анна. На руднике Умалыта добывали молибден, вредный для здоровья человека металл. Молибден – стратегический металл, необходимый в авиационной промышленности. Вокруг рудника – великолепная природа с сопками и лесами. Из деревьев – мачтовая лиственница да стланки (северный кедр). Летом в лесах было много ягод: краснела брусника и чернела темно-синяя голубика. Зима в здешних местах суровая, а лето совсем короткое.

29 апреля 1938 года Скиба Александр Лукич был арестован, осужден по Постановлению Тройки УНКВД как член контрреволюционной повстанческой организации к лишению свободы сроком на 10

лет. Александр Лукич попал в лагерь на Колыму на золотые прииски. Лагерь на Колыме нельзя сравнивать с ссылкой в хлебный Ташкент или со стройкой объектов в казахстанском Джезказгане. Хотя и то и другое было жестоким по отношению к людям. По всей стране лагеря, на воротах которых были слова «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и героизма» убивали полностью работоспособность заключенных. Под щелканье винтовочных затворов, лай собак и матерщину конвоя голодные, измученные, от тяжелой работы и недосыпания, полураздетые, больные, совершенно бесправные шли заключенные строем в золотые забои. Стране нужно было золото, много золота. Добывать его обязаны были заключенные, осужденные по 58 статье. Страшной этой статьи и золотых приисков, казалось, ничего на свете нет.

Особенно тяжелым стало положение заключенных во время войны. Теперь уже настоящий голод, а вместе с ним болезни и смерти ворвались во все бараки. Заключенные падали, выходя на работу, возвращаясь после неё или умирали в холодных бараках. Один из очевидцев, возвратившийся с Колымы на рудник после 10-летнего срока без фалангов на пальцах ног, рассказывал, как упавших на улице заносили в бараки. Кто еще шевелился, тому оказывали медицинскую помощь, а мертвых – с биркой на левой голени, на которой по инструкции только черным простым карандашом написан был номер личного дела, отвозили и хоронили в братских могилах, забросав тела камнями. Земли ведь здесь нет. Шестого декабря 1942 года скончался в лагере Скиба Александр Лукич. Евдокии Сергеевне написал письмо с этим известием один из заключенных, с которым подружился в лагере её муж.

Евдокия Сергеевна осталась в 1942 году одна с пятью детьми. Старший Василий уже работал на фабрике. Произошел несчастный случай и Василию, парню 21 года, на работе оторвало руку. Евдокия Сергеевна до ареста мужа работала рабочей в химлаборатории. Когда был арестован и осужден муж, её с детьми сослали в поселок Софийск на золотые прииски. Здесь,

в шурфах, Евдокия Сергеевна добывала золото. Она с детьми ютилась в комнате барака, разделенной пополам. В другой половине комнаты жили чужие люди. Как выдержала она все это? Возможно, здоровое крестьянское начало, природная любовь, а не отвращение к физическому труду помогало выжить таким людям.

Из-за мужа «врага народа» Евдокии Сергеевне не начисляли к зарплате положенные северные надбавки. И потом к пенсии ни копейки не добавили за работу на золотом прииске. В 1956 году после реабилитации Александра Лукича выдали Евдокии Сергеевне один раз зарплату мужа за месяц.

В поселке было много сосланных из Москвы. Ленинграда, из крупных городов СССР. Знаменитые ученые, врачи, хирурги, художники, писатели, артисты театров и цирка – никто не был застрахован от репрессий. Во время войны в поселке появились со-

ветские немцы, которые так же внесли в жизнь поселка хорошее начало.

Через несколько лет Евдокия Сергеевна вернулась на рудник Умалыта.

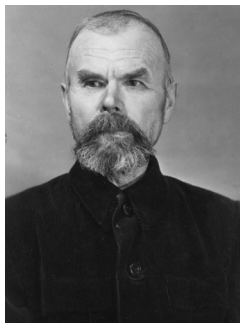
17 октября 1956 года Военным Трибуналом ДВО реабилитирован полностью за отсутствием состава преступления Скиба Александр Лукич.

К этому времени все дети стали взрослыми, создали свои семьи. Анна Александровна, младшая дочь, вышла замуж за Шалюгина Бориса Михайловича, который после службы в армии работал на шахте рудника.

В 1959 году молодая семья переехала жить в Качканар. Анна Александровна без отрыва от производства окончила Свердловский горный институт и работала в управлении ГОКа. Борис Михайлович тоже трудился в ГОКе. У них двое детей и двое внуков.

ЧИЖИКОВЫ

Чижиков Сергей Николаевич (1908 г.р.) с женой Анной Викторовной (1908 г.р.) жили и работали в селе Русская Тавра Манчажского (Красноуфимского) района Свердловской области. Он – бригадир в колхозе «Красный пахарь», она – рядовая колхозница. Образование у Сергея Николаевича – церковно-приходская школа. Любил читать, собирал книги, которые были у него конфискованы при

аресте и обыске. Детей было трое: Зинаида (1928 г.р.), Вениамин (1930 г.р.) и Лидия (1932 г.р.). С ними еще жила мать Сергея Николаевича.

До войны колхоз «Красный пахарь» считался неплохим, и колхозники жили в достатке по тогдашним меркам. Все было в семье неплохо. Зинаида и Вениамин учились в школе, а младшая Лидия – с бабушкой дома. Беда нагрянула неожиданно. 10

ноября 1937 года Сергей Николаевич был арестован. Поводом для ареста послужило заявление соседа, который сильно пил и гонял жену с детьми. Однажды после такого разгула женщина с детьми спряталась у Чижиковых. Пьяный мужик стал ломиться в дом, чтобы расправиться с женой, но Сергей Николаевич дал отпор. Вот и затаил горькую обиду сосед на Чижикова и написал заявление в УНКВД, что Сергей Николаевич обещал падеж лошадей в колхозе на 150% и вообще занимался всегда вредительством. Об этом рассказала жена соседа через несколько лет, что видела, как писал ее муж заявление на Чижикова. Этого заявления было достаточно, чтобы последовал арест.

32 мужчины были арестованы в 1937 году в селе Русская Тавра. Из них домой вернулись только двое. Сначала арестованных содержали в тюрьме. Потом без всякого суда повезли в вагонах с надписью «Живность» на Дальний Восток. В вагоне зачитали решение суда. По постановлению тройки КНКВД по Свердловской области Чижиков С.Н. был приговорен к 10 годам ИТЛ.

Когда проезжали по Сибири, Сергей Николаевич написал записку, в которой писал, что жив и просил нашедшего ее отправить семье по указанному адресу. Записку выбросил из вагона на перрон. На свете всегда найдется человек, который поможет. Кто это был, железнодорожник или просто прохожий, мужчина или женщина, увидевшая бумагу с просьбой? Несомненно, это был хороший человек. Письмо было получено Анной Викторовной. Теперь была хоть маленькая, но надежда, что, если жив, то вернется.

Сергей Николаевич попал в лагерь на станции Слюдянка. Каких людей в лагере не видел! Военные, интеллигенция, ученые, студенты, коммунисты, рабочие и колхозники стали узниками ГУЛАГа. Орудия труда – топор, поперечная пила, кайло, лом и тачка – вот весь набор для строительства железной дороги. Сначала рубили лес, очищали площадь для прокладки железной дороги. В скалах рубили вручную туннель, где должна была проходить желез-

Чижиковы на пенсии. У своего дома.

нодерожная магистраль. Это при скудном питании, плохой одежде и обуви. Сколько народа полегло при строительстве этой железной дороги! Построена она была на костях людей. Сергею Николаевичу повезло, он выжил. Его и еще одного мужчину расконвоировали при выполнении особо сложных работ. За счет этого выжил, что мог иметь дополнительную пайку, т.е. питался лучше других. В последние годы лагеря разрешено было переписываться с семьей. Жена высылала посылки с луком и чесноком, чтобы Сергей Николаевич избежал цинги.

В 1946 году Чижиков Сергей Николаевич вернулся домой. Стаж ему был засчитан и выплачена компенсация. Реабилитирован по постановлению Президиума Свердловского суда от 8 февраля 1958 года за отсутствие состава преступления.

А как жила семья, пока отец и муж строил где-то далеко-далеко железную дорогу? По воспоминаниям Вениамина Сергеевича, это были горькие годы в его жизни. Он в семилетнем возрасте остался единствен-

ным мужчиной в семье. Семья «врага» народа должна была платить налоги в двойном размере. Мать работала в колхозе, дети учились в школе. Тетрадей не было, писали на старых книгах. Учились почти всегда без света: керосина не было, а электрического света тем более.

На трудодни ничего не получали. Спасало только то, что имели в своем собственном хозяйстве. Имели корову, но цельного молока никогда не пили, а только обрат, сдавали налог маслом.

После 5 класса Чижиков Веня стал работать в колхозе. Какая там учеба! Война в стране, отец где-то в лагере на востоке страны. Вот такие 12-летние подростки – и на сенокосе, и на ферме. Поднимет мешок с зерном, в котором не менее 70 килограммов, пройдет пару шагов и валится на землю, оглушенный сверху мешком. Такое детство было у сегодняшних тружеников тыла.

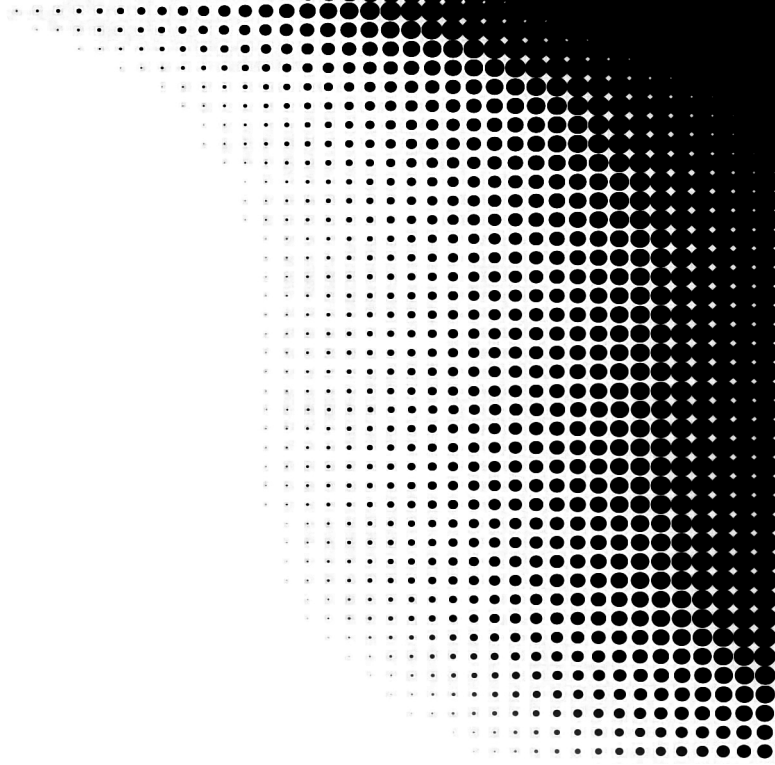
После возвращения из лагеря Сергей Николаевич не стал работать в колхозе, а переехал семьей в город Красноуфимск, поступил на лесозавод рамщиком. Проживет он 80 лет, а Анна Викторовна – 86.

До армии Вениамин Сергеевич работал сцепщиком вагонов на железной дороге. Служба в авиации

почти пять лет. После армии опять пришел на железную дорогу в свой коллектив. Чтобы стать машинистом паровоза, пришлось окончить 7 классов в вечерней школе. Без отрыва от производства окончил Вениамин курсы машиниста паровоза, а потом электровоза. В 1965 году начал работать в депо помощником машиниста, а после машинистом паровоза (электровоза).

После армии в 1955 году женился на Анне Дмитриевне, она работала в Красноуфимске на швейной фабрике. С ней живут в любви и согласии 55-й год. Родили и воспитали двух детей, сына и дочь. Людмила и Алексей – хорошие дети, помогают родителям. Внуков четверо, сейчас они тоже взрослые. Самая младшая внучка Светлана принимала участие в конкурсе «Утренняя звезда», тоже заканчивает в этом году университет.

В Качканаре живет старшая сестра, Коровина Зинаида Сергеевна, а вот младшей, Лидии Сергеевны, уже нет. Вениамин Сергеевич и Анна Дмитриевна сейчас ждут – не дождутся весны, когда можно будет уехать на свой садовый участок и там, как в каждую весну, сеять и сажать овощи. Трудиться на земле – что может быть прекрасней.

**Пусть прошлое нам кажется
лишь только сном**

Судьбы раскулаченных

Помню, как давно все было

Помню, как давно все было
В те тридцатые года,
Как несчастная спецсила
Гибла с голоду тогда.

После тягостной разрухи
И безбожной голодухи,
Чтобы бедный люд окреп,
Был в стране объявлен НЭП.
Выбирай любое дело,
Развивай хозяйство смело,
И никто вас не осудит,
Все твое до капли будет.

И взялись мужики,
Все, что было им с руки,
Строить, сеять, всласть потеть,
Понемногу богатеть.
Но недолго ликовали,
В сети властные попали,
Обманули мужиков,
Приговор им был таков:

Все хозяйство отобрать,
Кулаками обозвать,
В назидание для масс
Ликвидировать как класс.
Чтоб не хныкал стар и мал,
Всех отправить на Урал,
В ту далекую тайгу,
Взад ни шагу, ни гу-гу.

Под угрозой пистолета
Заполняется анкета.
И пожитков можно взять
Килограммов двадцать пять.
Остальное беднякам
Разделить по едокам.
Дом, постройки, хлев с амбаром,
Все оставили им даром.

Нас в телегу посадили,
Под конвоем проводили,
И в вагонах для телят
Повезли, как поросят.

Привезли народ – трудягу
В лес дремучий – заблудягу.
И сказали: все твое,
Хочешь жить – руби жилье.

Вот топор, а вот пила,
Хоть голодные до зла,
Но под первую фигуру
Стройте дом – комендатуру.
Поселился новый барин –
Комендант, всему хозяин,
Не снимал наган с ремня,
Все боялись, как огня.

Жизнь пошла под дерзким оком,
Благо кладбище под боком,
Голод, холод, окрик злой
Уносили на покой.
Так на горе, на слезах
Рос поселок на глазах,
Работяг с кулацким браком
Растолкали по баракам.

Чтобы смерти не поддаться,
Нужно чем-нибудь питаться,
Объедались травой
С подсоленою водой.
А за соль и за ночевку
Всех гоняли на корчевку,
И такой был дан наказ:
Пусть земля накормит Вас.

Начинали жизнь с нуля,
Разработали поля,
Посадили огороды,
Ждали милость от природы.
В скорбный час и час разлуки
Не сидели, сложа руки,
А трудились наизнос,
Чтоб поселок креп и рос.

Так не всех судьба скосила.
Ох, живучая спецсила.
Всем назло кулак воскрес
Над безумством ставит крест.

Мельников Виктор (г. Кушва)

Из воспоминаний

Дед Антипиной (Домниной) Валентины Егоровны, Домнин Дмитрий Елисеевич, был очень состоятельным человеком: владел смолокуренным и скипидарно – очистительным заводами. Кроме того, имел двухэтажный бревенчатый дом, в хозяйстве были коровы, лошади, мелкий домашний скот, ульи. Семья жила в большом достатке, никакие революции, тем более колхозы, ей были не нужны.

В 1929 году Дмитрия Елисеевича лишают избирательных прав, в 1930 году – восстанавливают, а в 1931 – опять лишают. В 1931 году Дмитрия Елисеевича с женой Екатериной Сергеевной, сыновьями Георгием (Егором) и Александром, дочерью Клавдией, снохой Агриппиной Андреевной и внуками Павлом, Леонидом и Петром высылают из деревни Хозовы Верхошиженского района Кировской области в Свердловскую область, Исовский район, посёлок Боровской. Все нажитое конфискуется.

Домнин Д. Е. объявляется кулаком, эксплуататором, так как имел наемных рабочих на своих предприятиях. Высылали спешно, грубо, жестоко. На пункт должны были прибыть 31 июля 1931 года, в эшелоне № 560. 3 августа семья отправлялась в ссылку. Из детей Дмитрия Елисеевича старший сын Георгий (Егор) имел в ту пору семью. Жена его Агриппина была из простой крестьянской семьи из соседней деревни Пауты. Как вспоминала после Агриппина Андреевна, приехали сваты с женихом к ее родителям, как увидела в первый раз Егора, так навсегда прикипела к нему сердцем. Всю семейную жизнь, а это более 50 лет, прожили

счастливо, несмотря на прожитые горе и несчастья. Егор Дмитриевич никогда не пил горькую, не ругался матерными словами. В 1929 году он служил в Красной Армии, будучи уже семейным человеком. Дома его ждала жена и два сына. Когда выслали, сыну Павлу исполнилось 7 лет, Леониду 5 лет, а Петру 10 месяцев. Ленья и Петя умерли от голода в первый год высылки.

Когда привезли в Исовский район, то на месте сторевшего на этом месте поселка Боровского, сосланные «кулаки» должны были восстановить поселок. Всех поселили в барак, на сене спали 200 человек. К зиме надо было срочно построить жилье. Голод, болезни только так косили людей. Сколько народа умерло, а сколько детей!

Построили барак на четыре семьи, стали в них жить, преодолевая все утраты, горя и лишения. Работали в леспромхозе, мыли золото и платину, трудились на драгах и гидравлике. В поселке построили два магазина, пекарню, школу – семилетку, детский сад и ясли, клуб и медпункт. Друг с другом жили дружно. Воровства не было, дома не запирались на замки. Места эти очень красивые, живописные, от п. Косья – 8 километров, а от Иса – 30.

В поселке был комендант, у которого сосланные отмечались. Поначалу местные жители относились к ним предвзято, обзывали кулаками. А потом все образумилось, стали жениться и замуж выходить за «кулацких» детей. У Егора Дмитриевича и Агриппины Андреевны в поселке Боровском родилось еще 5 детей: Валентина, Леонид, Любовь, Нина и Анато-

Е.Д. Домнин (слева) в Красной армии

лий. В 1933 году Агриппина Андреевна с крошечной дочкой Валею ходила тайком в посёлок Покап просить милостыню. Мир не без добрых людей. Одна из женщин поселка тайно давала Агриппине Андреевне молоко для ребенка. Тем и спасла Валею.

Егор Дмитриевич работал бригадиром на гидравлике. В войну его и брата Александра забрали на фронт. Оба вернулись живыми, даже без единой царапины. Егор Дмитриевич строил мосты на фронте. «Пули свистят и пролетают мимо», – вспоминал он позднее. Возможно, выжил потому, что верил в Надежду, Веру и в Любовь или благодаря молитвам матери и жены. 9 мая встретил в Берлине. Но война для Домнина Е. Д. закончилась только на Дальнем Востоке, когда была разбита Квантунская армия.

После войны опять работал на гидравлике, всегда был передовиком производства. В свободное время играл на гармошке и пел песни. Домнин Павел в военные годы работал в шахте, имея броню. Дети Домниных учились в Боровской и Косьбинской школах.

В клубах часто были танцы, выступления художественной самодеятельности. После войны, пережив все ее ужасы и потери, люди радовались и ценили жизнь. Гармошка вечером в клубе заиграет, все молодые люди, закончив работу и переодевшись, шли на танцы. Встречались, влюблялись, женились...

В 1948 году в возрасте 15 лет Валентина Егоровна стала работать в детском саду няней. В 18 лет устроилась в геологоразведку Пермской области, где строи-

Домнины, 1956 г.

ли алмазную драгу № 100. С 1957 года начала строить город Качканар, работала в СУ – 2 разнорабочей, а после на заводе ЖБИ. Ветеран труда. Вышла замуж за Антипина Юрия Михайловича, с которым прожила очень дружно 45 лет. 6 лет назад мужа не стало. У Валентины Егоровны есть дочь Галина, которая работала маляром в СУ – 5. Внуков двое, один из них – Данилов Андрей – известный в городе футболист, сейчас тренер.

В городе живут родственники Валентины Егоровны: сестра, Гаясова Нина Егоровна, и брат, Домнин Анатолий Егорович, со своими семьями. Сноха, Домнина Алевтина Васильевна (жена брата Павла) тоже из репрессированных, замечательная учительница, которую помнит не одно поколение качканарцев.

Поселка Боровского сейчас нет. Давно он списан за ненадобностью, а в прошлом году кто-то сжег последние дома. Но память не сгорела. Валентина Егоровна называет сосланных в посёлок Боровской: Соколова Анатолия Михайловича, Соколову Валентину Александровну, Бугрова Павла Николаевича, Чемагину Нину Михайловну. Все они жители нашего города.

Уборка картофеля на своем огороде

Спецпереселенцы из Молдавии

Оказывается, что кулаков выслали и после войны, только с территорий, которые были присоединены к СССР в 1939 – 1940 годах. Это была политическая подоплека. Под эгидой раскулачивания самое трудолюбивое, выносливое, здоровое и организованное крестьянство увозилось в самые необжитые и малонаселенные места страны.

А сейчас о событиях, которые произошли в 1946 – 1949 годах в семье Бабиных.

Бабин Максим Нестерович (1903 г.р.) жил с семьей в селе Троицкое Романовского района Молдавской ССР. Колхозов пока не было. Все жили своими хозяйством. У Бабиных в частной собственности в то время было 20-30 гектаров земли, лошади, корова, очень хороший дом (потом в нем разместилась школа). Жили, как все, в тогдашней Молдавии. Старший сын воевал три года на фронте.

В 1947 году Бабины переехали на станцию, бросив все хозяйство. По слухам знали, как справлялись с кулацкими семьями в СССР в 30 – е годы. Но их нашли и тут через два года, в 1949 году.

В 4 часа утра разбудили, на сборы дали 15 минут. Что успели взять, то и увезли с собой. Документы были отобраны. На машине с двумя охранниками уезжали неведомо куда. В семье Бабиных было четверо детей, которые жили пока с родителями. Ехали с молдаванами, болгарами, гагаузами, русскими. Всех собрали в одну кучу и повезли. Какие они были кулаки?

Телячи вагоны после войны – это жуткое явление. Вагоны зарешечены, кругом патрули, проверки. В вагонах грязь, вонь, мокрые детские пеленки, больные и умирающие, простыни, отделяющие одних от других. Поезд шел на восток целый месяц. Через 15-20 дней открыли вагоны. Впервые вышли из них и вдохнули чистый воздух. Молодые парни убежали, но, конечно,

далеко без паспорта не убежишь. Паспортная система крепко привязала нас к тем местам, где жили или где приказано было жить. Спецпереселенцев из Молдавии привезли на станцию Щучье в Курганской области, а оттуда в зерносовхоз Сафакулевского района Курганской области. Распределили семьи по баракам, в каждый по 20 семей. Почти в каждой семье по 5 – 6 детей. Бараки дощатые, продуваемые всеми ветрами. Народ совсем не приспособленный к такому климату, одежды теплой не знали в Молдавии. Пошел снег, ударил мороз. Люди стали умирать. Смертность была очень высокой.

Через год Максим Нестерович был арестован и 3 года провел в ИТЛ в Красноярском крае. Жена Мария Исаевна осталась с 4 детьми. Вот уж как ей досталось в жизни! Крутилась – вертелась, как могла. Старшие дочери пошли работать на ферму.

Через 3 года вернулся хозяин из лагеря, и жизнь стала полегче. Собрались мужчины и построили бревенчатые

10 класс. Первый слева в 1-м ряду Бабин А.М.

бараки. Каждый семье досталось, хоть по маленькой, своей комнате.

Вокруг в Сафакулевском районе одни татарские деревни и занимались в них, в основном, животноводством. А земли здесь очень плодородные, черноземные. Молдавские крестьяне преобразовали эту землю. Выращивали картофель и другие овощи, добились высоких урожаев зерновых культур. Впервые на этой земле зацвели сады. Многие стали обживать и строить свои дома. Жизнь, несмотря на спецкомендатуру, стала налаживаться. Старшие дочери Бабиных работали: одна дояркой, другая телятницей на ферме. Младшие, Клава и Саша, учились в школе.

Вот кто больше всех удивил, так это была Клава. После 8 класса она училась в районном центре в 9 классе и жила в интернате. Каждую субботу приезжала домой, а в воскресенье вечером возвращалась в интернат вместе с другими детьми. Но в одну из суббот не приехала домой. Неделя проходит, приходит к Бабиным комендант с вопросом: «Где ваша дочь?» Клава учудила: сбегала в Молдавию. Как добралась 15-летняя девушка до родных мест без документов, денег? Но все-таки доехала. А так как родни в Приднестровье много, то у одних поживет, то у других. А в Курганской области был объявлен всесоюзный розыск малолетней беглянки. Так прошло еще два года. В Молдавии, как и по всей стране, стали «прижимать» жителей без прописки.

Клава хитрая, уму-разуму набралась за эти годы. В 50-е годы строилась Волжская ГРЭС, была объявлена Всесоюзная комсомольская стройка. Вот туда подалась Клава. Устроилась на работу, вышла замуж вскоре, сменила фамилию и таким образом затерялась на просторах огромной страны.

В 1957 году была снята спецкомендатура и разрешен выезд из Курганской области. В городе Бендеры

А.М. Бабин с матерью в Курганской области

родители купили дом и жили там до своей кончины. Привыкшие к теплу и фруктам, которые они видели в Зауралье только на картинках в учебниках детей, и где слаще морковки ничего нет, не могли больше здесь оставаться.

Самый младший из детей, сын Александр (1940 г.р.) после окончания средней школы в 1957 году поступил в Челябинское железнодорожное училище. По его окончании работал электромехаником на станции Бокап Южно-Уральской железной дороги. В 22 года женился. После была служба в стратегических войсках на Семипалатинском полигоне 5 лет. Мир переживал тогда Карибский кризис.

В любую минуту могла начаться 3-я мировая война.

Жена Галина после окончания техникума по направлению поехала с маленькой дочерью в Качканар. После службы сюда приехал Александр Максимович. На аглофабрику устроился электриком. В 1975 году окончил горный институт и работал механиком на аглофабрике до 1978 года.

На Украине, в городе Комсомольске-на-Днепре, запускали фабрику окатышей. Человек 20 из Качка-

В отпуске с женой у родителей в Молдавии. 1962 г.

нара уехали туда на работу, в том числе и Александр Максимович. Он работал начальником участка. Место райское, вокруг цветущие сады, город молодежный, утопающий в цветах, на берегу Днепра. Есть местечко Барбара, там должен был получить квартиру Александр Максимович.

Через полтора года приехала жена Галина Михайловна и ни за что не захотела жить ни на Украине, ни в Молдавии, куда звали родители и

Отец Бабин М.Н. со снохой Галиной

все родные. В Приднестровье, в основном, русскоязычное население.

Пришлось вернуться в Качканар. Александр Максимович устроился старшим мастером в ПТП, затем назначен начальником цеха. В 1998 году ушел из предприятия на пенсию, на деньги которые невозможно было прожить. В Горэнерго работал слесарем до мая 2011.

У Александра Максимовича двое детей и четверо внуков. Ветеран труда, Почетный донор.

Забеловы

Отец Братухиной (Забеловой) Галины Викторовны, Забелов Виктор Викентьевич (1881 г.р.), в годы 1-й мировой войны имел нижний офицерский чин и в составе 14-ой роты 27-го Сибирского стрелкового полка храбро сражался на фронте, за что был награжден Георгиевскими крестами 4,3,2 степени.

В именном списке раненых нижних чинов, перевозимых на военно-санитарном поезде литеры «П» и награжденных Георгиевскими крестами и медалями Его Императорским Величеством Великим князем Георгием Михайловичем, при посещении поезда на станции Могилев-на-Днепре 15 сентября 1915 года «значится», старший унтер-офицер Виктор Викентьевич Забелов 27-го Сибирского стрелкового полка, уроженец Томской губернии, Томского уезда.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) есть документы, подтверждающие, что ефрейтор, а затем старший унтер-офицер 3-его Сибирского армейского корпуса №20 Забелов Виктор Викентьевич был награжден «за отличие в боях с немцами» Георгиевским крестом 4-ой степени № 49754 и 2-ой степени № 14582. Сведений о награждении Георгиевским крестом 3-ей степени нет, скорее всего, они утеряны.

После службы в белой армии Виктор Викентьевич возвратился в родную Томскую губернию, Томский уезд, где проживала его семья.

В 30-е годы создание колхозов доходит до самих глухих деревень Томской области. В деревне Троицкой организован колхоз «Победа». Забелов В.В. считается зажиточным крестьянином. В хозяйстве у него пяти-

стенный дом, амбар, два хлева, лошадь, корова, свинья, телега, комплект сбруи, плуг-ползун, деревянная борона, соломорезка, три молотилки, самовар, земля, засеянная рожью, овсом, ячменем и картофелем.

В 1932 году Забелова В.В. осудили по ст.161 УК РСФСР. Он – твердозаданец, и в 1933 году за невыполнение хлебозаготовок все его имущество описывается.

6 сентября 1933 Виктор Викентьевич подает заявление в Томский горсовет об освобождении его от твердого задания.

Из выписки постановления президиума Томского городского совета РК и КД от 1 октября 1935 года узнаю, что Забелов Виктор Викентьевич, пробравшись (так указано в документе) в колхоз «Победа», был связан с родственниками-кулаками и вел в колхозе подрывную разложническую деятельность. Якобы агитировал за невыход на колхозные работы, сам саботировал (трудней всего 69!), поговору с родственниками, председателем колхоза Забеловым и бригадиром Малявко, в ночь на 24 августа 1935 года во время молотбы они похитили 18 кулей хлеба, принадлежащих колхозу «Победа». С целью скрыть преступление предлагали и дали парторгу Вологину взятку в сумме 350 рублей. Из колхоза Забелов В.В. был исключен. Возбуждено было ходатайство перед Запсибкрайисполком о лишении избирательных прав Забелова Виктора Викентьевича, его жены Анастасии Александровны, 38 лет, матери Марии Адамовны, 72 лет, и о выселении их вместе с другими членами за пределы Томского района как кулацкий элемент, пролезший в колхоз и производящий там подрывную работу и расхищающий социалистическую собственность.

Учитывая то, что Забелов В.В. эксплуатацией не занимался, наем рабочей силы производил только в страдную пору, что у него больная жена, ему было возвращено право решающего голоса, но семья была сослана на основании особой тройки УНКВД в Парабельский район Томской области.

Поселок Корза Белинского сельского совета Парабельского района Томской области строился силами

сосланных кулаков. Как они жили и выжили в то время, можно только предполагать, так как обе дочери Забелова, Галина (1937 г.р.) и Федосья (1940 г.р.) родились после высылки родителей. Обе были маленькими, когда родителей не стало. 19.01.1946 года умерла мать, Анастасия Александровна. 13.11.1947 года не стало Виктора Викентьевича. 25.11.1947 года родители были сняты со спецучета, т.е. почти два года после смерти Анастасия Александровна все еще состояла на учете в спецкомендатуре. Обе дочери, Забелова Галина Викторовна и Забелова Федосья Викторовна, взятые на спецучет с момента рождения Парабельской спецкомендатурой, сняты со спецучета 25.11.1947 года без права возврата к прежнему месту жительства.

Круглые сироты были определены тетей, Натальей Александровной Малявко, в детский дом с. Парабель. Галина в 1951 году после школы-семилетки поступила в училище связи №6 Томска. После его окончания по направлению поехала работать на Камчатку, где трудилась в радиоузле г. Петропавловска-Камчатского. Там же вышла замуж за Братухина Ивана Прокопьевича. В 1962 году Братухины приехали в Качканар. Галина Викторовна работала в отделе связи, телеграфисткой. После окончания вечернего отделения строительного техникума трудилась в СУ-7, УДР, на радиозаводе. У Галины Викторовны два сына, внук. Умер муж, погиб один из сыновей.

В Качканаре живет ее родная сестра, Федосья Викторовна. Она жила и работала в г. Томске. После неудачного замужества переехала с сыном в Качканар, где работала в домоуправлении. Сын Федосьи Викторовны умер, есть один внук.

Немного запомнились родители Галине Викторовне. Запомнился отец тем, что нога всегда была перевязана красной тряпкой. Сказывались раны, полученные на фронте 1-й мировой войны. Даже дни рождений своих родителей сестры не знают. В документах тех лет не указывались такие «мелочи». Поражают все эти документы своей жестокостью и цинизмом.

Бугровы

У нас в стране чаще всего случаются беды по вине человеческого фактора. Так было и с колхозами. Ведь есть в маленьком Израиле киббуцы наподобие наших колхозов. Кормят не только свой народ, но много овощей и фруктов экспортируют в другие страны. Это все в государстве, где земля-то с гулькин нос.

В 1931 году в поселок Боровской Исовского района Свердловской области из деревни Петрищево Старицкого района Калининской области выслали семью Бугровых. Они жили единолично, имели двухэтажный кирпичный дом, маслобойню, коров, лошадей, мелкий домашний скот. В колхоз не вступали.

Когда стали раскулачивать Бугровых, то все жители села были против их высылки. Но руководители колхоза были так называемые 25 – тысячники из числа рабочих, посланных в деревню для организации колхозов. Они не знали деревню, психологию крестьян, уклад жизни деревни. У Бугровых всё хозяйство было конфисковано, а сами они оказались на суровом Урале среди дремучих лесов. Их дом был отдан сельскому совету. С собой спецпереселенцы практически ничего не везли.

Первое место ссылки – посёлок Косья, где жили на чердаке конюшни, пока строились бараки в поселке Боровском. Первые бараки – это жизнь семей, отделённых друг от друга простынями. Позже были построены бараки на две семьи.

Семья Бугровых состояла из 6 человек: деда, отца, матери и трех детей Бугрова Николая Андрияновича. Сразу после приезда в 1931 году умер дед Андриан Михайлович (1859 г. р), а следом за ним не стало его сына Николая Андрияновича. Осталась вдова Прасковья Фёдоровна (1896 г.р.) с тремя несовершеннолетними детьми. Старшей Нине было 11 лет, а младшему Павлу – 4 года. Прасковья Федоровна работала в леспромхозе. Дети, Нина и Николай, рано пошли работать в шахту.

Семья Чикишевых. 1939 г.

Подростая Нина убежала тайком из посёлка, добралась до своей деревни в Калининской области. За побег дочери Прасковью Федоровну посадили на неделю в КПЗ. Она написала письмо Нине, в котором умоляла вернуться дочь. Нина вернулась не столько из-за материнских слёз, но из-из того, что она увидела в деревне. Колхозники жили в бедноте, впроголодь, в вечной нужде.

Старший из братьев, Николай, ещё до войны работал над строительством драг, посылал чертежи на выставку. Бугров Николай Николаевич (1922 г.р) воевал на Украине, погиб под Днепропетровском.

В 14 лет пошел работать на драгу младший сын. Павел (1927г.р) Он работал забойщиком, молотобойцем, разнорабочим, строил драги.

В 1951 году Павел Николаевич женился на Чикишевой Валентине Васильевне. Она тоже была из семьи раскулаченных, сосланных в 1930 году из Кировской области. Отец у Валентины Васильевны работал сапожником. Как-то раз к нему в мастерскую зашли мужчины и стали разговаривать. Василий Васильевич только поддакивал. А на другой день был арестован,

осужден по ст. 58 п. 10, и как враг народа пробыл в лагере 6 лет.

На фронте погиб брат Валентины Васильевны – Чикишев Николай Васильевич (1921г.р)

Валентина Васильевна окончила Нижнетагильскую фельдшерско-акушерскую школу и всю трудовую жизнь провела в больнице в разных должностях.

В 1959 году Бугровы с двумя детьми, сыном Александром и дочерью Натальей, приехали стро-

Бугровы. 1959 г.

ить город Качканар. Валентину Васильевну взяли на заведование Валериановской фельдшерско-акушерской амбулатории. Павел Николаевич трудился на стройке города и комбината в тресте «Качканаррудстрой», после перешел в ГОК.

Супруги Бугровы имеют правительственные награды, оба ветераны войны и труда. После смерти жены Павел Николаевич живет с семьей дочери Натальи.

Бутенко Николай Михайлович

Его отец, Бутенко Михаил Федорович (1904 г.р.), родился в семье крестьянина, казака, в станице Советской Армавирского района Краснодарского края. В 1931 году Бутенко Федора Анисимовича с тремя взрослыми детьми и их семьями выслали с Кубани, как кулацкую семью. На сборы время не дали, поэтому в чем были, в том и поехали. В товарных вагонах повезли в неизвестном направлении. Сначала высадили на пустом месте в Ростовской области, потом повезли дальше.

Из Свердловска отправили в поселок Федино Исовского района. Поселок состоял из двух половин. В старом Федино жили вольные люди, а новое строили сами спецпереселенцы и в нём жили. Здесь была своя спецкомен-

Н.М. Бутенко с внучкой

датура и комендант. Выходить из нового поселка без разрешения коменданта никому не разрешалось. Жили в бараке по четыре семьи.

У Михаила Федоровича и Анастасии Авакумовны было четверо детей. Старший сын Иван в годы войны погиб на фронте. Михаил Федорович работал на тракторе, котельщиком в механическом цехе, на лошади возил в магазин продукты.

В 1950 г. семья Бутенко переехала в поселок Ис. Младший из сыновей, Бутенко Николай Михайлович (1943 г.р.) с семьей в 1971 г. переехал в Качканар. Он работал в АТЦ ГОКа до 1994 г. С женой Галиной Андреевной, банковской служащей, воспитали двоих детей. У супругов двое внуков. Оба ветераны труда.

Васянины

Васянин Анатолий Петрович родился в 1937 году в поселке Карпушиха Невьянского района Свердловской области. Его отец, Васянин Петр Васильевич (1913 г.р.) происходил из семьи зажиточных крестьян. Васянины жили в деревне Крюково Лысьвенского района Пермской области. Сейчас на месте деревни – Воткинское водохранилище. У деда Васянина Василия Андреевича семья состояла из девяти человек. Хозяйство представляло две лошади, корову, овец, мелкий домашний скот. Основное занятие у семьи – земледелие. Василий Андреевич занимался селекцией пшеницы. Он вырастил пшеничный колос размером 20 сантиметров с 51 крупными зернами. До 1927 года он арендовал землю в татарской деревне. Осенью убирает урожай, а половину его отдаёт хозяину. В 1927 году в СССР проводилась реформа по землеустройству. Василий Андреевич получил надел земли, на котором выращивал свои сорта пшеницы. На сезонные работы нанимал пару работников. Образование у него – церковно-приходская школа. Настольная книга – «Календарь в пословицах и поговорках», выпущенная в 1913 г. Весь календарь Василий Андреевич знал наизусть. Большое количество стихотворений Н. А. Некрасова читал по памяти. Деревенский, но умный, даже одаренный.

В середине мая 1930 года Васянины были раскулачены и сосланы на рудник Карпушиха Свердловской области. Все хозяйство было конфисковано. Шерстяной костюм у 17-летнего сына Петра был отобран. Старшие дети Васянинных были семейными и поэтому не сосланы. Так Василий Андреевич с женой и двумя младшими сыновьями, Петром и Алексеем, стали рабочими рудниками Карпушиха.

Барак ждали спецпереселенцев. На каждую семью по два квадратных метра. Друг от друга отделялись, чем только могли.

Проводы в армию А.П. Васянина

В шахте добывали медную руду. В настоящее время шахта затоплена.

Вскоре разрешили строить свои дома. Васянины построили пятистенный дом на две семьи. Постепенно налаживался быт переселенцев. В местный магазин поступала американская одежда, купленная на золото Урала. Рабочие по дешевке все скупали.

Народа нагнали море, все ссыльные. За короткий срок были построены школа, небольшая больница, детский сад, два клуба, парк. Один клуб для спецпереселенцев, другой – для руководства, охраны, который вскоре закрылся. В отношении культурной жизни в поселке много делалось. Надо было прежде всего

заинтересовать, привлечь молодёжь, чтобы здесь оставались работать. Милиционер в поселке был из латышских стрелков, при котором не больно разгуляешься.

На работу в шахту принимали с 18 лет и только мужчин. 17-летнего Васянина Петра в 1930 г., окончившего курсы счетоводов ещё до высылки, взяли в шахту работать на лошади. Потом вместе с другими шахтерами катал вагонетки под землей. На смену выдавалась пара лаптей. К концу смены от них ничего не оставалось. Когда узнали об образовании Петра Васильевича, то назначили расчетчиком на шахте. Ежедневно выдавался список, по которому каждый шахтер знал, сколько он добыл руды, на сколько выполнен или перевыполнен план. Для передовиков накрывался отдельный стол с лучшей пищей и даже стопкой водки по праздникам.

В 1936 году Петр Васильевич женился. Его избранницей стала Чухланцева Анна Илларионовна (1914 г.р.). В 1937 г. у них родился сын Анатолий. В этом же году Петр Васильевич постоянно ждал ареста. Котомка всегда была наготове. В поселке шли аресты, особенно среди ссыльных кулаков. Председатель поселкового района Коряков, арестованный в том году, так и не вернулся домой. Родители строго наказывали своим детям, чтобы языки не распускали и никогда никого не оговаривали.

Семья Васяниных. 1950 г.

Супруги Васянины с сыном Александром

Отец жены, Чухланцев Илларион Андреевич, тоже из ссыльных, жил в деревне Оленьи Болота в Удмуртской АССР, в 20 километрах от города Сарапула.

В 1907 году Илларион Андреевич, отслужив действительную службу в царской армии, приписанный к Уманскому полку, с карманными золотыми часами на цепочке, вернулся домой в деревню. В 1914 году, когда началась Первая Мировая война, он должен был идти на фронт. В это время у него в семье родилась дочь Анна.

Потом началась гражданская война. Пашут зять, отец с сыном. По полю бегут крестьяне и кричат, что в деревне белогвардейцы. Через три дня – красные.

Грамотного Иллариона Андреевича определили в Красной Армии писарем. Носился по фронтам гражданской войны с штабом писарь Чухланцев. После войны он писарь в Сарапульском райвоенкомате до 1929 г. В этом году его увольняют. Он уезжает в деревню Оленьи Болота и занимается разведением лошадей. В мае 1930 г. Чухланцевы раскулачены и сосланы на рудник Карпушиха, пополнив таким образом рабочий класс Урала.

До войны у Васянина Петра Васильевича было трое детей. В 1942 году его снимают со спецучёта и отправляют на Волховский фронт в железнодорожный батальон. Воевал на Ленинградском и Ка-

рело-Финском фронтах. В декабре 1945 года Петр Васильевич вернулся домой, успев после войны строить железную дорогу на станции Слюдянка в Забайкалье. На фронте из семьи был только один Петр Васильевич. Все родные работали непосредственно в забое. По закону имели бронь. Всю оставшуюся жизнь Петр Васильевич работал бухгалтером на мебельной фабрике.

Человеком он был незаурядным, с отличной памятью, своим трезвым отношением к жизни. Знал наизусть много стихов, играл на гармонии и балалайке. Прожил почти 90 лет.

В 1947 году в поселке была упразднена спецкомендатура и было разрешено уезжать. Брат Степан съездил в деревню, посмотрел, как живут колхозники. Вернулся на рудники и плача рассказывал о нищете деревенской жизни.

В поселке Карпушиха в послевоенные годы культурная жизнь была на должной высоте. В клубе шахматы, шашки, бильярд и очень хорошая библиотека. До армии подростком Васянин Анатолий все свободное время проводил в библиотеке. В 1956 году его мобилизовали в армию. После службы в 1959 году

приехал в строящийся город Качканар и стал его строителем. Учиться пошел в вечернюю школу. С ним за одной партией сидела молодая девушка Одинарцева Катя. В 1963 году они поженились. Комсомольско-молодечную свадьбу сыграли в вечерней школе. Екатерина Дмитриевна, с которой Анатолий Петрович уже 48 лет вместе идет по жизни, считает, что ей очень повезло в жизни, что попала в такую хорошую семью. Особенно добрыми словами отзывается о своей свекрови Анне Илларионовне, женщине мудрой, сочувливой, работающей и доброй. А в своем муже до сих пор души не чает, считая его самым умным, начитанным, порядочным и любимым. У них сын, внучка, правнучка.

Анатолий Петрович окончил вечернее отделение Исовского геолого-разведочного техникума и работал в КИПе ГОКа электрослесарем. Екатерина Дмитриевна тоже работала электрослесарем, только в «Ремэлектро». Их сын Александр после окончания Исовского техникума – электрослесарь.

Супруги Васянины – ветераны труда и первооткрыватели нашего города.

Ветошкина Лидия Андреевна

Родилась в 1939 году в посёлке Усть-Тылай Исовского района Свердловской области. Отец, Кусов Андрей Дмитриевич (1914 г.р.), родом из Свердловской области, Новолялинского района, работал старателем-зайщиком Кытлымского приискового управления треста «Уралзолото» на старательном участке Березовка. Мать, Пробылова (Кусова) Клавдия Михайловна, родилась в 1918 году в деревне Ушаки Молодотудского (ныне Оленинского) района Западной (Тверской) области в крестьянской семье. В 1931 году семья Пробыловых была раскулачена и выслана в административном порядке за пределы области.

Семья не была кулацкой, в хозяйстве держали самое необходимое. У брата деда было много земли, и он попал под раскулачивание. Всю семью деда, трех братьев и двух сестер привезли в посёлок Усть-Тылай Свердловской области. Вскоре дед заболел тифом и умер. Старшие брат и сестра Клавдии Михайловны пошли в магазин в посёлок Кытлым и пропали. Сколько их потом не искали, но так и не нашли. Клавдия Михайловна работала на мелком старании. Здесь познакомилась с будущим мужем, Кусовым Андреем Дмитриевичем. В 1939 году у них родилась дочь Лидия, в марте 1941 – Тамара. 23 сентября 1941 года Андрей Дмитриевич ушел на фронт, в 1942 погиб под Москвой.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

◀◀ В военные годы Клавдия Михайловна работала в столовой рабочей. В 1948 году она вышла замуж за Мамаева Николая Афанасьевича, участника войны, прошедшего немецкий плен. Родилось еще четверо детей. Мамаев Н.К. – первостроитель Качканара, плотник, строил дома по улице Первомайской. Лидия Андреевна, получив среднее образование, работала продавцом в магазине «Молодежный» 28 лет, а после – на радиозаводе кладовщиком в отделе сбыта. Оттуда ушла на пенсию. В 1959 году вышла замуж за Ветошкина Николая Степановича, с которым прожила сорок лет. Муж умер в 1999 году. У нее три дочери, шесть внуков и два правнука. Лидия Андреевна – ветеран труда.

Спецпереселенцы в Сан-Дonato

Урал – потаённая, мощная суть.
Здесь ветры простор обретают,
Здесь рек широты не касается муть,
Здесь Я – человек, мне нельзя «как-нибудь»,
Здесь мир красоты обитает.

Виктория Погудина

Уинстон Черчилль как-то сказал, что размышления над прошлым могут послужить руководством над будущим. Главное, как в прошлом, так и в будущем – это люди.

7 августа 1931 года из Чувашской АССР на станцию Сан-Дonato привезли в товарных вагонах раскулаченные семьи. В городе Алатырь из их состава был сформирован целый состав, отправленный на Урал. Из одного только чувашского села Стениз бывшей Симбирской губернии было вывезено 25 семей.

Семья Ворониных владела мельницей, торговали лесом. Отец Воронина Бориса Григорьевича в 20-е гг.

прошлого века построил в Чувашии большой дом. К нему был пристроен магазин. В 1931 году все хозяйство Ворониных было конфисковано государством, а огромная семья сослана на Урал. В 1937-38 гг. до всех добрались, кого тогда в 31 году не сослали.

Вот так, в связи с коллективизацией на рудник имени III Интернационала были выселены «кулаки» из Чувашии. Им пришлось очень трудно. Но природное крестьянское трудолюбие помогло им преодолеть трудности. Вскоре благодаря им прекрасно заработало подсобное хозяйство рудника, замычали по дворам коровы, заблеяли овцы и козы. Прекрасные плотники Чувашии нашли применение своим рабочим рукам на многих стройках Нижнего Тагила.

Трудились на руднике в 30-40-е гг. люди многих национальностей: немцы, армяне, вепсы. Вокруг построенных барачков стоял лес, в котором было много грибов и ягод. В одном из барачков жил комендант, ко-

торый каждый вечер отмечал присутствие всех переселенцев по списку.

В длинных бараках жило по нескольким семей. Семья от семьи отделялась шторкой. Жили в тяжелых антисанитарных условиях, а отсюда – заразные заболевания и смерти у большинства много детей. У Ворониных Григория Васильевича (1903 г.р.) и Елизаветы Викторовны (1910 г.р.) было 9 детей, а были семьи с 12-ю и 13-ю детьми. Детство у всех, конечно, было очень трудным. Ночевали и в сарае, постоянно голодали. Благодаря бабе Агане, которая работала в столовой и приносила кое-какую еду, выжили. На Пасху собирались сосланные. Женщины пекли пироги и ими всех угощали. Позже, когда разрешили строить дома, каждая семья разрабатывала себе участок: корчевали пни, отводили воду, строили кто насыпной, кто лучше дома. Участок земли в те годы никем не измерялся. Сколько кто хотел, столько тот и отгораживал. Кто побойчее и смекалистей, городили побольше. Впоследствии эта окраина называлась Нахаловкой. В Нахаловке поселились и Воронины.

Спецпереселенцы раскапывали серный разрез, чтобы была шахта «Вентиляционная», шахта Шмидта, «Ламповая». Рабочие получали задание на каждый день. Конечно, в шахте «Капитальная», в которой трудилось очень много спецпереселенцев, в том числе Воронины, ставшие на руднике шахтерами. В шахте в тяжелейших условиях добывали медный колчедан, такой необходимый для тяжелой промышленности страны. Во время Великой Отечественной войны более 600 шахтеров из рудника ушли на фронт, и многие из них не вернулись. На фронте был дядя, родной брат отца. С войны вернулся живым.

Сколько шахтеров погибло в военные годы в шахте! А сколько досталось женщинам рудника! В бригадах рабочих по очистке путей и канав – только женщины. Из инструментов – каёлка, лопата, ломик. Помашки-каими 12 часов на полупустой желудок. Да в полумраке и сырости, да на сквозняках от вентиляции. А главная забота – чем семью накормить. На детей давали по

300 граммов хлеба, рабочим-подземникам – по килограмму, а те, кто работал на поверхности, получали по 700 граммов хлеба. Знали, что все нужно терпеть ради фронта, ради победы.

В годы войны предприятия Урала выдали свыше 40 % военной продукции страны. Нижний Тагил произвел на своих заводах 35 000 танков Т-34, несколько тысяч самолётов Л-2, построил 8 экспериментальных реактивных истребителей Би-1.

Не было на руднике затемнения, как и во всем Тагиле. Сюда не долетал грохот артиллерийской канонады и взрыва бомб. Но каждый, кто трудился у домен, мартенов, прокатных станов, возле коксовых батарей, на конвейерных линиях, в забоях рудников, знал – линия фронта проходит и здесь.

В военные годы на руднике работало много военнопленных немцев, румын, венгров, японцев. Шахтёров «косил» туберкулез легких и силикоз. Ежедневно грузовики везли тела умерших на кладбище. Умирало много как поселковых, так и военнопленных. В 1990-х гг. японцы вывезли останки 12-ти умерших своих соотечественников, захороненных в 40-е гг. на кладбище рудника. Немецкое кладбище до сих пор сохраняется на руднике. За колючей проволокой зорко следили

Рудник имени III Интернационала

охранники с вышки. В памяти Бориса Григорьевича остался такой эпизод: бабушка нагнулась и руками стала что-то доставать за проволокой. И тут же была убита автоматчиком!

Уголочек маленькой России,
Мой рудник на карте не найти.
Наш поселок, если постараться,
Можно весь за два часа пройти.
Начинался мой рудник с бараков
И вырослел в нелёгкие года,
Но в любое время для России
Шла потоком медная руда.

С. Д. Дегтярева

Сколько пережито, выплакано горьких слез в те годы! Один только голод что стоил!

Когда в 1955 году 16-летний подросток Воронин Борис (1939 г.р.) поступил в ремесленное училище № 25 г. Нижнего Тагила, в столовой получил обед, состоящий из трех блюд. Он заплакал, что все это можно съесть ему одному, как сказал мастер. Двухгодичная учеба в училище, затем работа электриком в шахте «Капитальная» до службы в армии.

В Качканаре Борис Григорьевич окончил вечернее отделение Исовского геолого-разведочного техникума. 10 лет работал электромехаником в «Уралэлектромонтаж», на фабрике окатышей – агломератчиком. Ветеран труда. У Бориса Григорьевича есть сын и дочь, трое внуков и одна правнучка.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Волочай Екатерина Николаевна

Родилась в 1921 году в станице Новошербиновка Краснодарского края. Её родители, Лысенко Николай Абакумович и Евдокия Власовна, были зажиточными крестьянами. В своем хозяйстве держали пару лошадей, коров, мелкий домашний скот, но основное дело – хлебопашество, которым занималась вся семья. Хлеба сеяли много, продавали его государству. На сезонные работы нанимали нескольких батраков. В колхоз не вступили, за это их раскулачили и сослали на Урал. Лысенко оказались в посёлке Лабазка Исовского района Свердловской области. В июне 1931 года их привезли в тайгу, выгрузили с пожитками на поляне и сказали: «Стройтесь и живите».

Первое время занимались строительством бараков, работали в лесу. Через некоторое время Николай Абакумович убежал отсюда, оставил жену и дочь. Он доехал до своей станицы, там был арестован, осужден и отсидел в тюрьме один год. Впоследствии уехал в Дагестан и остался там навсегда.

Евдокия Власовна с дочерью Катей продолжали жить в поселке. Она состояла на учете в спецкомендатуре, не имела права за выезд за пределы поселка.

После 4 класса Катя начала трудиться на драге, добывала золото и платину. Особенно тяжело было в годы войны. Пайка хлеба да картошка – вся еда. После войны Екатерина Николаевна вышла замуж за фронтовика, участника Великой Отечественной войны Волочая Михаила Алексеевича, который тоже был из семьи ссыльных кулаков. У них родилось 5 детей, сейчас живы трое. Внуков трое, правнуков шестеро.

Во время войны в поселке Лабазка, кроме раскулаченных крестьян, жили сосланные немцы Поволжья и эвакуированные поляки. Вся жизнь Екатерины Николаевны – это самоотверженный труд на драге, на стройке и в леспромхозе, забота сначала о тяжело больной матери, а после о своих детях.

А годы летят...

Гаврилов Николай Иванович – из рода яицких казаков. Он родился в 1926 году в деревне Духовая Пышминского района Свердловской области. Его родители, Иван Григорьевич и Мария Ивановна, занимались хлебопашеством. В хозяйстве было четыре лошади: две выездные и две рабочие, жилой дом, амбары, конюшни, сараи. Дом был двухэтажный, с каменным фундаментом. На первом этаже была лавка деда, а на 2-м жилое помещение.

Отец матери, Накипин Иван, был купцом. В Верхотурском мужском монастыре он выкупил помещение, оборудовал его всем необходимым для проживания, чтобы здесь могли останавливаться русские люди, которые ехали осваивать Сибирь. Об этом писал журнал «Уральский следопыт».

В 1931 году семью Гавриловых раскулачили и сослали в Исовский район. При раскулачивании забрали все, вплоть до ложек. Когда описывали одежду, тут же, не стесняясь, активисты распределяли ее по своим семьям, даже примеряли на глазах хозяев. «Этот сарафан подойдет Марье, эту кофту отдам Наташке», – говорили они и растаскивали все найткое трудом добро по своим избам. Были раскулачены семьи, где братья–то было совсем нечего. Не угодили чем-нибудь местной власти и ссылали их подальше, с глаз долой.

Гавриловы как спецпереселенцы приехали на речку Большая Именная в посёлок Петровский. Поселка, как такового, не было, а только два барака, в которых набили сосланных. Семья от семьи отделялась навешенными веревками. Посередине барака – огромная печь, на которой готовили еду и где грелись. Болезни, смерти, вши... В военные годы этот поселок разросся. Сейчас там – только покос.

Через шесть месяцев Гавриловы опять на новом месте. Помня, что на одном месте и камень мхом обрастает, власть не давала людям обжиться. Иначе опять

Н.И. Гаврилов

станут разводить скот, строить дома и сараи. Опять заживут хорошо, а этого допустить было нельзя.

До переезда в пос. Федино таковых мест было не менее шести. Поселков не было, 2-3 барака для жилья и все. Сосланные кулаки работали в лесу, валили лес, жгли уголь. Этот уголь шел на Нижнетуринский завод.

В посёлке Федино поселились Гавриловы после стольких лет скитаний по уральской тайге и жили там всю войну, пока не разрешили раскулаченным право на выезд. Родители опять работали на лесоповале, на стройке. Первое время им было разрешено работать только на подсобных работах, которые были малооплачиваемые: кочегарами, банщиками, техниками. В старательские бригады не пускали. А там можно было хорошо заработать.

Только в войну, когда ушло на фронт основное мужское население поселка, Гавриловы начали работать на гидравлике. Все фединские жители войну пе-

режили на картошке. Осенью снимали по 450 ведер картофеля. Держали коров, коз, кур. Каждый год расширяли свои огороды, засаживая их картофелем, иначе просто не выжили бы. Исовчане иногда шутили: «Вас пора снова раскулачивать».

Когда ссылали Гавриловых, у них было четверо детей. По дороге сына Владимира отдали в детский дом. Еще об одном брате Николай Иванович так ничего и не знает. Доехал он и сестра Галина из всех детей Гавриловых в тот 1931 год.

В поселке Федино Николай окончил 7 классов. Шла война. Всех подростков, мальчишек и девчонок, заставили учиться в ФЗО. Николай учился на столяра. Обучение в ФЗО в военное время было полувоенным: строем шли подростки в столовую, строем в мастерские. Все строилось на жесточайшей дисциплине.

В феврале 1944 года Николаю не было 18 лет, но его призвали в Красную Армию. Сначала была танковая школа, а потом – 4-й Украинский фронт 169-й Перекопский отдельный гвардейский танковый батальон.

На фотографии военных лет – Николай Иванович и его товарищи-танкисты. Внимательно вглядываюсь в их лица. Дети, такие, как сегодняшние старшеклас-

Фронтовики.
1-й справа - Н.И.Гаврилов

ники, которые спасли нашу страну и мир от фашистской чумы. Освобождал их батальон Украину, Румынию. 9 мая 1945 года рядовой Гаврилов встретил в Румынии. В 1946 году он был демобилизован по состоянию здоровья, из-за контузии.

Началась послевоенная жизнь. До войны детям раскулаченных не разрешали поступать в техникумы, а тем более в вузы.

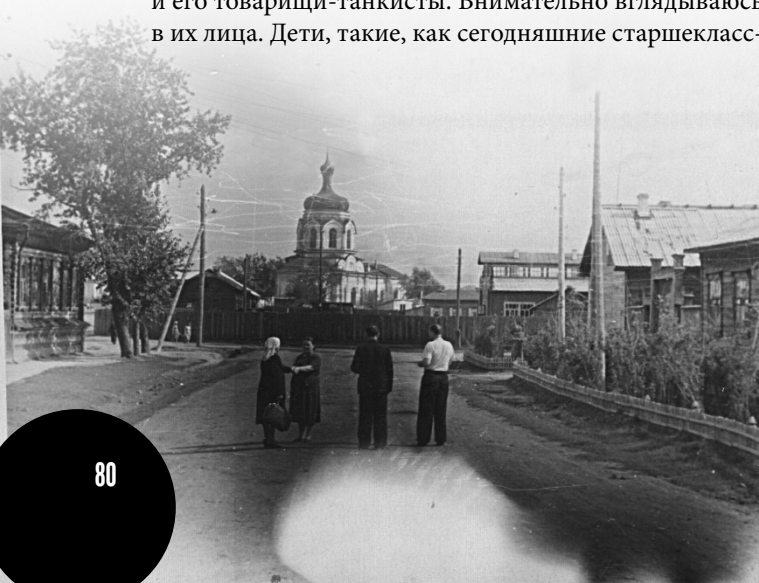
Фронтвик Гаврилов поступил в Исовский геологоразведочный техникум и после его окончания работал в геологоразведке. В посёлке Ис познакомился с будущей женой, которая работала продавцом в магазине «Золотопродснаб». С Людмилой Васильевной прожито уже 60 лет. Вырастили и воспитали 3 дочерей и сына,

достойных людей. У Гавриловых десять внуков и двое правнуков.

В Качканар они приехали в 1960 году. Николай Иванович отработал 30 лет в КИПе ГОКа. Он – участник Великой Отечественной войны, ветеран труда и ГОКа, имеет правительственные награды. Несмотря на свой почтенный возраст, Николай Иванович очень бодр, подвижен, жизнерадостен. Ежедневно зимой он ходит на лыжах, а летом работает на садовом участке.

Несколько лет назад супруги Гавриловы купили небольшой дом в одном из разрушаемых временем поселков и теперь проводят там весь весенне-летне-осенний сезон. И поселок, оказывается, ожил. Появились магазины. Не только дачники, но и «крутые» предприниматели стали возводить здесь себе коттеджи и особняки. Чистый воздух, вода, тишина вдали от шумных городов, великолепная природа... Оказывается, что для счастья не так уж много и надо.

Деревня Духовая Пышминского района

Моя жизнь

Рассказ Галышевой Анны Алексеевны

Мой отец, Кравцов Алексей Степанович родился 30 марта 1888 года (умер 6 мая 1969) в станице Гиагинской Краснодарского края, в семье кубанского казака. Отец был трижды женат. Моя мать была третьей женой. От второго брака у отца было 6 детей, но выжили только трое.

Моя мама, Дорошенко Марфа Васильевна, родилась в 1898 году (умерла в 1985 году), в казачьей семье в станице Гиагинской. Отец – казак в офицерском чине, по профессии – ветеринар, был дважды женат. От второй жены – 8 детей, в том числе моя мама. Она очень рано вышла замуж за казака Попова, от которого у нее родился сын Александр. Попова забрали в армию. В 1918 году он погиб. В семье Поповых, вдовой с сыном, мама прожила 7 лет.

В 1924 году вдовец, Алексей Степанович Кравцов и вдова, Марфа Васильевна Попова (Дорошенко), поженились. 29 ноября 1925 года у них родилась я, Анна, в станице Гиагинской. 15 августа 1927 года родилась сестра Нина (умерла в 2009 году).

Отец по призыву служил в казачьих войсках, был в конвое царицы Александры Федоровны (Романовой), сопровождал ее, в том числе и за границей. За верную службу неоднократно награждался, в том числе и золотыми червонцами. Он имел младший казачий офицерский чин. Участвовал в 1-й мировой войне в казачьих войсках на территории России, Бессарабии и Румынии. В гражданскую войну служил и у белых, и у красных (как описано М.Шолоховым в романе «Тихий Дон»).

После войны отец жил в станице Гиагинской с семьей у своего отца, вместе с братьями (их было трое). Затем дед с сыновьями построили каждому по дому. После они разделились, каждый имел свое хозяйство.

У отца после женитьбы на моей маме в хозяйстве были земля, скотина, лошади, овцы, куры, гуси. Работали от зари дотемна всей семьей. Наемных работни-

ков не было. Большие и трудные работы выполняли с помощью родственников. В нашей семье до 1930 года были отец, мать, 5 дочерей и один сын. Возраст детей – от 16 до 3 лет.

Зимой 1930 года к нам пришла комиссия, которая занималась раскулачиванием. Отца арестовали и посадили в тюрьму. При обыске искали золото, которое отец получил во время службы.

Потом всю семью, кроме отца, посадили на подводы. С собой разрешили взять совсем немного продуктов и одежды и повезли на железнодорожную станцию, где стояло много вагонов, в которые нас погрузили. Здесь были раскулаченные семьи с Дона, реки Терек, других мест. Повезли на Урал, город Чердынь, Молотовской области, ныне Пермский край. Везли очень долго. Люди в вагонах умирали, их тела выгружали на остановках и хоронили, приносили в ведрах воду и везли дальше. В вагонах, в основном, были только дети, женщины и старики.

Привезли нас в город Чердынь, на север Пермской области. Всех женщин с детьми расселили по домам. Наша семья, мама и 5 детей жили вместе. Всем семьям

А.А. Галышева с внуком

Супруги Галышевы

Семья Галышевых

давали нормированный продовольственный паек. Помню, что давали красную рыбу (кету или горбушу). Было очень голодно.

Весной приехали мужчины, в том числе и мой отец. Стали жить вместе до ледохода на реке Колва, которая была судоходной. Какая-то женщина с Кубани приехала и стала предлагать семьям отправить детей, кто пожелает, на Кубань, если есть, к кому ехать. Из нашей семьи уехали сестра и брат к бабушке, маминой матери.

После открытия навигации на реке Колва нас из Чердыни погрузили на баржи и повезли на север области, в Ныробский район, деревню Петрецово. Семью высадили и разместили по деревенским избам, а мужчин, в том числе нашего отца, и старшую сестру Марию, 17 лет, повезли дальше на север, за поселок Тулпан, строить поселок Шанежный.

В течение двух лет с нуля был построен этот поселок, для ссыльных, с кирпичным заводом, больницей, детским садом, конюшней, коровником, домами для переселенцев. Построили школу, провели электричество. Наша семья переехала к отцу, и мы стали жить в доме на одной половине.

В поселке Шанежный я пошла в школу, окончила 4 класса (школа была начальной), с 5 класса я училась в поселке Богатырево, где была школа семилетка. Это

было в 120 километрах от поселка Шанежный. Мы жили в интернате, домой к родителям приезжали только на каникулах и добирались пешком по трое суток, так как транспорта не было. В этой школе-интернате учились дети ссыльных со всей округи.

Я окончила 7 классов. 21 июня 1941 года был выпускной вечер, приехали вербовщики и предлагали учиться в педагогическом или медицинском училищах в городе Березники и Соликамске. Я записалась в медицинское

училище, наши заявления собрали и сказали, чтобы мы ждали вызова на учебу. А утром, 22 июня 1941 года началась война. Я добралась к родителям в поселок Шанежный, мама не разрешила мне идти учиться, потому что после учебы могли отправить на фронт и я могла погибнуть.

Почти всю войну наша семья прожила в посёлке Шанежный. Все работали в колхозе, на сельхозработках. Отца забрали в трудовую армию в город Котлас. По болезни он домой вернулся в 1944 году.

В это же время в нашем поселке была расформирована спецкомендатура. Нашу семью отправили в посёлок Богатырево. Началось строительство в поселке Чулы завода по переработке древесины (в основном, березы), из которой делали приклады к автоматам АК и шпульки для текстильной промышленности. Меня направили на этот завод. А так как я была грамотной, то направили учиться в город Молотов на машиниста локомотива. Проучилась я 6 месяцев, получила удостоверение и вернулась на завод в посёлок Чулы. Там же произошла встреча с будущим мужем, Галышевым Евгением Ивановичем, который после войны был демобилизован и направлен на завод секретарем партийной организации. В 1947 году мы поженились. В 1948 у нас родился первый сын Евгений.

Мои родители с детьми проживали до 1948 года в поселке Богатырево. После реабилитации им решили вернуться в родные края. Они уехали на Кубань, в станицу Гиагинскую, откуда были высланы.

В 1950 году у меня родился второй сын Вячеслав. Мужа перевели на другую работу по специальности. До войны Евгений Иванович учился в Исовском техникуме, откуда ушел добровольцем на фронт в 1941 году. До 1957 года муж работал в геологоразведке Пермской области. Мы сменили 11 мест проживания, последнее место – город Лысьва, откуда мы в июне 1957 приехали жить и строить город Качканар, где проживаю до настоящего времени.

Евгений Иванович Гальшев работал в тресте «Качканаррудстрой» и «Уралвзрывпроме», умер в октябре 1996 года. Анна Алексеевна трудилась в ГОКе, в взрывном цехе Главного карьера.

Гальшевы – достойные люди, трудолюбивые, честные, порядочные. У них три сына, Евгений, Вячеслав и Николай. Все они имеют специальное образование. Евгений и Николай окончили Горный институт, Вячеслав – Исовский геологоразведочный техникум.

Внуков – шесть. Подрастает и младшее поколение Гальшевых – шесть правнуков радуют жизнь Анны Алексеевны. Жизнь, которая удалась, несмотря ни на какие трудности.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Ворошилова Зоя Арсентьевна

Ее родители, Янеев Арсентий Яндалович (1909 г.р.) и Анастасия Тимофеевна (1911 г.р) до раскулачивания проживали в деревне Мамайкино Шиншинского сельского совета Марийской автономной республики. В колхоз не вступили. Жили собственным хозяйством, в котором имели лошадь, корову, земельный участок, дом.

26 июля 1931 года семью Янеевых, в том числе деда, бабушку и других родственников, сослали в рабочий поселок Усолье (ныне город Березники) Пермской области. В Усолье Анастасию Тимофеевну принудили работать на торфоразработках с китайцами. Арсентий Яндалович трудился на лесозаготовках. Жили в землянках, терпя обиды и горе, не раз проливали слезы, вспоминая родные места. Особенно трудно было Анастасии Тимофеевне, совсем молоденькой женщине. Однажды она сбежала, так как очень хотела домой. Разумеется, ее поймали и посадили в тюрьму за побег.

Потом Янеевых перевели в поселок Карналитово (ныне Соликамск). Здесь строился крупный химзавод. На его строительстве работал Арсентий Яндалович, а после он – формовщик-литейщик. Отсюда вышел на пенсию.

В Карналитове жили в бараке, сколоченном из досок. В каждом бараке – 24 комнаты, а в комнате по 5-7 человек. Спецпереселенцы были люди разных национальностей. Но больше всего было украинцев, белорусов, марийцев и чувашей. В каждом бараке назначался старший, который следил за порядком. Полы в коридоре «драили» добела, не было ссор, ругани, драк, распрей. За всем происходящим неукоснительно следило зоркое око комендатуры. Ели гнилую картошку, которую собирали весной, лебеду, крапиву, травы. После уборки картофеля на полях, снова перекапывали поле и убирали оставшийся картофель. Очень тяжелое и голодное было военное время. Так жили до 1947 года, отмечаясь в спецкомендатуре, совершенно бесправные, забитые, обиженные люди.

Когда разрешили выезд, Арсентий Яндалович смастерил себе чмодан и съездил на малую Родину. А когда увидел, что там делается и как живет послевоенная деревня Мамайкино, то решил, что живется его семье в Соликамске намного лучше, чем колхозникам.

Два сына и дочь Янеевых связали свою жизнь с Уралом. Дочь Зоя (1939 г.р.) после окончания средней школы в Соликамске работала на ТЭЦ-11. С 1961-64 годы училась в Красноуральском индустриальном техникуме. После его окончания по направлению приехала работать в Качканарский ГОК. Заочно окончила Свердловский горный институт и 40 лет работала в ГОКе. Трудилась начальником подстанции в цехе сетей, начальником диспетчерского участка.

Ветеран труда. Ветеран ГОКа. Замужем, мать и бабушка. Муж, Ворошилов Валерий Николаевич, трудился водителем автобуса. Зоя Арсентьевна считает, что ее жизнь сложилась удачно.

Глазунова Валентина Ивановна

В одной из деревень Пеновского района Калининской области проживала до 1930 года семья Хатькова Павлова. Они жили в деревянном доме с 6 детьми. В хозяйстве была корова. Жена Павла до революции у барыни доила коров. Семья жила бедно. Когда создавались колхозы и началось раскулачивание, Павлу предложили войти в комиссию по раскулачиванию, но он отказался. Ночью его арестовали и увезли. С тех пор его никто не видел и ничего о нем не знал. В 1995 году внуки Хатькова Павла интересовались судьбой деда, но никаких сведений кроме того, что Павла довели до Москвы, нет. Здесь теряется его след.

В 1930 году жену с шестью детьми выслали на Урал. Сначала была Бушуевка Исовского района, жизнь в казармах и работа в леспрохозе.

Дочь Хатьковых, Ольга (1912 г. р.) вышла замуж в 1932 году за Глазунова Ивана Ивановича. Семья жила в поселке Покровском. В 1940 году Иван Иванович, работавший на драге в поселке Валериановском, на работе погиб.

Его вдова, Ольга Павловна, осталась с пятью детьми на руках. О жизни русских вдов написано много книг. Но никогда никому не передать той боли, страданий, выплаканных слез, что перенесли эти женщины.

Разработали у дома участок, посадили картошку. Дети с малолетства – на покосе, возили на телегах и саях дрова и сено. В школу пос. Валериановского ходили пешком за 6 километров. Ольга Павловна в поселке Ис ходила отмечаться в комендатуру пешком 40 километров. Зимы были суровые. В военные годы в округе везде было много волков. Валентина Ивановна, одна из дочерей, вспоминает сейчас, как они, маленькие дети, сидели на печи и дрожа от страха, ждали возвращения матери.

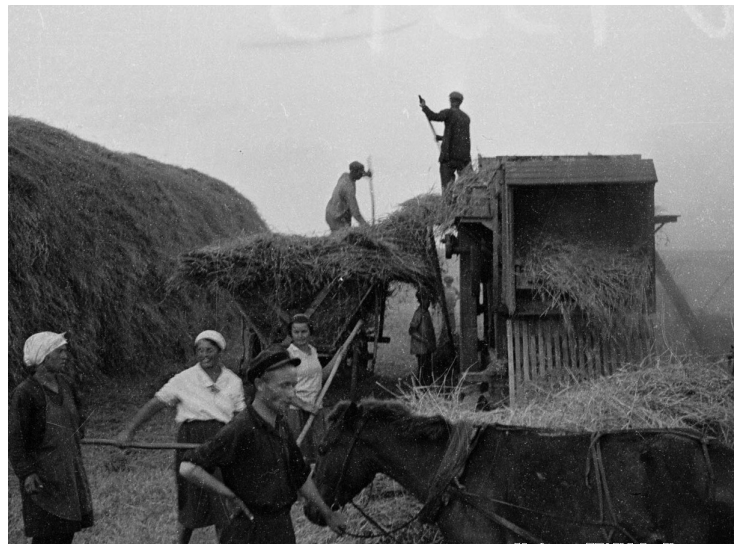
Ольга Павловна прожила долгую жизнь – 85 лет. Когда умерла младшая дочь, то двоих ее детей воспи-

тывала Ольга Павловна как своих, а после и внуков поднимала.

Из всей огромной семьи Хатьковых, когда-то посланной, осталась Лужбина Анна Павловна (1923 г.р.). В поселке Валериановском живут Глазуновы, Валентина Ивановна (1936 г. р.) и Анатолий Иванович (1934 г.р.).

Валентина Ивановна после окончания 7 класса окончила медицинские курсы в г. Н. Тура и 43 года работала в детских яслях и в детском саду воспитателем. Она ветеран труда. Дочь умерла, есть внук и правнучка.

Валентина Ивановна рассказала мне о той жизни, которая была в те детские годы, выпавшие на войну. Детства не было. Никаких конфет, сладостей, баловства... Но при этом жили все дружно. Запахнет щами у соседей, все хватают свои ложки и бегут к ним. И всем находилось место за столом, хотя своих едоков было предостаточно. Семьи в те годы были большими, а люди – добрее, лучше, порядочнее.

Спецпереселенцы из Мордовии

Хоть не любит Громова Валентина Анатольевна вспоминать о прожитых годах, но все таки поделилась со мной воспоминаниями о тех далеких годах.

Чумаковы жили в с. Наченалы Чамзинского района Мордовской АССР. Дед Валентины Анатольевны, Чумаков Яков Степанович, имел ветряную мельницу, дом, сад, домашний скот и сельхозинвентарь. Валентина Анатольевна помнит, как она, маленькая девочка, собирала упавшие яблоки в подол своего платьяца. В 1931 году Чумаковы были раскулачены, а хозяйство конфисковано. Сами по воле судьбы оказались далеко на Севере, в Мончегорске Карельской АССР. Поселились в длинном, как тюрьма, бараке. Отец, Анатолий Яковлевич, стал работать на железной дороге диспетчером, а мать, Зоя Семеновна, стрелочницей. Из Мордовии в Мончегорск привезли одну дочь Валью (1926 г.р.), здесь родилось два сына: Виктор – в 1933 году, Евгений – в 1940-м. Жили как все спецпереселенцы в те годы. Отметки в спецкомендатуре, невозможность отъезда или переезда в другое место.

В 1941 году, после начала Великой Отечественной войны, Чумаковы были эвакуированы на Урал, в город Красноуральск. Анатолия Яковлевича мобилизовали на фронт, в железнодорожные войска в 1942 году. В 1943 году в семью пришла похоронка. Анатолий Яковлевич был ранен и от ран скончался в госпитале на станции Гуково Ростовской области, где и был похоронен.

А.Я. Чумаков

В.А. Громова

Во время войны семья Чумаковых жила на станции Медь возле Красноуральска. У Зои Семеновны было трое несовершеннолетних детей. Она работала на железной дороге стрелочницей и выполняла разные подсобные работы, чтобы прокормить детей. Валентина Анатольевна вспоминает военный жидкий суп, чуть-чуть забеленный мукой. И котлеты из гнилой картошки, испеченные на плите, на которую наливали солидол. Валентина Анатольевна окончила 7 классов в Красноуральске и устроилась на работу в контору. Отсюда ее направили учиться в ФЗО в город Кушва. Шесть месяцев учебы – и она токарь Кушвинского металлургического комбината, на котором трудилась до самого конца войны.

Жизнь и после войны мало отличалась от военной. Те же хлебные карточки, в которых была вся жизнь. Суп в столовой, в котором крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой. На второе – котлета, размером с пуговицу на пальто, и ложка какой-то каши, вроде слипшегося комка. Вот так жили и выстояли. Да еще и эти отметки в комендатуре, в которую надоело ходить. Жизнь без паспорта. В свидетельстве о рождении Валентины Анатольевны одни отметки о месте жительства.

29 мая 1945 года ее отпустили с завода в Кушве, и теперь начался другой период в жизни. Зоя Семеновна после гибели мужа, чтобы прокормить детей, сошлась с мужчиной и родила от него двух дочерей, Тамару в 1946 году и Нину в 1950 году. В 1956 году мать умерла,

остались две малолетние сестры сиротами без призора. Валентина Анатольевна, сама с ребенком на руках, забирает к себе сестер. И так в течение 10 лет растит и воспитывает одна свою дочь и двух сестер.

В Красноуральске она сначала устраивается на работу в ОВД инспектором, а потом – на Красноуральский медеплавильный завод. Вышла замуж за Громова Федора Гавриловича, участника Великой Отечественной войны, инвалида I группы. С ним работала в Краснотурьинске на хлебозаводе.

В Качканар Валентина Анатольевна приехала к дочери, Алевтине Петровне, которая вместе с мужем живет давно в городе. Сейчас уже и дочь на пенсии. У Валентины Анатольевны есть внучка и правнучка, которая учится в университете. Нет в живых брата Евгения. Тамара живет в Пензе, а Нина – а Красноуральске. Брат Виктор Анатольевич даже вспоминать не хочет о репрессиях, которые пережила их семья. Но прошлое, как ни старайся, не перечеркнуть и не выбросить из памяти.

Две вечные подруги – любовь да разлука

В тот вечер Марина Юдина, или Минка, как звали ее в деревне, долго не ложилась спать. Переделав все домашние дела и уложив спать младших братьев и сестру, Марина уже в который раз в тот день вспоминала Егора Юдина (своего однофамильца), который несколько раз проводил ее домой с деревенских посиделок. Очень уж хороший парень, работающий, и семья у Юдиных добрая. Раздумья прервал осторожный стук в окно. Марина бросилась к окну. Прислонив лицо к стеклу, в лунном свете увидела улыбающееся лицо Егора. Накинув шаль, осторожно, чтобы не разбудить домашних, вышла во двор навстречу суженому...

Юдины. 1933 г.

На другое утро мачеха, выглянув в окно, говорит:

— Пелагея Яковлевна нарядная такая куда-то пошла. Уж не свататься ли к нам? Но Егорки-то дома нет.

И, посмотрев на румянец, разлившийся по лицу девушки, сразу все поняла... Возвращался Юдин Егор на лесоучасток под Красноуральском не один, а с юной женой. Ему было 19 лет, а ей – 17.

Юдины жили в деревне Юдино Алапаевского района Свердловской области. В деревне, в какую собаку не бросишь камень, обязательно окажется с юдинского двора.

Максим Петрович Юдин, церковный староста, и Пелагея Яковлевна имели несколько лошадей, конную

молотилку, кирпичный амбар, коров, мелкий домашний скот, хороший дом. Егор был младшим сыном. А вообще у Юдиных было 3 сына и 2 дочери. Старшие сыновья были женаты, замуж вышли и дочери.

В 1928 году Егора Юдина как сына кулака выслали на север области. Выслано было много мужчин не только из их деревни, но из всех близлежащих деревень. Сперва привезли сосланных под Ивдель. Не было ни работы, ни жилья. Мужики решили бежать отсюда. Узнали о строящемся Красноуральском медеплавильном заводе и подались туда. Где по узкоколейке, где пешком, добрались до лесоучастка Межень. Здесь остановились. На работу были приняты, так как требовались рабочие. В те годы еще не так строго относились к подобным выходкам. Это уже после убийства С. М. Кирова в 1934 году повсюду стали «закручивать гайки».

Мужчины работали на лесоучастке лесорубами и углегогами. Один раз обратились к Егору как к самому младшему, чтобы он добрался до родной деревни и рассказал обо всех новостях. Вот таким образом появился Егор в деревне. Обошел все семьи, поговорил, а напоследок добрался до невесты. Также другие женщины из деревни с ними поехали к мужьям на лесоучасток.

Поначалу жили в большой комнате. 5 семей спали на полу. После дали отдельную комнату в бараке. В 1939 году Егор построил дом.

В 1930 году родился первый ребенок, потом второй через год, но оба умерли. В 1935 году родилась дочь Антонина, а последний сын – в августе 1941 года. Из шести рожденных Юдиными детьми выжили только трое.

Егор трудился в леспромхозе лесорубом, был стахановцем. В 1939 году ездил на слет стахановцев в город Ирбит. Марина вела домашнее хозяйство, понемногу шила одежду. На предложение поработать в конторе техничкой дала согласие. Контора находилась рядом с баракком. Не сказав мужу ни слова, отработала весь день. А вечером Егор спросил у нее, где она была. Пришлось признаться. На что Егор ответил: «На ра-

Студентки медучилища

боту больше не пойдешь. Меня все мужики просмеют, что жену прокормить не могу, а посылаю работать».

В начале Великой Отечественной войны Юдин Егор Максимович был снят со спецучета и ждал повестки в военкомат. Сначала была бронь, а после три раза были повестки. Все три раза его провожала Марина. И все три раза его возвращали домой по состоянию здоровья.

В феврале 1942 года была опять повестка. Егор уговорил жену не провожать его. Дескать, опять вернут. Марине на утро сообщили, что Егора отправляют на фронт. Добралась до Верхней Туры, а оттуда до Кушвы. На Кушвинском пруду догнала бегом новобранцев, уходящих на войну. Узнала в строю мужа, крикнула: «Егор!» Он услышал такой знакомый и родной голос и повернулся. И таким навсегда остался в памяти Марины.

1 августа 1944 года Юдин Егор Максимович в возрасте 34 лет погиб, освобождая Литву на Первом Белорусском фронте. Его письма сохранились, сейчас они у сестры Валентины. Егор был малограмотный, писал о том, что жив и здоров и всем передавал привет.

32-летняя вдова Марина Васильевна осталась с тремя малолетними детьми.

В шесть лет Тоня пошла учиться в школу. Училась хорошо, но в пионеры ее сначала не хотели принимать из-за дедушки, церковного старосты. Потом приняли. Она окончила 7 классов и поступила в Нижнетагильскую фельдшерско-акушерскую школу в 1949 году и в 1953 году ее окончила. На работу была направлена в больницу поселка Кабан Кушвинского района (кстати, это родина бывшего премьера Виктора Зубкова). Этот рабочий поселок находился между Нижней Турой и станцией Азиатская. Сейчас его нет, а в те годы там были карьер, шахта.

В поселке Антонина вышла замуж за Гурьянова Алексея Васильевича, родила троих детей. Умер муж, оба сына погибли, осталась дочь, есть семь внуков и трое правнуков.

В 1962 году, когда в посёлке Кабан сворачивались все работы и поселок умирал, Гурьяновы приехали в Качканар. Антонина Егоровна работала в роддоме акушеркой и в женской консультации, педиатром, в кабинете инфекционных заболеваний. В 1990 году вышла Антонина Егоровна на пенсию. Она – ветеран труда, имеет поощрения, грамоты за добросовестный труд.

Антонина Егоровна живет в квартире с дочерью, внучкой и правнучкой – 4 поколения русских женщин – в одном из домов нашего города.

У горы Магнитной

Под дождями сгнил барак дощатый
И погасли буйные костры.
Но Россия помнит год тридцатый
И набатный гул Магнит – горы.

В. Машковцев

1 февраля 1930 года вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Многие семьи, считавшиеся кулацкими, оказались на великих стройках необъятной Отчизны. Поезда со столыпинскими вагонами везли будущих строителей знаменитых городов и заводов – гигантов. Оторванные от земли, от обычного уклада сельской жизни, они кирками, лопатами, ломами и тачками построили такие города как Комсо-

вольск – на – Амуре, Новокузнецк, Магнитогорск. Их руками возведены Уралмаш и ДнепроГЭС, Беломор – канал и Магнитка. Без их рук, привыкших к труду, не поднялись бы стены ни одного крупного или маленького предприятия СССР.

В 1929 году из села Караваево в Татарской АССР была выслена семья Корытова Василия Андреевича (1901 г.р.) Село Караваево находилось рядом с Казанью. На трамвае можно было доехать из села в центр города.

У Корытовых в хозяйстве было две лошади, две коровы, мелкий домашний скот. Еще до высылки за неподчинение советской власти у них конфисковали добротный огромный дом. При высылке все имущество перешло непосредственно в колхоз.

Семья Корытовых, а это: дед Андрей, бабушка Степанида и молодая супружеская пара – Василий и

Евдокия – оказались на гигантской стройке у подножия горы Магнитной. Ни города, ни комбината ещё не было. Их надо было построить. Спецпереселенцев поселили поначалу в землянках, в которых они жили продолжительное время. По нашей любимой пословице «Нет ничего более постоянного, чем временное» ютились семьи с малыми детьми и стариками там, где придется. Позднее переселились в деревянные бараки. В каждом из них по 16 семей. Комнаты в 12 квадратных метров, удобств никаких.

Известный уральский поэт Борис Ручьев в 1932 году тоже был строителем Магнитогорска и написал такие строки:

Мы жили в палатке
С зеленым оконцем,
Промытой дождями,
Просушенной солнцем,
Да жгли у дверей
Золотые костры
На рыжих камнях
Магнитной горы.

Так и представляешь себе: после тяжелой работы у палаток горят костры. Здесь сушат одежду и обувь рабочие. Кто-то затянул песню, где-то раздается смех, а кто-то тяжело вздохнул, вспомнив родные места и своих близких.

Корытовы трудились в рудоуправлении строителями. В 30-е годы 20 века город Магнитогорск и комбинат были построены силами раскулаченных и комсомольцев. Этот город расположен на реке Урал. Через реку были возведены мосты, в городе построено много предприятий. Главный – это Магнитогорский металлургический комбинат. В годы Великой Отечественной войны из магнитогорского металла выпускался каждый второй танк и третий снаряд в СССР. Магнитогорцы гордятся таким вкладом в дело победы над врагом в годы войны. В Магнитогорске трудились в трудармии советские немцы.

У Корытовых в Магнитогорске родились 4 дочери. В 1947 году Корытов Василий Андреевич погиб на производстве от угарного газа. Евдокия Николаевна осталась с тремя несовершеннолетними дочерьми (старшая дочь умерла раньше). Она работала в то время на железной дороге рабочей, после перешла няней в детский сад. Семье жилось очень трудно. Ели крапиву и лебеду. Мясо покупали раз в год к Пасхе – большому празднику. Стало легче, когда дочери устроились на работу.

Галина (1937 г.р.), средняя из дочерей, после окончания средней и торговой школы начала свою трудовую деятельность в одном из гастрономов в Магнитогорске несовершеннолетней девушкой. Позднее она окончила Московский заочный институт советской торговли. В Магнитогорске Галина Васильевна вышла замуж за Дегодю Владимира Яковлевича, стала матерью. Сейчас у них сын, дочь и внук.

В 1968 году семья Дегодя переехала жить в Качканар. Галина Васильевна работала в ОРСе инспектором торгового отдела, Владимир Яковлевич – в ГОКе. Сейчас супруги на заслуженном отдыхе. Оба ветераны труда, имеют Почетные грамоты и благодарности.

Давно ушли из жизни дед с бабушкой, отец и мать. Галине Васильевне до сих пор не удалось выяснить, где и когда похоронены дед и бабушка.

Город разрастался, сносили старые кладбища, в архивах уцелели не все документы.

Немало хватили лиха первые строители. Хлебали голод и холод. Без паспортов, без права на выезд, состоящие на спецучете, без обид и злобы построили знаменитый город у Магнитной горы. Красавец город трудится, растет, любит и страдает и, как в песне поется:

Совет гора Магнитная,
Душой в Магнитогорске я,
Зовут меня уральские
Суровые края.

И. Тарабукин, 1956 г.

Истории из давно прошедшего времени

В немецком языке есть форма глагола для выражения давно прошедшего времени – плюсквамперфект. Истории, которые рассказала мне Ермолаева Александра Александровна (1940 г.р.) относятся к давно прошедшим временам. Одна из них – к середине 19 века, когда в России было крепостное право.

Прапрабабушка Александры Александровны по материнской линии, невестка Прокопьевых, была крепостной крестьянкой, как и вся семья. Она была женщиной высокого роста, с сильными руками, трудолюбивая, выносливая, крепкая. Работая на барском поле, всегда лучше и быстрее всех управлялась с работой. Быстрыми, сильными движениями жала рожь, связывала снопы, и, напевая песню, скорехонько шла вперед. Это не нравилось всем тем крестьянкам, которые с ней работали. Что только не делали: и ставили позади всех, и участок давали потрудней, но ничего у них не выходило. Прокопьева была, как всегда, впереди. Однажды, когда не было присмотра, забили невестку Прокопьевых камнями и палками. Били до тех пор, пока не скончалась.

Барин пожалел Прокопьевых, потерявших такую хозяйку, и даровал им вольную, участок земли, на котором велел построить дом.

Дед Александры Александровны, Прокопьев Павел Прокопьевич, до революции с молодой женой Настей поехал в Петербург искать счастье. Стал питерским рабочим, познакомился с революционерами. Как сложилась бы жизнь молодой пары, неизвестно. Но события, которые происходили тогда в мире и стране, перевернули их жизнь. В 1914 году началась 1 мировая война. В Питере – голод, холод, революционные выступления, да еще отец прислал письмо, в котором умолял сына и невестку возвратиться в деревню. С хозяйством трудно управляться, да и чего терпеть голод и холод. Молодые Прокопьевы вернулись в свою родную деревню Пальцево Псковской губернии, но

не одни. Своих детей у них пока не было, а привезли 4 летнюю девочку Веру. Сказывали, что мать Веры где-то на гастролях, то ли балерина, то ли танцовщица. Документов на удочерение девочки никаких в то время не оформляли, да и никто ее потом не искал. Уже в 90-ые годы 20 века, когда началась реабилитация, оказалось, что Вера Павловна даже не числилась в списках сосланных.

Во многих семьях есть свои легенды, какие-то истории, которые передаются из поколения в поколение. Кто знает, где тут правда, а где выдумка. Есть такая легенда и у Прокопьевых. Одна из них: в 1917 году, вернувшись из эмиграции, в их доме, от Временного правительства скрывался В.И. Ленин, и многие революционеры находили у них приют. Мать Александры Александровны, Вера Павловна (1910 г.р.), в то время была семилетней девочкой. Она рассказывала, что возвращался Владимир Ильич поздно, долго работал по ночам, все что-то писал, им, детям, дарил красивые книжки, привезенные из-за границы. Конечно, ни дети, ни жители деревни не знали, кто проживал в доме Прокопьевых.

Жили Прокопьевы не бедно: была своя земля, дом, хозяйство. Когда стали создавать в деревне коллективное хозяйство, увел Павел Прокопьевич всех животных со двора на колхозный двор. Себе оставил одного теленка и ласкового, необычайно красивого и резвого жеребенка. В деревне жил-бедствовал один крестьянин, у которого по недосмотру сдохла корова, лошадь и была целая орава голодных детей с ледащей женой. Выбрали этого мужика председателем колхоза. Павел Прокопьевич не раз и не два кормил эту семью. Когда в 1931 году началось раскулачивание, то председатель пропил Прокопьевых за бутылку самогона. Из деревни надо было выслать кулаков. Председателя колхоза напоил один из кулаков и предложил выслать Прокопьевых. Дескать, дом у них на две половины, в одной будет тебе контора, а в другой сам с семьей будешь жить.

В 1931 году всю большую семью Прокопьевых сослали из деревни Пальцево Псковской области в поселок Боровское Свердловской области. Привезли, в лесу бросили, живите, как получится. В тюрьме хоть что-то дают, хоть те же матрасы. А здесь – ничего. Кто догадливый был – взял с собой инструменты.

Общий барак был построен, сложена из камней и глины печь, на которой по очереди готовили. Кору с деревьев снимали и ели. Ни магазина, ни больницы, до ближайшего поселка Косьи – 7 км.

Дед Прокопьев страдал, мучаясь от гипертонии. По разрешению коменданта он прошел 7 километров до больницы в Косье. Там ему сделали укол и отправили домой пешком. Он шел тяжело больной, хватаясь за ветки деревьев и, не дойдя до общего барака метров 50, упал и скончался.

Все сосланные сначала трудились на строительстве и лесозаготовках. Потом в шахте добывали стране золото и платину.

Отец Александры Александровны, Ермолаев Александр Семенович (1909 г.р.) был родом из деревни Троицкой Псковской губернии. У Ермолаевых была сапожная и пошивочная мастерская. Александр Семенович умел шить исключительно все. В 1931 году Ермолаевы были раскулачены и сосланы в посёлок Боровское. Александр Семенович никогда не решался рассказать о своем прошлом. На все вопросы детей, махнет рукой, вытрет выступившие на глаза слезы и уйдет от ответа.

Молодые девчонки из раскулаченных стали выходить замуж за местных парней из Косьи, Кучума. Парни – все из старателей. Пьющие, драчуны и хулиганы, вели разгульную жизнь. Ни одна добрая местная девка, зная их нравы, ни за что не хотела выходить замуж за старателя. А сосланные шли в эти семьи. Через некоторое время битые, обруганные, обозванные, с синяками после мужниной «любви», бежали к родителям в барак. А те возвращали своих несчастных дочерей к мужьям, боясь, что их еще больше накажут.

Приемная дочь Прокопьевых Вера и Ермолаев Александр поженились в 1932 году. В общем бараке

их нары были рядом, и родители обеих семей стоворились, чтобы поженить детей. И не ошиблись. Прожили они всю жизнь вместе, перенося все беды и невзгоды, родили и воспитали пятерых детей.

Особенно трудно жилось в военные годы. Привезли ссыльных немцев в поселок. С одной девочкой из немецкой семьи подружилась Ермолаева Шура. Девочку звали Гильда. Девчонок обижали, дразнили, били. Дошло до того, что решили девочки бежать в лес, построить дом и жить самостоятельно. Стали собирать все необходимое, как они считали в свои 10 лет, и складывать в поленницу. Сушили сухари, собирали нитки, иголки, гвозди, у отца взяли топор и молоток. Разговор девочек о побеге подслушали младшие братья Шуры (это всегда бывает, что младшие следят за старшими), и рассказали отцу: «А знаешь, папа, что наша Шурка с Гильдой учудили? Они хотят дом в лесу построить, все собирают и складывают в поленницу». Все инструменты отца были найдены, возвращены на место. Хотя не вышло из девчонок Робинзонов Крузо, но стали они хорошими людьми.

В далеком 1960 году Александра Александровна пришла пешком в Качканар из Боровского и осталась навсегда здесь. Работала на стройке города и комбината, потом – крановщицей. Она – ветеран труда. Гильда, выучившись, работала учительницей.

Давно похоронены на поселковом кладбище супруги Ермолаевы и их родные. Разъехались жители поселка. Лишь некоторые приезжают сюда на лето в свои дома, чтобы поработать в огороде и вырастить свой урожай. Появились те, кто желает здесь, на территории поселка, вести разработки по добыче золота и платины. Вырубили все деревья, сожгли почти все дома, добираются до кладбища. Сколько пережили похороненные тут люди! Неужели и сейчас их костям не будет покоя? Возможно, что спасение будет от проходящего здесь газопровода. Или просто разум возторжествует над алчностью, наглостью и бессовестностью тех, которые считают себя людьми первого сорта.

Магнитогорцы

Жукова Нина Дмитриевна родилась в 1939 году в городе Магнитогорске Челябинской области. Ее родителей, Авдюшина Дмитрия Николаевича (1906 г.р.) и Елену Павловну (1906 г.р.), в 1931 году выслали из Татарской АССР в строящийся город Магнитогорск.

Все Авдюшины, а это 7 детей, жили с отцом и вели одно хозяйство. Имели свой дом, который после их высылки стал сельским советом. В хозяйстве была лошадь, корова и мельница. Наемной силой не пользовались. Со своим хозяйством и работой на мельнице управлялись сами. Детей было много, и каждый был при деле.

Когда привезли в Магнитогорск, то кругом была одна степь и палатки. Первоначально жили в них, а когда построили бараки, то переселились туда. Левобережье реки Урал застраивалось бараками. Здесь строился знаменитый металлургический комбинат и соцгород.

Дмитрий Николаевич сначала строил город и комбинат, на котором после работал. Елена Павловна до 1946 года трудилась на свинарнике.

Авдюшины. 1957 г.

В Магнитогорск Авдюшины сослались с четырьмя маленькими детьми, которые сразу умерли. В Магнитогорске родилось еще 4 детей. Жилось очень бедно. Спали на матрасах, набитых соломой. Ни есть, ни пить, ни спать... Жили постоянно впроголодь.

Только в 1961 году Авдюшины получили двухкомнатную благоустроенную квартиру на правом берегу Урала. А до этого 30 лет жили в бараке, который постоянно расстраивался.

На фронт Дмитрия Николаевича не взяли. Как металлург, он имел бронь. Кто-то ведь должен был работать в тылу, на вредном производстве.

Дочь, Авдюшина Нина, после окончания средней школы работала в отделе связи почтальоном, оператором. В 1959 году вышла замуж за Жукова Ивана Николаевича, который окончил вечернее отделение Магнитогорского металлургического института. В 1970 году с двумя детьми Жуковы приехали жить и работать в наш город. Иван Николаевич трудился в ГОКе, а Нина Дмитриевна – продавецом а магазине.

Жуковы – ветераны труда, имеют награды и благополучности. Выросшие дети подарили им трех внуков.

От девичьих грез и до бабьих слез

Сейчас трудно себе представить, как девочку 9 лет одноклассники не пускают в школу, потому что она из раскулаченной семьи.

У Карсканова Афанасия Ивановича и его жены Дарьи Ивановны, которые проживали в деревне Сопегина Байкаловского района Свердловской области, в хозяйстве было 2-3 лошади, 2 коровы, дом, мелкий домашний скот. Зоя Афанасьевна, будучи маленькой девочкой, запомнила, как в масленицу каталась с другими детьми в кошечке, запряженной отцовскими лошадьми. Семья жила зажиточно. Все в семье работали от зари до ночи, не покладая рук. Берегли все нажитое. У Афанасия Ивановича были лакированные сапоги по последней моде, но он их обувал только по праздникам.

В 1929 году деда, Ивана Афанасьевича, и его сына, Афанасия Ивановича, посадили в тюрьму за недоимки и нежелание вступать в колхоз. Пока мужчины сидели в тюрьме, хозяйство, нажитое нелегким крестьянским трудом, было конфисковано. Дом, скотина, имущество были переведены в колхоз, а все вещи раздали беднякам. Лакированные сапоги, которые берег Афанасий Иванович, обул деревенский мужик и пошел в них гулять по деревне.

Всю семью построили в шеренгу, пересчитали, зачитали решение о их высылке из деревни. Первым местом ссылки был районный центр – село Байкалово на недолгое время. Потом опять вернули Карскановых в деревню Сопегина. Ни дома, ни хозяйства не вернули. Разрешили поселиться в избушке, неотапливаемой, худой, полуразрушенной. Сердобольные соседи взяли к себе в дом прабабушку Карскановых. Вещей никаких, одежды тоже. Когда выслались в Байкалово, с собой ничего не взяли. Бедная Дарья Ивановна старалась, как могла, чтобы дети были здоровы и одеты. А в школу ни Гришу, ни Зою просто не пускали. Пацаны забрасывали камнями, били палками.

Когда вернулись из заключения дед и отец, то семью перевели в деревню Устиновка. Мужчины делали маты для парников, чтобы как-то прокормиться. Потом была деревня Лопаткова, в которой Карскановы немного обжились, купили домик, корову.

В поселке Валериановский, куда Афанасия Ивановича отправили старателем в бригаду мыть золото, семья обосновалась окончательно. Жилье – казармы с нарами. Комнат не было. Позднее купили избушку и так жили до войны. Семья состояла на спецучете.

На фронт Афанасия Ивановича не сразу взяли. Ленинград был в блокаде, враг рвался к Сталинграду. Со спецучета снимали бывших кулаков и отправляли на фронт. В 1942 году Афанасий Иванович и его сын Григорий были призваны в армию и отправлены на Сталинградский фронт. Оба, к великому счастью, остались живы после таких тяжелейших боев. После войны Григорий Афанасьевич служил еще на Дальнем Востоке.

Дочь Карскановых, Зоя (1921 г.р.) до войны училась в школе и окончила 8 классов. Утром раненько вставала и по заснеженной дороге зимой отправлялась в школу поселка Ис. С собой брала кусок хлеба на день.

В войну Зоя Афанасьевна работала продавцом в магазин. Помнит, как резала ножом пайки хлеба по 300, 400, 600 и 1000 граммов. В зависимости от места работы каждый житель поселка получал свой паек.

Мужское население поселка убывало на фронт, а оттуда на многих приходили похоронки. Женихов почти не было. К Зое посватался вдовец с тремя детьми, Калашников Алексей Васильевич. Пришлось идти замуж. Родила еще четверых детей. Из всех 7 детей ныне живы пять. Внуков 17, а правнуков столько, что всех не упомянешь.

26 лет Калашникова Зоя Афанасьевна работала продавцом в магазине поселка Валериановск. Она награждена юбилейными медалями, Почетными Грамотами. Калашникова З.А. – ветеран войны, ветеран труда.

И жизнь, и слезы, и любовь

Сидоров Федот Яковлевич был родом из Тугулыма. У отца его было крестьянское хозяйство. Земли – десятин десять, две лошади, две коровы, телега, соха, борона. Словом, все необходимое, чтобы жить и работать на земле. При советской власти причислили семью Сидоровых к богатеям. В 1930-м году семью раскулачили – забрали все. Федот Яковлевич был выслан со своей семьей (родители, дети) из родного дома в поселке Тугулым Свердловской области.

Ехали на санях, запряженных лошадьми, в сильный мороз. 16 февраля они добрались до Тобольска. Таких раскулаченных там было много. Условий для жизни никаких, питание – что Бог на душу положит. Многие из переселенцев сложили там свои головы. Не лучшая участь ждала и семью Сидоровых.

В 1932 году решили податься в родные места. Добрались. Там жили по чужим углам. В это же время Федот Яковлевич сошелся с полюбившейся девушкой Сидоровой Марусей. Стали жить вместе, но без регистрации. В 1934 году Федота Яковлевича призвали в армию. При проверке документов органы заинтересовались его биографией. За самовольное оставление Тобольских краев «пришили» ему 82-ю – статью – побег. Дали 3 года.

Арестантский вагон довез Федота Яковлевича до Дальнего Востока. Попал он на большую стройку. История строительства БАМа начиналась именно в 30-е годы силами осужденных. В руках – кайло, лопата, тачка. Заедали вши, жили в холодных бараках, обувь, одежду сушить было негде. Федот Яковлевич не курил, поэтому пайку табака обменивал на кусочек хлеба.

Рубили просеки для железнодорожных путей, пробивали тоннели в сопках. Работа до «седьмого пота». Выходные устраивались редко. И их, в общем-то, не считали. Частенько посылали на авралы – на разгрузку

рельсов или камней. На возражения ответ был один: «Не на курорте!», а то и просто грозили: «Не будет зачетов». Эти самые «зачеты» – особая приманка для заключенных: кто хорошо работал, тому срок уменьшался. А каждому так хотелось поскорее отсюда уехать.

Невзгоды. И в этом же ряду Федор Яковлевич называл несносную мошкарку и чувство голода.

«Бывало так, – рассказывал он, – наша бригада выложится, а соседняя с нормой не справится. А баланду – никому». Загнанные, голодные, мечтающие зеки были настолько орежиримнены, что даже не предпринимали никаких действий к самовольному освобождению. Что проще: шагни в тайгу, и ты птаха вольная. Но таких смельчаков были единицы: знали, что если поймают, то пощады не будет.

В 1937 году Федот Яковлевич получил свой долгожданный «зачет»: его освободили досрочно. В этом же году он принят на работу в Лобвинский леспромхоз грузчиком. Заканчивает ликбез, курсы трактористов, переводят помощником тракториста.

Война. Она застала Сидорова Ф.Я. в Лобве. Он работал на лесокомбинате. Гражданский объект быстро перестроили на выпуск военной продукции: пошел фронтовой ассортимент – от снарядных ящиков до понтонных мостов.

6 июня 1942 года всех мужчин – механизаторов призвали в армию. Неожиданно появился военный и шестерых отправил домой. В их числе был и Федот Яковлевич. Всем им было приказано: завтра выходить на производство.

«Я от фронта не бегал, – говорил он, – куда посылали, туда и шел». О трудностях работы на трудовом фронте он не раз думал и говорил, что лучше бы забрали на фронт.

С 1943 года по распоряжению НКВД работает в шахте управления промышленными колониями, но

уже в качестве вольнонаемного тракториста в колонии №2. Само управление находилось в Нижней Туре, где раньше была тюрьма. Участки, а вернее сказать лагеря – Борисовский, Троицкий, Федино – находились недалеко от будущего Качканара. В этих лагерях сидели девушки и женщины. Если бы «сидели»! Эксплуатировали лагерниц нещадно на заготовке древесины. Лес пилили вручную, бревна грузили вручную. Работа страшно тяжелая. Всякое случалось на этом лесном производстве: женщины гибли, получали увечья... Лагерницы. На их лицах улыбки – большая редкость. Не до веселья. Каждая несла свой тяжелый «крест». В те годы суд был скорый: за кражу ведра картошки давали 10 лет, за растрату – тоже 10. Сроки получали за различные провинности и интеллигентия, и выходцы из рабоче-крестьянского сословия.

Отношение к энкам со стороны охраны и начальства в 30-х и 40-х годах было одинаковое: за людей заключенных не считали. Но отсюда тоже не убегали, боялись. А боялись всего.

Зима. Рано утром всех поднимают на работу. Если лесосека находилась далеко, то наготове стояли бортовые машины. Тракторы в колонии были старые – газогенераторные. В морозы вовсе беда – чурка сырая, мороженая, не горит, трактор не работает. Планы не выполняются. В лесу – снегу по пояс. Чтобы начать работу, приходилось снег сначала утапывать. Мороз на Урале таков – Хочешь согреться – работай. И вот такой изнуренный труд длился по 10 часов ежедневно.

Вот такая жизнь по лимиту досталось Сидорову Ф.Я. Он боялся властей, а власти его. В 1947 году он начал трелевать лес для «семерки». Когда началось строительство Качканара, он всеми правдами и неправдами добился перевода. С августа 1957 года началась его качканарская биография.

Здесь тоже, как и все первые качканарцы, поначалу строителем. Плотины, по которой сегодня везут руду с карьеров на дробилку, его рук дело. Строил также дорогу на Качканар с Валериановска. Был Федот

Яковлевич на все руки мастер – мы и плотничать, и слесарить, мог и медником работать и сварщиком, и в технике разбирался. И вскоре после пуска комбината – в 1964 году – перешел из строителей слесарем на Северный карьер. Он не был никогда никаким начальником, но на него во всем всегда можно было положиться. В трудовой книжке Федота Яковлевича не одна запись о премиях. Хотя премии за награды не считаются. Последняя запись – об увольнении в связи с выходом на пенсию – датирована 1971 годом.

Жизнь прожить – не поле перейти. В мудрости этих слов Федот Яковлевич убеждался ни раз, будучи под «колпаком» у сталинских опричников на Дальнем Востоке да и тут у себя на Урале. Прожитые годы прошли в трудах и заботах.

7 июля 2001 года Сидоров Федот Яковлевич ушел из жизни, ровно на год пережив свою жену Марию Лукиничну и в девичестве и в замужестве Сидорову, с которой вместе прожили в любви и согласии 68 лет.

Добрую память оставил он о себе. А еще оставил детей. Сам полуграмотный, всем своим четверым детям дал высшее образование. Сыновья, Анатолий, Николай и Юрий – горняки. Дочь много лет проработала в Валериановской средней школе. Не одно поколение валериановцев знает Калашникову Любовь Федотовну, которая более 30 лет учила детей математике.

У Федота Яковлевича не было особого образования, да и постов – никогда и нигде не занимал. Трудился всю жизнь на рабочих должностях. Но был огромный жизненный опыт, была мудрость, пришедшая нелегко и непросто, через многие испытания и постоянный труд.

Уходят из жизни люди, а вместе с ними – наша живая история. Остается лишь маленькая черточка на памятнике между датами рождения и смерти. Она-то и вмещает в себя всю человеческую жизнь с ее поражениями, невзгодами и счастьем. Остаются еще потомки и память, человеческая память. И какая она, эта память, определяет прожитая жизнь.

Десятилетний «враг народа»

Обычной судьбе этого неординарного, обаятельного человека рассказала мне его жена Светлана Ивановна, так как Галимзян Фасахович в настоящее время тяжело болен. Камалдинов Фасих (1892 г.р.) и его жена Осьма (1893 г.р.) решением Аксубайского РИКа Татарской АССР от 4 августа 1931 года были раскулачены и посланы в Свердловскую область. Как и другие, были выброшены в глухую тайгу Новолялинского района. У кого пила, у кого топор, мужчины все трудолюбивые, рукастые, не зря «кулаками» названные, стали строить землянки. Надвигалась зима, а вместе с ней жуткие морозы и холода. Болезни, а затем смерть собирала свою первую «жатву». Так в Новолялинском районе появился спецпереселенческий посёлок Красный Яр. Камалдиновы работали в леспромхозе. До ссылки у них были сын и дочь. В 1939 году в семье родился сын Галимзян.

В войну старший брат, (он был намного старше Галимзяна) уходя на фронт, принёс из магазина маленький кулёк с пряниками и сказал младшему: «Если съешь все пряники, то я вернусь с войны». Малыш очень старался и съел все пряники, но любимый брат не вернулся. Он погиб на фронте, защищая страну и таких же мальчишек и девчонок, как его младший братишка. Галимзян учился в поселковой начальной школе, потом окончил семилетку в деревне Коптяки, а среднее образование получил в посёлке Лобва.

В 4 классе Галимзян, по-русски его звали Гошей, на уроке рисования

Камалдинов Фасих (справа)

срисовал портрет Сталина. Кто-то донёс, рисунок изъяли, а десятилетнего мальчишку посадили в КПЗ. Отец ходил, просил, умолял отпустить сына, доказывая, что сын ещё маленький и сделал он это по глупости. Галимзяна отпустили, продержав несколько дней в КПЗ. Но пострадал и учитель, который был уволен с работы. Надо сказать, что Галимзян Фасахович прекрасно рисовал. Не суждено было ему стать ни художником, ни музыкантом. Обладая прекрасным голосом и музыкальным слухом, выучился играть на баяне по самоучителю. Как все

дети сосланных был ущемлён в правах. Не все вузы открывали перед ним двери. Но удалось поступить в Пермское военное училище, в котором проучился до принятия присяги. Пошел в военкомат и попросился в армию. Служба прошла в авиачасти в Молдавии.

С 1960 года, после армейской службы, начинается Качканарский период его жизни. Устроился работать электриком в тресте «Качканаррудстрой». На молодого человека обратили внимание и отправили учиться в УПИ на строительный факультет. Окончив институт, Га-

лимзян Фасахович вернулся в Качканар и начал работать в тресте сначала мастером, а затем инженером. На радиозаводе работал главным инженером ОКСа, а на ТЭЦ – заместителем директора по капитальному строительству. Общий стаж работы – 49 лет. Ветеран труда, имеет награды. Умница, всего сам добился в жизни. Обладая тонким юмором и добрым нравом, был душой коллективов, где работал. У Галимзяна Фасаховича два сына и дочь, четверо внуков.

Камалдинов Г.Ф.

А было это так

Рассказ Касыкиной Тамары Николаевны.

30-е годы XX века – это годы репрессий, ссылок, беззакония и страданий большей частью незащитных и ни в чем неповинных людей. Шёл 1929 год. Моих родителей, Черемухина Николая Николаевича и Матрену Дмитриевну, и их пять детей постигла эта жестокая участь.

А было это так. В мае 1930 г. к ним пришла комиссия. Посмотрели: ага, 3 коровы, дом большой, добротный. И, не вникнув в суть дела, вынесли вердикт: богачи, на выселение. А то, что в этом доме живут 15 человек, 3 сына с женами, родителями и кучей ребятишек, не обратили внимания. Не придали значения и тому, что они никого не эксплуатировали, сеяли рожь, пшеницу на хлеб, содержали огород и скот, косили сено. Бывало, снохи рожали детей прямо в поле. Наша мама родила ребенка под кустом, когда косила траву.

Так мои родители и пятеро детей, все мал мала меньше (старшей Любе было 8 лет, а младшему Ванечке – 5 месяцев) были выселены из деревни под Кировом и отправлены на поселение на Урал.

Таких «кулаков» было выселено много. Посадили в телячьи вагоны и ту-ту... в неизвестность. Без слез невозможно писать про эти злодеяния и бесчинства. До Свердловска ехали целую неделю. Это с малыши-то детьми! А потом по узкоколейке добрались до поселка Ис и дальше, проехав четыре километра, высадили в тайге. Все измученные, голодные (не рассчитывали, что так долго будут добираться). Малые дети плачут, полчища комаров... Опять возникает вопрос: за что же так? Слов нет, есть боль и слезы.

Постепенно стали обживаться. Мужчины, все работящие, построили землянки. Есть где укрыться от комаров и дождей. Потом организовали общую столовую. В поселок Ис ходили за продуктами. К осени построили несколько насыпных бараков. Стали в них расселяться – ведь скоро зима.

Мама работала в столовой. Сотрудницы её жалели: такая орава детей! И даже подкладывали ей в сумку несъеденные порции. Мама возмущалась, но брала: видеть голодные глаза детей не было сил.

В это время нашей семье пришла бумага, как говорила мама. В ней написано: «Ваша семья может возвратиться. Вы честные труженики, не эксплуатировали наёмный труд». Что делать? Отец поехал в Киров на разведку. А приехав в родную деревню, увидел: свой дом отдали под школу, все подсобные помещения снесли, кругом площадки наделали. Стали предлагать другое жильё. Отец пустил слезу и вернулся на Федино. Все рассказал и решили не ехать обратно. Хватит, и так намучились. Да и к чему это?

На Федино уже обосновались. Помаленьку обжились, огород раскопали, коровку завели. От «хорошей» жизни стали дети появляться. И так в нашей семье родилось ещё 5 детей. Трое – 2 мальчика и девочка – умерли, а я и сестра выжили. Мама рассказывала, как у ребенка высокая температура, кашель, а лекарств никаких. Фельдшерка была. Но при любом заболевании давала всем порошки, наскребенные от какого-то камушка. Болит у тебя голова, живот, рука – а все те же порошочки.

Постепенно жизнь переселенцев налаживалась. В это время нашего отца и других мужчин из поселка забирают в трудармию. Что это за армия такая, я не знаю. Отслужив несколько месяцев, отец возвращался домой и по пути заехал повидаться с родными в Киров. В армии кормили плохо. С голодухи у сестры хорошо поел, и случилась с ним болезнь, которую в народе называют заворот кишок. Похоронили отца в своей родной деревне.

Нас – семеро детей, мал мала меньше, мама одна. Как жить? Как детей поднять? Мама пошла работать на гидравлику, из разреза камни убирать. Она рабо-

тала сутками, столько детей надо было кормить! Как только у ней хватало сил? Конечно, ей от этой жизни досталось. Придет, снимет мокрую одежду, поспит часок, посмотрит на нас, вповалку спящих на полу, поплачет и снова на работу. Летом мы спали на сеновале. Никогда не забуду душистый запах трав! У нас была одна кровать, деревянная. На ней ложились спать лишь те, кого за что-то похвалят или кто-то заболел. Но выжили все!

Стало маме легче, когда старшие дочери, окончив дошкольный педтехникум, стали работать. Старшая Люба потом окончила Московский педагогический институт заочно. Когда приезжала домой после сдачи экзаменов и привозила нам какие-нибудь безделушки из столицы, то радости не было предела!

Обе сестры работали заведующими детсадами и помогали семье деньгами. Меня и младшую сестренку забирали к себе пожить в Нижнюю Туру. Долгими зимними вечерами все дети залезали на печку, а она была

большая, да и ещё на полати. Приходили к нам мамы подружки – соседки, такие же спецпереселенцы. Они вспоминали свою жизнь ранешнюю, как справляли свадьбы и праздники, как катались на санках, ворожили, влюблялись и замуж выходили. А мы, развесив уши, слушали и на завтра снова просили рассказать про их жизнь, хоть и трудную, но очень интересную.

С детства мы были приучены к труду. Мама на работе, а мы из речки должны были воды носить. Пололи грядки, окучивали картофель, ходили на покос. Братья косили, а мы, сестры, гребли. Утром по росе топали на покос, а так поспать хотелось! Трудное было детство. Но все равно и на игры находили время, и в лес за ягодами и грибами бегали.

Все мы выучились, как говорит народ, вышли в люди. Спасибо нашей маме, самой мудрой, доброй и трудолюбивой. Она учила нас правильно жить, быть честными и стойко переносить все невзгоды и не звать зла и зависти.

Комаровы

Деревня Большие Галашки Пригородного района Свердловской области была основана староверами, бежавшими на Урал от притеснений государства. Как таковой, сегодня нет этой деревни. На её месте – Висимский заповедник.

Прапрадеды Комаровы были староверами и жили в Москве. Когда при патриархе Никоне произошел раскол в Церкви, они бежали из Москвы и поселились на реке Керженец. Отсюда по рекам верховьем поднялись по реке Чусовой. В Чусовую впадает река Сулём. Они поднялись 20 километров по Сулёму и остановились. Вырубили лес, разработали поля, построили дома. Де-

ревню назвали Большие Галашки. Фамилии у староверов были Комаровы, Мироновы, Балуковы, Кадиноквы. Деревня была в две улицы и 120 домов. Основные занятия – сельское хозяйство, охота, пчеловодство.

У Комарова Максима Степановича было три сына: Афанасий, Иван и Петр. Отец с сыновьями служил егерями у последнего тагильского заводчика Павла Демидова. Комаровы были рослые, крепкие, сильные мужчины.

Максим Степанович дружил с земляком, писателем Маминым-Сибиряком, часто бывавшим у него в доме и на охоте.

В семье до сих пор хранится рассказ, как Мамин-Сибиряк, Демидов, Ставровский (управляющий у Демидова) и Максим Степанович охотились на сохатого. Сразу подстрелить лося не удалось, и он, раненый, бросился на людей. В панике Демидов потерял свои золотые часы, управляющий бросил ружьё, но лося всё таки уложили. Дмитрий Наркисович там же, в лесу, написал юмористический рассказ и рукопись подарил егерю Максиму Степановичу. Рукопись позднее затерялась.

Комаровы жили в двухэтажном доме. Всем хозяйством, а оно было огромным: у каждого брата по две лошади, по две коровы, молодняк, управлял старший брат Афанасий Степанович. Одних только пчел было 380 семей. В хозяйстве была жатка, косилка и много другого инвентаря.

Братья промышляли охотой: били белок, куниц, колонков, рысей, медведей. От продажи меховых шкурок, мёда и воска привозили домой по ведру серебра. Да и Демидовы никогда не обижали тех, кто служил им верой и правдой. Всем своим хозяйством Комаровы управлялись сами. Во время сенокоса нанимали несколько работников. На островке ставили до 420 копен сена.

В 1931 году Комаровых раскулачили и выслали из деревни. Иван Максимович с семьёй оказался в Нижнем Тагиле. Сосланные кулаки строили Уралвагонзавод. Они вырубали лес, готовили площадки для строительства завода. Жили в бараках, переполненных людьми, как сельди в бочке. Отношение было как к врагам народа. Сыновей из раскулаченных семей запрещено было брать в армию. В то время все они числились ненадежными и находились под надзором спецкомендатуры.

В Великую Отечественную войну на фронт ушли Иван Максимович и два его сына. Михаил Иванович,

И. М. Комаров

разведчик, погиб на фронте. Василий Иванович, танкист, дошел до Берлина, потом в Западной Украине и Польше воевал против бендеровцев. Вернулся после войны и Иван Максимович, стал опять охотником. На его счету было 50 медведей, 40 рысей, несколько тысяч белок, куниц, колонков и других хищных обитателей уральской тайги.

Из семьи Комарова Ивана Максимовича остался один только сын Николай Иванович (1930г.р.) В военные годы он окончил 4 класса и стал работать в колхозе. В 14 лет на лошади развозил солдатским семьям необходимое. С 1950 по 1953 года служил в армии в особом строительном батальоне на Кольском полуострове.

После армии Николай Иванович работал охотником. С женой Валентиной Макаровной в 1959 году приехали в Качканар. Николай Иванович работал в ГОКе на обогатительной фабрике, после перевелся на фабрику окатышей. Валентина Макаровна до выхода на пенсию трудилась на заводе ЖБИ. Оба ветераны труда.

У Комаровых две дочери и сын, 7 внуков и 2 правнуков. Многие родственники Комаровых проживают сейчас в Нижнем Тагиле.

Николай Иванович и Валентина Макаровна, как их предки, придерживаются старообрядческой религии.

Семья Комаровых

На горе колхоз и под горой – колхоз

Село Юшково, что в Багарякском районе Челябинской области, было еще до революции большим. По ленинскому плану ГОЭЛРО в 20-е годы 20-го века здесь было построена электростанция. «Лампочка Ильича» зажглась во всех домах села.

После гражданской войны в Юшково была создана коммуна. Крестьяне повели в нее свой домашний скот. Коров, оказалось, нечем кормить, некому доить и ухаживать. Своих бурёнок каждый забрал в собственный сарай. Когда начали создавать колхоз, то многие не хотели даже слышать об обобществлении своих хозяйств. В колхоз вступили прежде всего бедняки. Им терять было нечего. «Вошь в кармане да блоха на аркане» – вот и все хозяйство. Работали они больше по найму, были батраками. Зато многие из них хорошо и исправно пили горькую. Семьи их жили в вечной нужде. Спасением для таких стали колхозы, где они же работали через пень-колоду.

В мае 1932 году в селе стали раскулачивать богатых и зажиточных крестьян, да и просто середняков, не желавших ни за что вступать в колхоз.

Котельникова Степана Михайловича в 1931 году посадили в тюрьму за то, что выступил против колхозов. В Соликамске на соляных копиях он работал целый год, и только по болезни его освободили. Котельниковы жили зажиточно. За два года до раскулачивания сыновья построили свои дома и жили самостоятельно. В хозяйстве всегда было 2-3 лошади, 2-3 коровы, овцы, куры, веялка, жатка, сноповязалка. Дом у Степана Михайловича был пятистенный, хороший, огромный.

Т.П. Котельникова

В мае 1932 года Степана Михайловича с семьей и его сыновей: Григория, Александра и Василия, раскулачили. Все хозяйство было разорено. Майской ночью, когда все спали, разбудили Котельниковых, зачитали постановление и потребовали, чтобы через полчаса собрали детей и с необходимыми вещами шли к телегам. Под вооруженным конвоем и представителями сельского и районного совета наскоро одевались, брали с собой в дорогу еду. Потянулся обоз за обозом по российским дорогам, по которым ехали сосланные. В мае в реках вода поднялась. И не раз поклажа в телегах и дети были в воде.

Обозом доехали Котельниковы до станции Синара (г. Каменск-Уральский). Отсюда в вагоне товарного поезда – до города Ирбита. Ирбит – старинный уральский город, известный в прежние времена своими ярмарками. В 30-е годы от ярмарок остались одни воспоминания. Но город был все-таки хороший. Когда-то по красивейшей реке Нице ходили баржи: река была судоходной. Потом река обмелела, баржи стояли на берегу. В городе были механический, спирто – водочный заводы.

В Ирбите сосланных поселили сначала в церкви на окраине города на Тюменском тракте. Каждая семья нашла здесь первый приют. Мужчины под конвоем строили бараки для жилья. Бараки были без перегородок, с нарами.

Старший сын Котельниковых, Григорий Степанович (1905г.р.) и его жена Татьяна Павловна (1907г.р.) на период высылки имели троих сыновей. Старшему Александру было 6 лет, а маленькому

Г.С. Котельников

несколько месяцев. Он умер в первую зиму, когда мороз и холод сковали жизнь в бараках. Они не отапливались первые времена.

Раскулаченных привлекли на строительство Ирбитского кирпичного завода, а после выпускали на нем кирпичи. Они были очень нужны для строительства УралМаша – началось время великих строек по всей стране. Первоначально делали кирпичи вручную. Вся работа строилась на энтузиазме народа. После обжига кирпичи грузились в телеги, перевозили к вагонам, и товарные поезда шли в Свердловск. Работали все, старые и малые. Впоследствии построили карьеры, канатную дорогу до завода. Процесс изготовления кирпичей был механизирован.

В Ирбите у Григория Степановича родилась дочь Валентина, а старший сын Саша пошел в школу. Всё воспитание в школе, по воспоминаниям Александра Григорьевича, было направленно на патриотизм, на любовь к партии, правительству и его руководителям. «Сталин – наша слава боевая, Сталин нашей юности полет», – пели дети в школе. События на озере Хасан и реке Халхин-Гол служили примером для воспитания подрастающего поколения.

А по ночам арестовывали людей, куда-то их увозили, о них никто ничего не мог сказать. На предприятиях и учреждениях клеймили врагов народа.

В магазинах была очередь за хлебом. С вечера обычно подростки занимали очередь за хлебом. Всю ночь стояли у магазинов. Хлеб привозили к часам 11, начиналась продажа по одной булке в руки.

Трудно было с едой. Мальчишки забирались по ночам в спирто-водочный завод, открывали кран, откуда текла барда (в основном, она была из картофеля) в подставленную посуду. Дома из неё пекли лепешки. Летом было легче: грибы, ягоды. В воде находили ракушки, вытаскивали из них содержимое, жарили и ели. На полях работали бесплатно, за это кормили обедом. Пацаны были этому очень рады.

В 1939 году Котельниковых перевели в город Сухой Лог. Там были построены кирпичные дома с вы-

Супруги Котельниковы

сокими потолками. Дома назывались сталинскими. В таком доме в коммунальной комнате жила семья Котельниковых.

Началась советско-финская война. По улицам города шли крытые машины. Шепотом говорили люди, что это везут раненых с фронта.

Жизнь раскулаченных, по словам Александра Григорьевича, наладилась немного к началу Великой Отечественной войны. Не таким строгим был контроль. Крестьяне из деревни привозили в город муку. Все стали покупать живность: корову, поросенка, кур. Накосят сено, а вывозить его не на чем. Возили на санях и тележках. После в складчину купили лошадь.

Налаживавшейся жизни помешала война. В мае 1942 года призвали в Красную армию Григория Степановича и его братьев, Александра и Василия. С котомками за плечами шли новобранцы и провожающие от станции Кунара до города Богдановича. Ни один из братьев не вернулся домой, все погибли. В 1944 году в Белоруссии погиб Григорий Степанович. Средний из братьев, Александр, был на курсах командиров в городе Ялutorовске и направлен на Сталинградский фронт. Но под Сталинградом поезд был разбомблен, и все находящиеся в нем погибли. Младший, Василий, погиб в

составе штрафной роты (в которую он попал по меркам военного времени справедливо, по сегодняшним – так просто мальчишество) под Сталинградом.

У Котельникова Г.С. осталась вдова и четверо детей. В 1941 году родился сын Анатолий. Вся тяжелая мужская работа легла теперь на плечи Александра. Однажды он накопил сено для коровы, а когда приехал за ним, то сено уже кто-то увез. Но надо было жить за погибших отцов, братьев, дедов.

Между поселком Алтынай и городом Асбестом жили в поселке польские эмигранты. Они работали на лесоразработках. После войны все уехали в Польшу.

Все пережито, выстрадано подростками военных лет. На своих плечах держали семью, учились и летом работали в колхозе.

Александр поступил в 1943 году в Свердловский электро-энергетический техникум. Для учащихся этого техникума была броня для отзыва в армию. Брат

Михаил учился в горно-металлургическом техникуме. В 1945 году его призвали в армию. Отслужил семь лет.

Александр Григорьевич после окончания техникума в 1947 году по распределению поехал работать в город Молотов (Пермь) на ТЭЦ. Специалистов стали вербовать на строящуюся в городе Нижняя Тура в 1950 году ГРЭС. С женой Ниной Семеновной поехал Александр Григорьевич в Нижнюю Туру и работал на ГРЭС до 1966 года.

В 1966 году Котельниковы переехали в Качканар. Александр Григорьевич работал прорабом и начальником электроцеха на ТЭЦ, начальником подстанции Качканар. Перед выходом на пенсию пришлось поработать мастером производственного обучения в ГПТУ №87. Он – труженик тыла, ветеран труда, имеет правительственные награды.

У Александра Григорьевича есть сын и дочь. После смерти жены он живет с семьей дочери.

Простите нашу матушку Россию!

Рассказ Крохиной Тамары Дмитриевны

«**М**ую маму, Седых Евдокию Евдокимовну, и ее семью раскулачили в 1931 году за то, что у них в хозяйстве были две коровы, лошадь, водяная мельница. До раскулачивания они жили в деревне Седых Кичминского района Кировской области. Семья была большая: дедушка, бабушка, отец, мать и 6 детей. Моей маме на момент выселения было 19 лет. Раскулаченных везли в телячьих вагонах на Урал. По дороге, если кто умирал, выбрасывали в лес. Такая участь постигла мою бабушку – за

руки и ноги и – вон из вагона. Так семья моей мамы оказалась в поселке Федино Исовского района Свердловской области.

В этом же году из Смоленской области в поселок Федино сослали семью моего отца, Гришкова Дмитрия Васильевича. Мои родители познакомились и в 1936 году поженились.

В 1937 году ночью моего отца арестовали как «врага народа». В Свердловской тюрьме он находился 1 год. В 1938 году он вернулся и работал плотником в

Исовском прииске до войны. Мать возила на лошади бочки с водой в школу, детсад, магазин.

Во время Великой Отечественной войны наш отец, Гришков Дмитрий Васильевич (1905 г.р.) ушел на фронт «искупать свою вину кровью», защищать нас, малых детей, и свою Родину. Он воевал на Ленинградском фронте. Награжден медалью «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.». Домой отец вернулся после Ленинградского госпиталя без левой ноги и с осколком в левой руке. Отец умер в 1951 году в 49 лет, похоронен на Фединском кладбище.

Нас было 3 детей, я и два брата. Мы учились в местной школе, где нас, «врагов народа» не хотели принимать ни в пионеры, ни в комсомол.

Я окончила школу и 39 лет работала в Качканарском ГОКе начальником караула военизированной охраны. Ветеран труда. У меня есть дочь, 2 сына, внук и правнук. Брат, Гришков Анатолий Дмитриевич, тоже работал в ГОКе бригадиром на железной дороге.

Только потом, повзрослев, а особенно сейчас, в пожилые годы, все осознав и взвесив, я поняла, какой горькой и трудной дорогой жизни нам пришлось пройти. Но зла и обиды у меня ни на кого нет. Если такое произошло с нами, значит, это кому-то было очень нужно».

Кузнецов Александр Константинович

В 1931 году из села Осовяк Рогнедского района Орловской области на Урал была выслана семья Кузнецовых. Глава семьи Кузнецов Константин Иванович (1898 г. р.) и его жена Наталья Васильевна по социальному происхождению были из кулаков.

До революции в хозяйстве Кузнецовых было 150 га земли, 20 коров, 20 лошадей, молотилка. Использовали постоянную наемную силу 2-3 человека. Для сезонных работ нанимали 20 человек.

Занимались скупкой и перекупкой технических культур. Крестьянам выдавали хлеб в займы с 100 % начислением, а после те им отработывали. Свою одежду крестьяне отдавали под залог хлеба. Так жили до революции.

В 20-х годах в хозяйстве Кузнецовых было по-прежнему 150 га земли, 18 коров, 15 лошадей, молотилка. На-

емной силой пользовались в количестве 3-х человек. Занимались скупкой и перекупкой технических культур.

В 1924 году Константин Иванович с братьями Ефимом, Григорием, Василием поделили хозяйство, чтобы получить землю. Брат Александр после революции уехал жить за границу и проживал там до своей кончины.

В 1931 году хозяйство Кузнецовых было раскулачено и передано в местный колхоз. Все братья Кузнецовы с семьями, родственники Паршины сосланы в поселок Федино Исовского района.

Вокруг лес, тайга, природа, необычная для коренного жителя центральной Европейской части СССР. Приказали: «Валите лес и стройте бараки». В построенных бараках размещалось по 4 семьи в каждом. В 1931 году после высылки у Кузнецовых умер старший сын, которому было 2 года. Долгое время о нем не рас-

сказывали другим детям, родившимся уже на Урале: Александру, Нине и Валентине. Всего боялись. Константин Иванович работал на конном дворе, Наталья Васильевна – на кирпичном заводе на Ису.

12 января 1938 года Кузнецов К.И. был арестован. В тюрьме продержали год, требуя на допросах признаться в поджоге конного двора.

На фронт Константина Ивановича не взяли, имел бронь. Война запомнилась детям больше всего голодом. Есть было нечего. Пацаны бегали летом на рыбалку, за кедровыми шишками, ягодами и грибами.

В 1947 году были выданы паспорта спецпереселенцам, но родители не вернулись на родную Орловщину. Возвращаться было некуда. Да и зачем? Кто их там ждал?

Сын Александр (1934 г. р.) окончил 7 классов и поехал учиться с фединскими ребятами в Асбест в ФЗУ. До армии успел поработать 2 года. С 1955-59 год служил моряком на Тихоокеанском флоте. После службы мечтал остаться во Владивостоке.

«После службы приезжай домой, Шурик. На горе Долгой, куда мы с тобой ездили на покос, строят новый город» – так писал в 1959 году Константин Иванович своему сыну.

В 1959 году в Качканаре по специальности у Александра Константиновича не было работы. Работал на Ису и Североуральске. Качканар был позднее. 7 лет работы в Северном карьере и 10 лет на ТЭЦ. Ветеран труда.

В настоящее время Кузнецов А.К. проживает в поселке Валериановске.

Мы – тоже кубанские казаки

В воспоминаниях Лариной Галины Александровны ее мать, Гаркуша Анастасия Ивановна, была по характеру очень сильной женщиной. Один раз в жизни она видела мать плачущей, когда у нее, вдовы, украли сено в дождливое холодное лето. Да еще вытирала слезы, когда напечет хлеб. По-видимому, вспоминала при этом свою большую семью, родную землю, иную жизнь. Очень хлебосольная, умела все делать по хозяйству. После смерти мужа ее, одинокую вдову, мог любой обидеть. Галина Александровна помнит, как издевались

А.И. Гаркуша

пьяные золотари, вернувшиеся после фортовой добычи: «Вы тут работаете целыми сутками и плохо живете. А мы вот как отдыхаем после работы».

Прожила Гаркуша Анастасия Ивановна (1897 г.р.) почти сто лет, умерла в 1996 году. В детстве она окончила церковно-приходскую школу, потом училась немного в женской гимназии. Незадолго до ее кончины младшая дочь Галина попросила мать написать воспоминания о том, почему и как их семью выслали на Урал из станции Копанской Ейского района Краснодарского края.

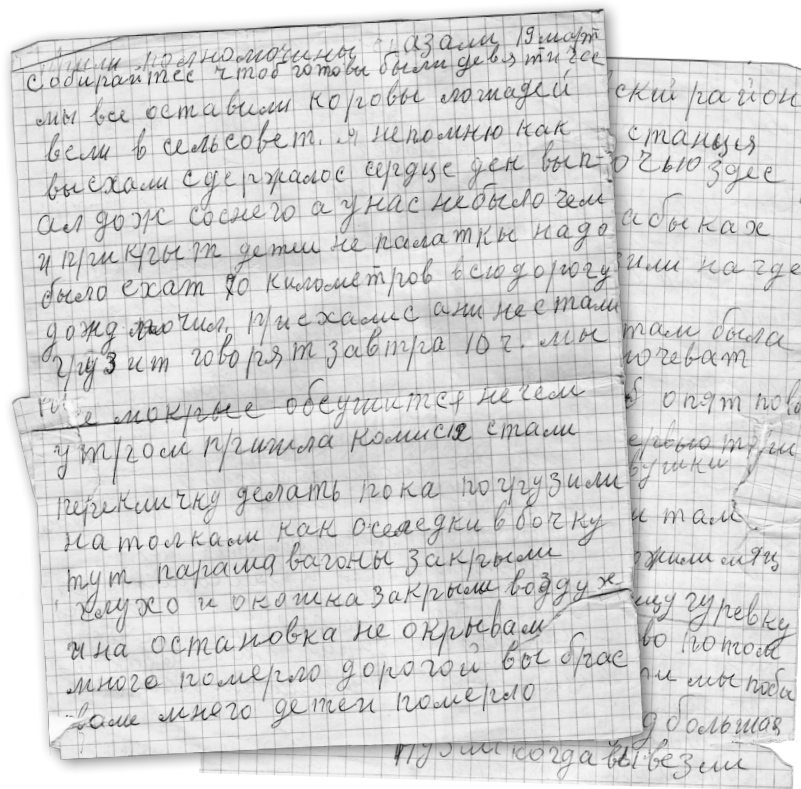
Рассказ Гаркуша Анастасии Ивановны.

«Наша семья жила земледельством. У нас было 2 лошади, 2 коровы, дом, земля. Мы платили исправно налоги государству. В сезон сосед помогал нам обрабатывать землю, так как тягловой силы у нас не хватало.

25 февраля 1931 года к нам пришли уполномоченные, описали все хозяйство и имущество. У нас в это время было 40 мешков пшеницы, 40 мешков фуражного и посевного ячменя, 400 килограммов муки 1 сорта и 50 мешков смешанной муки. Оставили по пуду муки на каждого человека, а остальное все вывезли. 27 февраля пришли опять и выгребли все остатки и предупредили, чтобы никто из семьи не отлучался из станицы.

19 марта 1931 года уполномоченные сказали нам, чтобы мы завтра к 9 часам собирались к отъезду. Я не помню, как выехали. Сердце сжималось от боли, горя и неизвестности. День выдался еще как на грех: то дождь лил, то снег. А у нас троих маленьких детей прикрыть нечем. До станицы надо ехать 70 километров. Приехали мокрые, сушиться негде. А нам говорят: «Погрузка в вагоны завтра в 10 часов утра». Утром пришла комиссия, стали делать переключку. В вагоны погрузили, натолкали, как селедок в бочку. Вагоны и окна закрыты наглухо, тут же параша, воздуха свежее нет. На остановках вагоны не открывали. Дорогой умерло много детей и старых людей, выбрасывали их тела прямо из вагонов. Ночью привезли на станцию Дубовка Ставропольского края. На станции была амбулатория. Мы здесь переночевали, а утром на подводах, запряженных быками и верблюдами, целый день ехали в деревню. Там две вдовы дали нам помещение, в котором держали скотину. Так мы прожили целый месяц.

Потом опять повезли на станцию Гурьевка, как говорили, на постоянное место жительства. Но 26 июня приказали перед погрузкой, чтобы мы ничего кроме котомок, с собой не брали. Нас построили в шеренгу и стали отбирать запасы продуктов. Привезли на ту же станцию, откуда нас увозили. Мы подумали, что едем домой.

До Ростова ехали в закрытых вагонах без хлеба и воды. На какой-то станции узнали, что поезд едет на Урал.

Из Свердловска привезли на станцию Выя Исовского района. Все были кубанцы. Свалили среди леса на опушку. Мужики пошли, топоры нашли, прорубили просеку и начали носить котомки. Женщины и дети протапывали дорогу.

Вот так под Сигнальной горой построили барак, в котором разместилось 60 семей. Была баня, колодец. Так прожили до 21 ноября 1931 года. А ночью нас всех увезли в поселок Лялинка. Поселили нас всех в недостроенных бараках без окон, дверей, полов и крыши. Света тоже не было. Ночью ударил мороз. Стали собирать доски и закрывать ими все дыры. Не успела я обогреть наше место. У меня случилось непоправимое горе: простудился и умер мой муж, Гаркуша Андрей

Село Карелино. Начальная школа

Игнатиевич, в возрасте 33-х лет. У меня остались две дочки малые и сын. Отец, видимо, пожалел сироток и забрал к себе сына и младшую дочь. Мне осталась одна радость: старшая дочь Анна. Она училась в школе, когда с ней приключилось горе: один из мальчишек

во время игры ударил Аню по ноге. Она перенесла ряд операций и осталась на всю жизнь инвалидом.

До 1937 года я работала на лесоповале, потом перевели дояркой в колхоз. В 1947 году сняли со спец учета. В 1950 году колхозы стали объединять и нас перевели в деревню Карелино Верхотурского района».

В Лялинке Анастасия Ивановна сошлась с мужчиной, от которого родила в 1945 году дочь Галину. Вот так втроем жили. Галина после начальной школы училась в школе-интернате в Нижней Туре. Получила педагогическое образование, работала воспитателем в детском саду. В 1969 году вышла замуж за Ларина Александра Алексеевича, родила двоих сыновей. Сейчас у супругов три внучки.

В Качканаре Галина Александровна окончила художественную школу и перешла на работу в бюро эстетики ГОКа художником, где работала все годы до выхода на пенсию.

Мадисон Антонина Ивановна

Родилась в 1939 году в Верхотурском районе Свердловской области. Ее родители были раскулачены в 1931 году и сосланы на Урал. Отец, Ковальсученко Иван Михайлович, родился в 1906 году в Ростовской области в казачьей семье. Образование начальное, беспартийный. До ссылки работал в колхозе Таганрогского района Ростовской области. Ссылку отбывал в посёлке Пурегова, а потом переселён в село Шумково Верхотурского района. Работал в колхозе конюхом. Умер в 1980 году в Ростовской области.

Мать, Пугаченко Акилина Алексеевна, родилась в станице Воскресенской Славянского района Краснодарского края в 1906 году в крестьянской семье. Образование начальное, беспартийная. В колхозе работала на полевых работах. Арестована в 1931 году и сослана на пожизненную ссылку в посёлке Пурегова Верхотурского района Свердловской области. В ссылке работала в колхозе. Умерла в 1978 году в городе Верхотурье.

Их дочь, Ковальсученко Антонина Ивановна, вышла замуж за Мадисона Владимира Леонардовича, отец которого был репрессирован в 1938 году. Мадисон Леонард Андреевич родился в 1908 году в Ленинградской области в крестьянской семье. Образование среднее, беспартийный. Работал шофёром на спичечной фабрике Стругокрасненского района Ленинградской (ныне Псковской) области. Арестован 20 июня 1938 года и приговорен в этот же день к высшей мере наказания – расстрелу. Реабилитирован 13 января 1958 года Военным Трибуналом Ленинградского военного округа посмертно.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

А у нас – «не белы снеги»

Более 80 лет назад, в 1932 году, из города Батайска Ростовской области прибыли раскулаченные на Урал. Тарас Гаркуша, хозяин семьи, одноногий калека, когда началось раскулачивание на Кубани, купил у одного богатого казака большой дом. Вроде какое кому дело, купил и купил. Деньги водились, вот и приобрел для семьи дом. Но советская власть на это смотрела иначе. Крутом беднота живет в хатках – развалюшках, а тут купил вон какие хоромы! И ничего никому не доказать, что дом купил на свои трудовые деньги. Вот и решили, что дом надо конфисковать, а хозяина с его семьей сослать, куда подальше. Этим «куда подальше» оказался Новолялинский район Свердловской области.

В семье Гаркуши было три сына. Старший сын Павел был женат и жил самостоятельно, поэтому его не тронули.

Когда привезли на новое место, то одна тайга шумела над головой. Никаких строений, ни поселений. Один лес на сотни километров.

Вначале вырубил лес, построили первые бараки. На лесоповале трудились все, от мала до стариков. Правда, стариков вскоре всех перехоронили. Построенный поселок назвали «Красный Яр». Жизнь шла своим чередом, постепенно народ стал приживаться в этих краях.

В 1935 году сын Василий (1911 г.р.) женился на Левченко Ольге Даниловне (1915 г.р.). Ольга тоже была из семьи сосланных. Их семья до ссылки жила в городе Таганроге. В хозяйстве Левченко дер-

жали мельницу, двух лошадей, дом, земельные угодья. На работу нанимали сезонных рабочих. Как кулаков, их сослали в посёлок Красный Яр с тремя детьми.

До войны в семье Василия Тарасовича было две дочери. В 1942 году ушел на фронт младший брат, Иван Тарасович. Василия Тарасовича тоже призывали, но сразу же вернули. В войну жили как все: собирали мерзлую картошку, крапиву и готовили из них еду.

В 1945 году Василия Тарасовича направили начальником подхоза в В-Лобву. Известен этот поселок тем, что при царице Екатерине второй в 44 километрах от В-Лобвы построили дорогу, которая называлась Верхотурский тракт. Да еще тем, что в поселке стояла большая часовня. Со всей округи возили сюда отпевать покойников.

Рядом с В-Лобвой поселок Шайтанка, в котором проживало много сосланных немцев.

В подсобном хозяйстве выращивали разные культуры. Помимо картофеля, моркови, турнепса, редьки, местные жители впервые увидели помидоры и огурцы. В парниках высаживали рассаду, за лето успевали нарасти и помидоры, и огурцы. Василия Тарасовича все хвалили за трудолюбие, Ольга Даниловна на ферме работала дояркой. На маслобойне делали свое масло.

Дети, а их было уже четверо, учились сначала в школе в Красном Яре, после в начальной школе В-Лобвы, в Шайтанке – в школе – семилетке.

Супруги Гаркуша с сыном Николаем

В.Т. Гаркуша с внуками

Старшая Вера после окончания школы трудилась счетоводом в Шайтанке и жила в комнате барака. Вторая дочь, Настасия (1938 г.р.) или Надя, как ее называли, переехала с братьями тоже в комнату в барака, чтобы учиться в школе.

Чтобы натопить печь, шли воровать дрова по ночам. На рубль тогда можно было многое купить. Пирожок стоил 5 копеек, в столовой чай и хлеб бесплатно, из дома привозили картошку и другие овощи. Так что с голоду не умерли. В Шайтанке уже тогда была своя силовая электростанция, в домах горел электрический свет.

После 7 класса Надя работала дояркой. С 14 лет трудилась на полях подхоза, умела делать всякую деревенскую работу. Сдала документы в Серовское ремесленное училище № 10, где, проучившись два года, вышла с профессией токаря 5 разряда. В группе была комсоргом. После учебы – работа на бумажно – целлюлозном комбинате в г. Новая Ляля. Любовь помещала всей учебе, когда познакомилась с Макаренковым Василием. Вскоре он ушел служить в армию. Надя с Василием переписывались все три года.

В 1959 году молодые поженились и прожили вместе 46 лет. 7 лет назад муж Настасии Васильевны умер. У них три сына и дочь.

В Качканаре Макаренковы с 1959 года. Когда приехал сюда, здесь еще мало что было. Кругом грязь, ходили в сапогах. Поселились в комнате с одной табуреткой.

Василий Петрович устроился шофером, Настасия Васильевна – почтальоном. За трудовую жизнь пришлось поработать в разных местах. Основная, конечно, диспетчер или оператор пульта управления паросилового цеха. В 1994 году Настасия Васильевна ушла на пенсию. Она ветеран труда, ветеран ГОКа

Будучи на пенсии, Настасия Васильевна с мужем уехали в В-Лобву и завели свое фермерское хозяйство. Поселок расположен в живописном месте. Вокруг скалы, спокойная речка Лобва с висячим мостом. Обидно, что никто не видит эту красоту. В поселке проживают несколько стариков. Подхозы, колхозы все разрушены. Молодежь разбежалась по городам. Все ищут «длинный рубль», на земле работать не хотят. И как тут не вспомнить высказывание русского писателя М. Салтыкова-Щедрина: «Везде мальчишки в штанах, а у нас без штанов; везде изобилие, а у нас – «не белы снеги; везде резон, а у нас – фюить!»

Макаренковы. 1971 г.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Нелюбина Валентина Александровна

Родилась в 1938 году в поселке Баяновка Надеждинского (Серовского) района Свердловской области в семье Недорезова Алексея Петровича (1911 г.р.) и Устины Егоровны (1915 г.р.).

Семья Недорезовых до высылки в 1931 году жила в поселке Кизил Кизильского района Челябинской области. В семейном хозяйстве было много скота: коров, лошадей, овец.

Постановлением ЦИК СНК от 1 февраля 1930 года Недорезовы были раскулачены и сосланы на Северный Урал.

Все мужчины семьи работали на лесозаготовках. В 1934 году Алексей Петрович женился, родились дети. На фронт во время войны его не взяли. На спецпоселении в поселке Баяновка Надеждинского района и на спецучете Недорезовы состояли до 1947 года. После они переехали в поселок Покровск – Уральский.

Валентина Алексеевна окончила 7 классов и работала на заводе в Покровск – Уральском. Познакомилась с будущим мужем, вышла за него замуж и в 1963 году приехала к мужу в Качканар. В быткомбинате «Комета» работала кассиром. У Валентины Алексеевны двое детей: сын и дочь, трое внуков. Она ветеран труда. В настоящее время живет с семьей сына.

Обросов Игорь Николаевич

Родился в 1938 году в посёлке Мало-Новый Кондинского района Тюменской области. Его родители, Обросов Николай Никифорович (1916 г.р.) и Обросова (Барышникова) Ефросинья Кузьмовна (1908 г. р.) были уроженцами Свердловской области. Отец – из Слободо-Туринского района, а мать – из села Костино Алапаевского района. Семьи Обросовых и Барышниковых считались кулацкими, так как имели в большом хозяйстве лошадей, коров, мелкий домашний скот, добротные дома. В 1931 году эти семьи были сосланы в Ханты-Мансийский национальный округ, где силами спецпереселенцев был построен поселок Мало-Новый.

Они жили в двухквартирных домах. Состояли на спецучете. По реке Конде, впадающей в Иртыш, спецпереселенцы сплавляли лес. Собранный в плоты, лес шел в устье Оби.

В 1942 году Обросов Н.Н. ушел на фронт защищать родину. После войны он к семье не вернулся. Ефросинья Кузьмовна одна воспитывала сына Игоря. Летом она работала в местном колхозе дояркой и телятницей, а зимой – на лесозаготовках.

Сколько помнит себя Игорь Николаевич, так это был в его детстве тяжелый крестьянский труд. С 5 лет он на покосе. А с 12 лет ходил за плугом, пахал, боронил землю. Утром, когда так хотелось спать, при-

ходило подниматься и идти окучивать картофель. Без ведения мелкого частного хозяйства невозможно было прожить.

В 1957 году он поступил в Нижнетагильский горно-металлургический техникум, по окончании которого в 1960 году по направлению приехал работать в Качканар. Работал недолго, так как вскоре был призван в армию. После службы, с 1963 года работал в СУ-4 «Уралспецстроя» мастером, прорабом. С 1977 года – он бригадир взрывников в ГОКе.

У Обросова Игоря Николаевича 3 детей и 2 внуки. Он ветеран труда. Находясь на заслуженном отдыхе, занимается садом и считает, что в своей жизни не реализовал свои способности.

Е.К.Обросова (слева)

Спецпереселенцы из Белоруссии

Из воспоминаний Окишевой (Михалевич) Валентины Михайловны, 1937 года рождения.

В 1930-31 годах массовая коллективизация по всей стране сопровождалась ликвидацией кулачества и зажиточных крестьян как класса. Мои родители в составе своих семей были высланы в 1931 году из Белорусской ССР. Папа, Михалевич Михаил Лукич (1909 г.р.), был родом из деревни Раубичи Минского района Минской области, мама, Потапова Ольга Ивановна (1917 г.р.) – из деревни Липки Смоленского района Минской области.

Для высылки отбирали зажиточных крестьян, трудолюбивых, с большими семьями, которые трудились в собственном хозяйстве. Всех жителей деревни собрали вместе и по списку зачитали, кто подлежал высылке. Дали немного времени для сбора в дорогу. Все

хозяйство и имущество конфисковали и передали в местный колхоз. Шли пешком до станции. На телегах везли вещи, немощных стариков и малых детей.

На станции погрузили в товарные вагоны. Люди ехали стоя, так как не было мест, чтобы сесть или лечь. Обессиленные люди от голода тут же падали и умирали. На остановках трупы сбрасывали в сугробы, а весной их сжигали. Стояла зима, морозы – 50 градусов. Кормили в дороге один раз в сутки. В вагоне стоял невыносимый смрад. В углу вагона стояло огромное ведро для туалета.

Так ехали больше месяца. На станции Григорьевская долго ждали своей участи. Наконец-то узнали, что везут нас на Северный Урал, в Коми-Пермяцкий

национальный округ. Нас привезли в деревню Елёва Гайнского района Пермской области. Разместили по домам. Местные жители были недовольные и кричали, что привезли чертей с рогами. Но белорусы – народ незлобивый, добрый, сердечный – нашли общий язык с местными и даже подружились. Так прожили зиму.

Весной погрузили всех спецпереселенцев на открытые баржи и поплыли вверх по реке Кама. Места глухие, кругом многовековая тайга. Народ высадили на левом берегу Камы со словами: «Вот ваше место, стройте жилье и живите здесь». Мужчины схватились за головы: с чего начинать, как выжить с детьми, с семьями в таких условиях? Но глаза боятся, а руки делают. Сперва сделали из хвойных лап шалаши и жили в них, пока не построили первые бараки. Люди распределились по бригадам и стали строить жилье. За короткое северное лето надо было срочно возвести стены, накрыть крыши, чтобы к затяжным дождям заселить по 3-4 семьи в одну комнату.

Вокруг тьма сосущих насекомых. Сутками держали дымари, дышать было нечем. Люди были ослабшие, голодные. Непосильный труд, отсутствие нормального человеческого жилья, голод привели к тяжелым заболеваниям: свирепствовала цинга, брюшной и спиной тиф, чахотка, куриная слепота. На человека давали по 200 граммов муки. Люди ходили в деревню Краснояря за 18 километров, чтобы обменять остатки вещей из Белоруссии на мякину. К ним добавляли опил, траву и пекли лепешки, от которых опухали и умирали. Летом и осенью спасались от голода лесными дарами, которых здесь было очень много. Разные ягоды, грибы и дичь помогали пережить голод. Все сосланные, несмотря на возраст, работали на лесоповале и на сплаве леса по реке Кама.

Единственным местом для отдыха после работы были двухъярусные срубленные из сырого кругляка полаты. Они отделялись друг от друга занавеской. Посередине барака – железная печка, на которой готовили еду и на ночь развешивали сушить сырую одежду. Со стен текло-капало. В бараке стоял тяжелый воздух. На сырые полаты ложились спать.

На работу ежедневно ходили пешком за 7-9 километров. Лес валили ручной пилой. Каждую неделю комендант проверял по списку, не убежал ли кто. В особом журнале сосланные с 16 летнего возраста расписывались. Не разрешалось без указания коменданта покидать место жительства. В районный поселок Гайны дороги не было, поэтому медвежьей тропой по берегу Камы, чтобы не заблудиться, шли 50 километров.

Наш поселок Чуртан потихоньку разрастался. Работали угодня под пашни, сенокос, посеяли зерновые культуры, овощи, развели домашних животных. Отца назначили председателем организованной артели «Красный пахарь». Мама работала в колхозе.

Пережили не менее страшный 1937 год, когда по ночам врывались в бараки какие-то мужчины в военной форме, всех поднимали и кричали: «Вы арестованы!» и уводили в неизвестность не только мужчин, но и женщин. Моего отца, в то время уже семейного, тоже арестовали, но вскоре отпустили.

В годы Великой Отечественной войны многих наших тружеников забрали на войну. Отца нашего оставили. У него была бронь, он выращивал лошадей для Красной Армии. Детей у моих родителей было шестеро, я – старшая. Мне больше всего и досталось. Всегда хотелось есть, обуться и одеться было не во что. Как только весной сходил снег и до осени, я ходила босиком в лес по грибы и ягоды.

Своих родителей мы любили и уважали. Они приучили нас к труду, к уважению старших, добрым поступкам, растили нас в строгости. Когда родителям выдали справку о праве выезда со спецпоселения, то они решили продолжить жизнь на своей второй Родине – поселке Чуртан Гайнского района Пермской области. А мы, дети, их поддержали. Реабилитированы наши родители 4 мая 1994 года. Отец прожил 73 года, а мама – 93. Сейчас их нет на Земле. Но мы их не забываем, помним и чтим память своих родителей и всех людей, кто безвинно пострадал от репрессий «родной» власти.

Я – ветеран труда, мой рабочий стаж – 35 лет. Работала в бухгалтерии, в Свердловске – на пивзаводе и в детском саду няней. У меня трое детей и двое внуков.

Ноговицына Мария Ивановна

Тяжелый жизненный путь пройден Ноговицыной Марией Ивановной, труженицей тыла и ветераном труда, награжденной 5 медалями за доблестный труд.

Мария Ивановна родилась в 1922 году в семье зажиточного крестьянина Щербанёва Ивана Филимоновича (1875 г.р.) и его жены Варвары Степановны. Жили они в то время в станице Советской Краснодарского края вблизи города Армавир. У них был большой дом на 14 окон, который сохранился до сих пор. Все хозяйство было конфисковано в 1931 году, и раскулаченная семья сослана в т.п. Федино Свердловской области.

После приезда в посёлок Федино Иван Филимонович вскоре умер. Шестеро детей остались без кормильца. Выживали, как могли: собирали ягоды, грибы, ели всякую траву. Машу с сестрой отдала мать в няньки, как это было и раньше с сиротками в России. И нянчилась с детьми, и пастушкой была Маша в детстве. В 1940 году окончила 7 классов Исовской школы и стала работать в литейке на Ису. Здесь познакомилась с будущим мужем.

В годы войны и после работала Мария Ивановна помощником машиниста на железной дороге, которая связывала п. Ис с большими магистралями. С 1957 года семья Ноговицых – на стройке молодого города Качканара. Мария Ивановна была среди первых строителей города и комбинате, потом трудилась на обогатительной фабрике. У Марии Ивановны два сына и дочь.

Спецпосёлок в городе Кушва

В 1931 году в уральском городке Кушва появились первые сосланные раскулаченные семьи из западных областей страны. В основном, это были женщины с детьми, подростки, старики. Надвигалась зима, надо было строить жилье. Женщины с мальчишками из соломенных щитов построили первые бараки. В барак, который состоял из 22 комнат, с общим коридором и тремя крыльцами, в первую зиму поселили в каждую комнату по четыре семьи. Каждой семье по углу, чтобы не было обидно. Потом из тюрем вернулись мужчины и построили 24 барака. Теперь каждой се-

В.А. Панкова

мье по комнате. За бараками настроили сараек. Вырубили лес, выкорчевали пни, раскопали землю и засадили её овощами. Кто мог, тот держал свое хозяйство. В спецпосёлке была школа, больница, клуб, магазин, спецкомендатура. У коменданта Никонова отмечались все сосланные, достигшие 16-го возраста. Чтобы сходить в баню на рудник за 5 километров, надо было брать разрешение у коменданта.

Родителей Панковой (Афанасьевой) Валентины Васильевны выслали как семью кулаков из Калининской (Тверской) области, Ки-нежского района, деревни Завидово. Дом у деда Афа-

Е.И. Афанасьева с детьми

насьева Ивана Афанасьевича и его жены был очень большим. В нём проживало в то время три сына и пять дочерей. И все со своими семьями, кроме младшей дочери.

Из архивных справок свидетельствует, что в хозяйстве Афанасьевых был дом, корова, лошадь, две овцы, соха, борона. Сейчас над таким богатством в такой огромной семье можно поулыбаться, а в 1931 г. подобные семьи раскулачивались и увозились в восточные и северные районы страны. Всё из хозяйства конфисковывалось в пользу государства. Жена сына Василия Ивановича (1897 г.р.), Евдокия Ивановна (1899 г.р.) была из зажиточной крестьянской семьи. В юности она училась на белошвейку. В приданое она получила

от родителей швейную машину, что было огромным богатством для женщин. Когда начались обыски и аресты в деревне, то машину спрятали у одной надежной женщины. При высылке в телегу положили спрятанную швейную машину. Она после не раз выручала семью от нужды. Евдокия Ивановна шила одежду в спецпоселке. За пошив ситцевого женского платья брала два рубля, за шелковое и шерстяное – по пять.

Женщины с детьми, стариками в телячьем вагоне уезжали в неведомый им Уральский край. Телячьи вагоны – вонь, теснота, грохот колёс, на тысячи верст дорога. По дороге умер маленький Толя, сын Василия Ивановича.

Деда Ивана Афанасьевича, его сыновей Василия и Ивана, посадили в тюрьму в Казахском Акмолинске. Иван Афанасьевич умер в тюрьме. С двумя детьми, свекровью, золовками и их детьми приехала Афанасьева Евдокия Ивановна в Кушву на спецпоселение. Че-

рез несколько лет вернулся Василий Иванович с братом из тюрьмы. В 1938 году в семье родилась ещё одна дочь, которую назвали Валентиной. Очень больной после тюрьмы, замученный, Василий Иванович вскоре умер.

Во время войны ушел на фронт старший сын Володя (1922 г.р.) и погиб под Витебском. Сын Виктор (1925 г.р.) в 14 лет начал работать в геологоразведке. На фронт он не попал, так как имел бронь. Виктор Васильевич проживает в городе Кушва. Семья Афанасьевых продолжала долгое время жить в бараке. В комнате – печка, два ведра с водой, кровати, сколоченный стол, стулья, сундуки, привезенные ещё из той далекой жизни. В комнате холод. Зимой промерзали стены барака, вода в ведрах покрывалась льдом. После дали комнату в трехкомнатной квартире.

Е.И. Афанасьева

Евдокия Ивановна 14 лет работала на аглофабрике. В Кушве был металлургический завод. По канатной дороге она катала тележки с рудой на завод.

Дочь Валентина окончила школу, начала работать, вышла замуж. С мужем Панковым Борисом Николаевичем в 1962 г. приехали в Качканар. Борис Николаевич трудился в ГОКе энергетиком, а Валентина Васильевна – в ОТК. У них две дочери и двое внуков. 10 лет назад не стало мужа. В Кушве похоронены все

многочисленные родственники и близкие Валентины Васильевны.

Более 80 лет прошло с тех пор, как плачущих людей увозили от родного очага в неведомые им края, а вспоминать об этом без слез не могут и сегодня.

Уходят годы... В труде и заботах состарились все, многое, понятно, забывается. Но нельзя забыть родные имена, пройденные тяжкие дороги и события, которые тесно связаны с нашими жизнями.

Из воспоминаний Пановой Файны Семеновны

Мой дед, Михалев Устин Федорович (1893 г.р.), 6 февраля 1930 года был выслан как кулак из деревни Увалино Кетовского района Курганской области. В хозяйстве деда была два рысака, коровы, земля, дом, два амбара пшеницы.

Деда выслали в Сибирь на реку Лену. Бабушку с двумя детьми: сыном Александром 11 лет и дочерью Августой 5 лет привезли в поселок Верхнюю Лобву, которая находилась в 60 километрах от станции Лобва. Моего отца, Степана Устиновича в возрасте 24 лет с женой и двухлетним сыном Михаилом, выслали на Каменку. Она находится в 12 километрах от поселка Павда Новолялинского района. Поселка, как такового еще не было. Просто была река Каменка, поэтому и поселок стал так называться.

Сначала построили бараки. Затем построили домики типа времянки на два окна. До сих пор можно увидеть в поселке такие избушки.

Каждому работоспособному мужику дали лошадь для работы на стройке. Строили больницу, пекарню, баню, школу, контору. Главным человеком в поселке был комендант. Он – и царь, и бог над людьми. Условия жизни были жуткие. Спали на нарах. В одну из ночей нары упали на брата дедушки и придавили его на смерть. Питание – скудное. Люди часто болели и умирали.

Мама работала банщицей. Отец сначала на строительстве, а когда начались лесозаготовки, то рубил и сплавлял лес по Каменке вверх к реке Лобва.

В 1930 году в сентябре я родилась очень слабенькой. Больницы не было. Мама решила показать меня фельдшеру в Павде. Завернула ребенка в одеяльце, и, забыв, взять у коменданта пропуск, побежала. Только вышла за территорию поселка, как ее нагоняет комендант верхом на лошади: «Ну, и куда же ты побежала, гражданка?» Мама ему объяснила, что срочно надо в

больницу с чуть живым ребенком, что дома еще сын двух лет. Смилостивился комендант: разрешил идти в больницу, но с условием, чтобы оформила пропуск после возвращения из Павды. Видно, Господь дал мне жизнь, выжила я.

Мама унесет меня с собой на работу, положит на полок, а сама носит воду, дрова, топит баню. Мишу тоже брала с собой, иногда оставляла у соседей. Потом построили барак и разместили в нем детский сад и ясли.

Нашего отца отправили на курсы трактористов. Все ждали с нетерпением, когда придут в поселок тракторы. Весь поселок вышел их встречать. Три трактора, невиданные машины, с грохотом двинулись по поселку. Стар и млад от удивления тарасили глаза.

Я и Миша учились в местной начальной школе. После успешного окончания первого класса мне, отличнице, дали премию – тетрадь.

По праздникам, конечно, советским, отмеченным в календаре, собирались в клубе. Торжественная часть начиналась с того, что комендант ставил на патефон пластинку с «Интернационалом» и все, стоя, не шевелясь, слушали партийный гимн. «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов»... – о чем думала эта толпа тогда?

Продукты из Лобвы завозились в поселок на лошадях. Потом их распределяли с участием коменданта.

Взрослые и подростки с 16 лет ходили каждую неделю отмечаться в комендатуру. Два раза в неделю была баня – в пятницу для женщин, а в субботу – мужской день. Иногда привозили кино, хоть и немое, но радости не было предела. Роддома не было, управлялась бабка – повитуха. При сложных случаях рожениц с разрешения коменданта увозили в Павду.

В 1937 году в поселке появилось электричество и гудок. Он звал на работу по утрам и вечером после работы тоже «пел». Дисциплины была жестокая. Ни драка, ни ругани... Все раздоры разбирали комендант.

Началась война. Призвали на фронт всех, кого полагаются, в том числе переселенцев.

Отца на фронт не взяли, так как трактористы имели бронь. Нас, детей, было уже пятеро в семье. Спецпереселенцы во время войны терпели больше всех, так как ни выехать, ни продать, ни купить, ни выменять ничего не могли. Мать и слышать не хотела, чтобы мы бросили учебу в школе. Из всего поселка с 5 по 7 класс училось всего 5 детей. Остальные не ходили в школу, потому что обуться – одеться было не во что.

Отец работал, как каторжный, день и ночь, чтобы выполнить норму на 150-200 процентов. Хлебная карточка на взрослого – 800 граммов или килограмм, на детей – 200 граммов хлеба. Ели траву, грибы, ягоды. Отец возил лес на тракторе. Лес заготовливали за 66-70 километров от дома. Погрузка обычно была вручную и по ледяной, специально замороженной дороге, вывозили лес. Попробуй, не выполни норму! Ты же не на фронте! Государство доверило тебе трактор – трудись! Трактор работал на газочурке. В бункер засыпали чурку. И мотор работал. Без кабины, на открытом воздухе. Холод, голод...

Отец наш был стахановец, его портрет висел на Доске почета. За выполнение и перевыполнение нормы выработки давали мерзлую брюкву. Еще держали корову. Летом выручали грибы, ягоды, травы. А зимой ели то, что заготовливали. Мать и нас заставляла работать. Комендант вызывал школьников и давал нам норму, сколько сена привезти на конный двор или чурок для трактора напилить. Мы выполняли все беспрекословно.

Брат Миша окончил 7 классов и мама, с разрешения коменданта, увезла его учиться в 8 классе в Богословск (Карпинск) к нашим родственникам, тоже спецпереселенцам. Я ходила в школу в Павду за 12 километров от дома на неделю с подружкой, соседской девочкой. Папе дали премию – 10 метров бязи. Мама сшила мне два платья одинакового фасона. В поселок привезли по ленд-лизу американские посылки. Подарки давали тем ученикам, у которых отцы были на фронте. Одна из девочек поднялась из-за парты и сказала, что ей не нужно платье. «Отдайте его Фае Михалевой, так как у нее

всего одно только платье», – сказала девочка. Я встала и сказала: «У меня папа дома. Платье мне не нужно. И платьев у меня не одно, а два, просто сшиты они одинаково». А маме дома сказала, чтобы она перешила одно платье, и все знали, что у меня два платья.

После 7 класса мне учиться не пришлось. Я пошла няней в детские ясли. Через год меня взяли в контору ученицей.

В семье было 7 детей. Миша кончил 10 классов. Через районную комендатуру ему разрешили ехать поступать в Свердловск в политехнический институт. Он сдал экзамены успешно и прошел по конкурсу. Это был первый студент в поселке. «Кем он будет?» – недоумевали люди. Знали специальности – врач, учитель, бригадир, десятник, начальник. Слово инженер звучало в те годы странно.

Перед братом Михаилом, студентом, часто закрывались двери. В комсомол его не приняли. По паспорту, выданному на основании справки об освобождении (как будто он был в местах заключения), не мог выехать, так как его не прописывали в гостинице. Миша написал заявление в областной комиссариат и ждал очереди два месяца. Комиссар его принял и помог молодому парню получить паспорт на основании свидетельства о рождении. Я свой паспорт получила сроком на год по свидетельству о рождении.

Наступил 1945 год. Для нас этот год был двойным праздником. Нас освободили, выдали паспорта. Собрали собрание, и комендант в последний раз зачитал список всех переселенцев, которые освобождались. По списку это был 251 человек. Сколько было радости, слез, поздравлений! Все плакали, сожалели о тех многих, кто не дожил до этого дня. Кто-то уехал, получив документы. Мы остались, ехать нам было некуда и незачем.

О жизни спецпереселенцев всего не расскажешь. Все это надо видеть и пережить. К нам привозили на поселение поляков, но перевели в другое место. Трудармия в годы войны состояла в основном из украинцев и узбеков. Они жили в лесу с ограждениями и

вышками. После войны их отпустили, только осталось их совсем мало. Замерзали на дорогах, умирали от голода, болезней. Купить они ничего не могли, а паек был ничтожно мал. После привезли немцев. Их тоже осталось немного от недоедания, болезней, тяжелой работы. В 1947 году была отменена карточная система на хлеб, и стало легче.

Самое страшное, что запомнилось из детства – это голод. Представьте: девочка 11 лет, одна идет по заснеженной тропинке с котомкой за спиной 12 километров в школу по тайге. Сейчас это трудно представить. В тоже время мы были детьми и по-своему веселились. На Новый год нам дали подарки: две плюшки и несколько конфет. Но сколько было радости! За этими подарками мы с подружкой шли в школу 12 километров. Думали – так надо. В школе пели:

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – наша мудрость и полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет!

На фронтонах школ и всех детских учреждений красовались слова: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Вот уж, действительно, детство было «счастливым»! Мы были покорными, забытыми, маленькими старичками.

Дед, Устин Федорович, после освобождения с острова на реке Лене, прибыл к нам и рассказывал о всех ужасах жизни людей, где он был. По сравнению с его рассказами, у нас был рай. Пришел он больным, ушел в церковь и молился. Бабушка на поселении работала на ледяной дороге, простудилась и умерла. Их сын Александр, погиб в Финскую войну. Вся семья Устина Федоровича, кроме нашего отца, погибла. Наш отец тоже умер рано, сгорело его здоровье на работе. Мать дождалась правнуков.

Благодаря нашим трудолюбивым родителям, тем здоровым крестьянским корням, дети вышли из семьи хорошие, образованные.

Михаил – начальник лаборатории научно-исследовательского института железнодорожного транспорта в Нижнем Тагиле. Окончил аспирантуру, имел печатные труды в СССР и за рубежом.

Герман – доктор экономических наук, ректор Краснодарского экономического института. Виктор – механик. Борис – прораб по строительству доменных печей. Александр – инженер. Фаина – начальник планового отдела качанарского леспромхоза. Алевтина – инженер. Все, кроме Михаила, живы.

Родители смотрели на нас, переживая и ожидая, что их дети будут свободными людьми. Они в это верили. Их ожидания сбылись. Мы выросли из голода, холода, вшей. Все мои братья и сестры трудились добросовестно всю свою сознательную жизнь.

У меня двое детей, двое внуков и три правнука. Я — труженик тыла, ветеран труда, награждена четырьмя юбилейными медалями, грамотами. Имею благодарности за 47 лет безупречного труда.

Пашенкова Зинаида Ивановна

Многие жители города знают эту жизнерадостную и приятную женщину. Ведь Зинаида Ивановна 13 лет работала воспитателем детского сада № 6, более 20 лет – заведующей детского сада № 10 и методистом два года. Кто-то воспитывался у нее, кто-то каждое утро отводил своих Машенок и Андрюшек в этот детский сад.

Зинаида Ивановна – из семьи репрессированных. Ее отец, Халтурин Иван Дмитриевич (1904 г.р.), с семьей жил в деревне Малые Гари Лебяжевского района Кировской области. Семья была большая, трудолюбивая, в которой все трудились от зари до зари, чтобы достойно жить. В хозяйстве были коровы, земля, дом. Иван Дмитриевич до высылки был уже семейным. В семье было два сына и дочь.

В 1930 году семью Халтуриных раскулачили и сослали на Урал. Из вещей почти ничего не взяли с собой. Больную бабушку оставили у соседей. Высыла-

Семья Халтуриных. 1947 г.

Халтурины. 1955 г.

лись дед, Иван Дмитриевич с женой и тремя детьми и две сестры. Посадили всех в телегу и повезли на железнодорожную станцию. В товарном вагоне доехали до Свердловска, а оттуда – в тайгу, где должен был строиться трудовой поселок Федино.

Условия жизни в первые годы были ужасными. В построенных бараках постоянно умирали люди от болезней, несчастных случаев, от горя и страданий. У Ивана Дмитриевича умерли отец, дочь, скончалась жена, не выдержав всех испытаний. Мужчина остался вдовцом с двумя сыновьями. Он съездив домой, в Кировскую область, и привез оттуда девушку, Татьяну Сергеевну (1912 г.р.), тоже Халтурину, из семьи однофамильцев. Их первый сын тоже умер. В 1938 году родилась дочь Валентина (она сейчас проживает на Украине), а ровно за неделю до начала Великой Отечественной войны – 15 июня 1941 года дочь Зинаида.

Старшие сыновья Ивана Дмитриевича, Виталий и Иван, выросли и до войны учились в ФЗО в Нижнем Тагиле. Судьба у братьев разная. Виталий после учебы в ФЗО работал в Североуральске, имел

бронь, всю войну трудился на военном производстве. После войны жил и работал на Ису, потом в Качканаре. Был признан лучшим кузнецом.

Иван ушел на фронт защищать Родину. Будучи в отпуске дома, совсем юный парнишка учил ходить свою маленькую сестренку Зину и говорил: «Кончится война, женюсь, и у меня будет много детей». Но мечта его не сбылась. Ваня погиб на фронте в 1942 году.

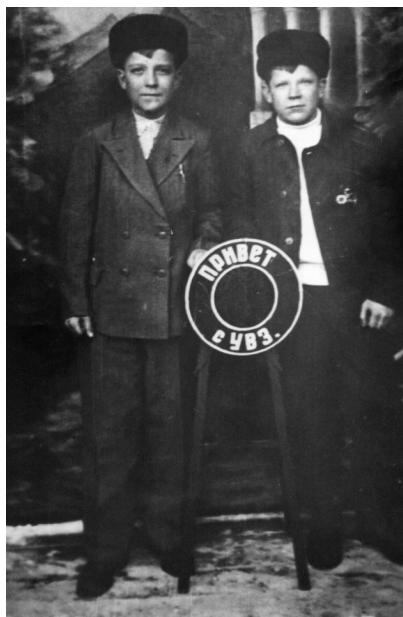
Иван Дмитриевич всю жизнь в поселке был строителем. Сначала строил бараки, потом дома, учреждения, плотину. Был прорабом, начальником участка. Родители Зинаиды Ивановны рано ушли из жизни. Столько пережито, перенесено испытаний, столько потерь. Не каждый человек может все это вынести.

Младшая дочь Халтуриных, Зинаида, училась в Фединской, потом в Исовской средней школе, окончила Свердловское педагогическое училище. Замуж вышла за Пашенкова Виктора Филаретовича, тоже из посёлка Федино и из семьи спецпереселенцев. Молодая семья по направлению приехала в 1962 году в Качканар и с тех пор не изменила своему выбору. Виктор Филаретович после окончания Исовского геолога – разведочного техникума и горного института трудился в ГОКе, а Зинаида Ивановна – в детском саду. Она – ветеран труда и ветеран ГОКа, ее труд отмечен грамотами и благодарностями.

У Зинаиды Ивановны два сына и три любимые внучки. Вместе с мужем любила работать в саду, выращивала много цветов. Всегда хотелось иметь дом у реки, но эта мечта не сбылась, хотя много ее заветных желаний в этой жизни исполнилось.

Зинаида Ивановна сейчас является председателем Качканарского отделения жертв политических репрессий и много времени и сил отдает этой работе.

Брат Виталий с другом

Сестры Плехановы

Село с красивым названием Елочное расположилось в живописной местности среди озер и лесов в Лебяжьевском районе Курганской области. Село в тысячу крестьянских дворов было очень большим. Конечно, былая слава этого села была уничтожена еще в 30-е годы XX века. Сейчас Елочное – это небольшое село, большей частью населено приезжими и дачниками. Почва здесь, в Зауралье, черноземная, жирная, хоть на кусок хлеба мажь. В лесах ягод море: дикая вишня, малина, черника. Озера богаты рыбой. В сезон здесь обитают красивые и гордые лебеди, поэтому и район называется Лебяжьевский.

Местные крестьяне до появления колхозов сеяли много хлеба, продавали его государству. У местного зажиточного крестьянина Герасима Плеханова была ветряная мельница, много домашнего скота.

В семье его сына Плеханова Николая Герасимовича и его жены Натальи Артемовны было много детей, но все они умирали в младенчестве от разных болезней. Двум дочерям, Клавдии (1917 г.р.) и Евдокии (1923 г.р.) удалось выжить и прожить долгую и тяжелую жизнь. В 1924 году скоропостижно умирает Николай Герасимович. Остается вдова с двумя детьми. Хозяйство очень велико, управляться с ним одной Наталье Артемовне не в силах. По ее воспоминаниям, работала она в те годы так, что платье от пота не успевало просыхать. В дом пришлось ей взять работника Захарова. От него родилось у Натальи Артемовны два сына. Братцы оказались потом по жизни непутевыми, зато всегда веселыми. Всю жизнь сестры заботились о них, воспитывали, помогали, как могли.

В селе Елочном уже в 1926 году сначала создали коммуну, а потом колхоз. Наталья Артемовна пошла работать в колхоз дояркой. В 1931 году семью Плехановых раскулачили за ветряную мельницу и работника Захарова и сослали в тайгу в Челябинскую область.

Барак от барака – на внушительном расстоянии, кругом лес. Здесь сосланные, в основном, кулаки, должны были построить поселок Аша, переросший потом в город. Сначала все работали в леспромхозе, рубили лес для строительства. Бедная женщина с четырьмя детьми, старшей дочери только 14 лет, остальные мал мала меньше. Раздетые, разутые, голодные в холодном бараке. Наталья Артемовна познакомилась с учительницей местной школы, и та посоветовала ей устроиться в школу техслужащей. Это было в какой-то мере спасением. При школе была комната, в которую вселилась семья Плехановых. Дети могли без верхней одежды и обуви ходить на занятия в школу. Старшей Клавдии не пришлось учиться, она всегда помогла матери.

Один год посещала ликбез, где по букварю для взрослых училась читать «Мы – не рабы». Рабы, да еще какие! Евдокия окончила 7 классов, что по тому времени было даже неплохо.

Все жители поселка отмечались в комендатуре. В 1936 году молодым людям были выданы временные паспорта с отметкой. Когда началась Великая Отечественная война, всех взяли на фронт. Вернулись после войны единицы.

Наталья Артемовна во время войны уже работать не могла. Евдокия Николаевна работала в столовой официанткой, кассиром. В феврале 1944 года ее мобилизовали в армию и направили на курсы шоферов. Как не уговаривала Евдокия Николаевна, чтобы ее направили на курсы медсестер, но кто слушал просьбу молодой девушки.

Окончила курсы шоферов в посёлке Аша и была отправлена в воинскую часть в военный городок в город Городец Горьковской области. Девчат обучали 12 военным дисциплинам и стрельбе. Сначала все попали в пересыльный пункт, затем – в запасной. Спали они в холодных землянках в шинелях, в ботинках. В деревянном полу щели, а в них снег. На пол клали маты и так ночевали.

А война тем временем все дальше отходила на запад. В действующую армию, которая направлялась на Кавказ и уехала без шоферов – женщин, так они и не попали.

Привезли в Москву, на вокзале жили несколько дней. В феврале 1945 году отправили в город Калинин. Опять такие же холодные землянки. Многие из девушек простужались, болели. Никто не думал о них, что это будущие матери. Опять была военная

подготовка, стрельба. Новые американские «Форды» стояли на колодках, готовые в любую минуту по приказу вместе с женщинами – водителями влиться в действующую часть, чтобы скорее окончить войну. В Калининские женщины – водители возили горючее на аэродром. Сюда же с фронта целыми вагонами везли сумасшедших бойцов. Их надо было развозить по больницам и домам. Что только они не вытворяли, могли перевернуть даже машину.

В мае 1945 года в городе Калинин встретила Евдокия Николаевна победу и в июле 1945 года вернулась в посёлок Аша. Она не считается участником Великой Отечественной войны, так как не была в действующей армии. 3 года назад Евдокию Николаевну причислили к контрактникам и увеличили пенсию на 500 рублей.

После войны работала Евдокия Николаевна в поликлинике санитаркой, медсестрой. Клавдию Николаевну на фронт тоже призывали, но вернули. Во время войны она была в прислугах у коменданта. После работала в столовой рабочей.

В 1958 году родственники, живущие за Косьей на 20-м километре, написали о строящемся городе Качканар. Сестра приехала сюда. Евдокия Николаевна работала в поселке в магазине, потом – в ГОКе. Клавдия Николаевна в СУ-4 трудилась штукатуром, в медпункте санитаркой.

Давно умерла мать, нет в живых братьев. Сестры живут сейчас вместе, коротают длинные ночи и короткие дни. На улицу не выходят, так как у обеих были переломы ног. К ним приходят родные, просто знакомые, работники из соцзащиты – ведь мир не без добрых людей.

Ведякины

В 1959 году устраиваться на работу в трест «Качканаррудстрой» пришла худенькая 17-летняя девушка Ведякина Вера. Пришла не одна, а с отцом, который знал Овсянникова Г.С., начальника отдела кадров треста. Веру как несовершеннолетнюю на работу никуда не брали.

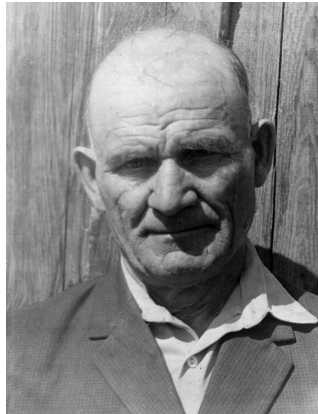
— Если будешь работать, как отец, то возьму, — сказал Георгий Степанович и на работу Веру принял.

Родители Поляковой (Ведякиной) Веры Александровны жили в селе Николаевка Варненского района Челябинской области. Отец, Ведякин Александр Аркадьевич (1920 г. р.) был родом из богатой казачьей семьи. Его отец, Аркадий Трофимович, был членом следственной комиссии войскового круга в 1928 году.

Ведякины – исконные хлеборобы, выращивали зерновые культуры, торговали и кормили хлебом Россию. Хозяйство у них считалось крупным, эксплуататорским. Никакие революционные потрясения такой семье не были нужны.

По архивным данным в 1930 году в хозяйстве у них было три коровы, две лошади, пять овец, домашние постройки, сельхозинвентарь, мебель и домашняя утварь. Описывалось все: и подушки с перинами, ложки с кринками, самовар с чугунами и передавалось в местный колхоз.

Главным хозяином был, конечно, дед, Аркадий Трофимович. Его должны были сослать, но он сбежал. Его сына, Александра Аркадьевича, предупредили, что если откажется от отца-кулака, то его оставят в покое.

А.А. Ведякин

Высылали Александра Аркадьевича еще совсем молодого, только жениться успел. Ему было 20 лет, жене Клавдии Николаевне – 18.

Раскулаченных привезли в Новолялинский район, где Александр Аркадьевич работал на лесосплаве и лесозаготовках. В 1941 году Ведякиных перевели в поселок Федино Исовского района. Александр Аркадьевич, имея бронь, всю войну трудился на Исовском заводе в цехе. Не раз обращался с просьбой в военкомат отправить его на фронт. Жизнь в поселке с многодетной семьей в войну была очень трудной.

Клавдия Николаевна заготавливала жилицу в леспромхозе в посёлке Журавлик и на Ису в шахте была промывальщицей.

Детей у Ведякиных было семеро: шесть дочерей и сын. В настоящее время живы шесть.

Вера Александровна родилась в декабре 1941 года. После окончания школы 1959 году была при-

Семья Ведякиных. 1944 г.

нята разнорабочей в трест «Качканаррудстрой». В СУ-1 строила дома по улице Качканарской и Октябрьской. Окончила вечерний строительный техникум и УПИ, трудилась в конструкторском бюро, в ГОКе – 35 лет. Замуж вышла за Полякова Владимира Федоровича. Родила двоих детей, сейчас у нее четверо внуков. Детство в те годы было очень трудное, но счастливое. Все дети были одинаковые, почти все из сосланных семей. Вместе бегали, ходили на покос. Клавдия Николаевна в 4 часа утра будила своих девочек: «Вставайте, доченьки, пока нет жары, идите окучивать картошку».

В памяти дочерей Ведякиных родители – это прежде всего труженики. Это они своим примером воспитали детей трудолюбивыми, какими были сами всю свою жизнь.

Фединские работяги. 1960 г.

Полушин Иван Филиппович

Родился в 1942 году в поселке Ис Свердловской области. Его отца, Полушина Филиппа Платоновича (1906 г.р.) с семьей выслали из Еранского района Кировской области в 1929 году.

Полушины – хлеборобы, зажиточные крестьяне, у которых в хозяйстве были мельница, земельные уголья, огород, дом, сельхозинвентарь. В семье было 8 человек. Обобранные до последней ложки, напуганные, они прибыли на Ис, кто в чем был. Мужчины сразу принялись за дело: рубили лес и строили щитовые дома.

Филипп Платонович до высылки был женат. Его первая жена умерла вскоре после прибытия на Урал. Вторая жена, Ольга Макаровна, родила 4 детей.

Во время войны Филиппа Платоновича мобилизовали в трудармию в Нижний Тагил. В 1941-45 годах – он был плотником треста «Тагилстрой». Состоял на спецучете до 1943 года. После войны трудился в Исовском прииске плотником. Ольга Макаровна – рабочей на лесопункте.

Их сын, Полушин Иван Филиппович, окончил Исовскую среднюю школу и строительный техникум. Работал в тресте «Качканаррудстрой» и в КЗРГО. Служил в рядах Советской Армии.

С женой Ниной Тимофеевной воспитали сына и дочь. Сейчас у Полушиных трое внуков.

Семья Южаковых

Понамарева (Южакова) Вера Афанасьевна родилась в селе Большой Камень Микояновского района Омской области в 1939 году. Ее родители, Южаков Афанасий Степанович (1903г.р.) и Татьяна Абрамовна(1904г.р.) были сосланы сюда в 1930 году. Большая семья Южаковых жила до раскулачивания в селе Южаково Петрокаменского (Пригородного) района Свердловской области. Дед, Южаков Степан, был церковнослужителем. Его сын Афанасий с женой и маленьким сыном Петром жили под одной крышей с отцом. Сын строил себе дом и не успел отделиться от отцовской опеки. Хозяйство было совсем небогатым. В актах при описи имущества, как рассказывает Вера Афанасьевна, всякая мелочь, необходимая в сельской жизни: вилы, ломаные грабли, лопаты. Забрали лошаденку, корову и участок земли. Не погнушались женской одежды. Жены и дочери тех, кто раскулачивал Южаковых, щеголяли в юбках, кофтах и сарафанах, которые принадлежали раньше Татьяне Абрамовне.

Так молодые Южаковы с сыном Петром (1927г.р.) в 1930 году оказались в Сибири, в Омской области. Оба стали работать в местном колхозе. Материально жилось очень трудно.

Здесь в Сибири у них родилось еще четверо детей: Агриппина, Федор, Вера и Мария.

В конце 30-х годов пришло разрешение вернуться на родину. Но куда там – такая семья.

В 1941 году Афанасий Степанович ушел на фронт защищать Родину и не вернулся. Сложил свою голову когда-то сосланный кулак, защищая Ленинград. В последнем письме домой он писал, что скоро будет бой и неизвестно, вернется ли он из него живым. Давал наказы старшему сыну и дочери, чтобы слушались и помогали во всем матери. Так Татьяна Абрамовна

осталась вдовой с пятью несовершеннолетними детьми: старшему Петру – 15 лет, а младшая Мария родилась в 1941 году.

Первые годы после войны ничего не было известно об Афанасии Степановиче: где погиб и похоронен. Благодаря ленинградским поисковикам были обнаружены в лесах тела бойцов. По солдатскому медальону отыскался Южаков Афанасий Степанович. Пришлось воевать и Петру Афанасьевичу, старшему сыну. В конце войны он был призван на фронт. После войны и службы в армии поселился в г. Невьянске, обзавелся семьей и жил там до самой смерти.

После войны, в 1947 году, Татьяна Абрамовна с детьми вернулась домой в село Южаково Пригородного района. Тянуло в родные места.

В эти годы жилось семье очень трудно. Вера Афанасьевна вспоминает, что ей пришлось пойти в школу в 1 класс только в 9 лет. В Сибири в селе не было школы. Одежды и обуви никакой.

Окончив 7 класс, ей пришлось идти работать в колхоз. Работала на тракторе и комбайне. Здесь встретила свою судьбу, вышла замуж за Понамарева Сергея Константиновича.

В Качканар Понамаревы приехали в 1974 году. Оба устроились работать в ГОК. После Вера Афанасьевна перешла работать на радиозавод, оттуда ушла на пенсию. У них сын и дочь, 4 внуков и 3 правнуков. Оба – ветераны труда.

Остались в живых только сестры, братья умерли. Сестра Мария Афанасьевна тоже работала на радиозаводе и живет в Качканаре.

Каждую весну и вплоть до заморозков супруги Понамаревы уезжают в с. Южаково в свой родной дом, в свое гнездышко, где так уютно, тепло и сердечно.

И листья над нами летят

Судьбы людские, как опавшие листья. Пока лист зелен, он выполняет свое основное предназначение – дает силу Дереву жизни. Осенью окрасится на миг, полыхнет золотом или багрянцем, сорвется и упадет на землю. А беспощадное время, как листву, сметает с лица земли одно поколение за другим.

Отец Сазоновой (Ереминой) Анны Игнатьевны (1937 г. р.), Игнатий Михайлович Еремин родился в 1908 году в деревне Крутиха, что на юге Тюменской области. Ему было 9 лет, когда в стране свершилась Октябрьская революция. Он на всю жизнь запомнил эти события. Как по городу Ишиму проходили войска мятежного Колчака, оглушительно стреляли из орудий и драли нещадно местных самогонщиков за то, что те спаивали солдат. В 1921 году здесь произошло восстание крестьян против новой власти. Но власть установилась надолго.

Два года на юге области была засуха, а на третий год пришла из Средней Азии саранча и съела почти весь хлеб. Тот, что остался, выгребли уполномоченные представители власти. Начался голод.

В 1930 году стали создавать колхозы. Родители подчинились советской власти, вступили в коллективное хозяйство. Три лошади и шесть коров отвели в общее стадо. Но это не спасло их от репрессий. В марте этого года семью выслали на Северный Урал, на лесозаготовки.

Игнатию Михайловичу исполнилось 22 года – возраст счастья, любви, надежд, душевной жажды познаний и открытий. Все обернулось подневольным рабством с ужасающими условиями жизни. Испытали все: голод, холод, издевательства, оскорбления, каторжный труд, что привело к вымиранию почти целого поселка. Из 400 семей осталось только 100.

В леспромхозе работали на заготовке дров и деловой древесины. Игнатий Михайлович работал лесорубом на ручной валке. Валить лес годами изо дня в день может не каждый мужчина. Отработал так 10 лет. В конце 40-годов появились бензопилы, работать стало легче. Еще 13 лет отработал на ручной валке леса

в постоянном напряжении на грани возможного – это высота, которую сумел одолеть. Это был настоящий трудовой героизм. Но жили ведь под комендатурой, поэтому считались врагами народа и никаких наград за свой труд не получали. Ордена и медали будут, но только значительно позже.

А пока молод – в душе непрерывная весна. Встреча с Катюшей, тоже из семьи сосланных, как яркое солнышко, осветила навсегда его жизнь. Они поженились в 1936 году. Молодые вначале жили в тесных бараках, которые сами когда-то срубили, в четвертушках – квартирах, в избушках. Сменили много поселков в связи с новыми территориями лесозаготовок. Вместе с детьми, а их было шесть, скитались по неустроенным казенным квартирам. Игнатий Михайлович решил построить

Ерёмины. 1905 г.

собственный дом и осуществил задуманное. Дом – это не просто стены и крыша. Это то, что объединяет живущих в нем людей общими интересами, заботами и содержанием. Это то, что даёт силы выжить в любых условиях. Так и жили, терпели великую нужду, особенно в военное и послевоенное время. Все трудились. Всех своих детей Игнатий Михайлович и Екатерина Павловна воспитали настоящими людьми. Все дети учились, получили образование, добросовестно трудились.

Репрессии не сломили Игнатия Михайловича. Воспитанный на традициях патриархальной крестьянской общины, сам живущий по законам предков, он и детям сумел передать все то лучшее, что было в нем от себя и от своих корней. Жизнь и работа на лесозаготовках была экстремальная. Под холодными дождями, ветрами, на жестоких морозах, в постоянном голоде прошли первые и самые лучшие годы. После 23 лет доблестного труда он заболел, надсадился и потерял прежнюю работоспособность. Но вскоре опять вернулся в лес сучкорубом, затем работал на автозаправке.

Прожил Игнатий Михайлович долгую жизнь – 97 лет. Всегда считал, что лучшее средство прожить долго – выбрать себе какое-то дело и делать его с удовольствием. Продлевает жизнь физический труд на свежем воздухе. Любой труд уважаем.

Игнатий Михайлович прожил большую жизнь в невероятно трудные годы. Выжил и сохранил бодрость потому, что старался жить по христианским заповедям. Не держал на сердце зла, а нес только добро. Мудрость и жизненная стойкость, душевная щедрость, умение сострадать и оказывать помощь снискали ему высокое уважение односельчан. Был он интересным собесед-

Ерёмины. 1938 г.

ником, внимательным и чутким человеком к своим детям и чужим людям.

Старшая дочь Ереминых, Анна Игнатьевна (1937 г. р.) проживает в нашем городе. С мужем Сазоновым Анатолием Тимофеевичем приехала сюда в 1963 году. Анна Игнатьевна работала в магазине продавцом 16 лет, а муж – электриком на дробильной фабрике. В 1979 году Сазоновы уехали в Якутию и трудились в Нерюнгри на фабрике, но вернулись в Качканар. Анна Игнатьевна награждена юбилейной медалью к 100-летию В.И. Ленина, грамотами. У нее есть сын, 2 внуков и 1 правнук.

Анна Игнатьевна – очень миловидная с приветливым и симпатичным лицом, моложавая (ни за что не дать ей те годы, которые отмечены в паспорте), со стройной фигурой, отличная хозяйка. Весь садово-огородный сезон трудится, как пчелка, на своем садовом участке. А какие вкусные огурчики, помидоры, компоты и варенья заготавливает на всю долгую зиму себе и своим родным. А как поет Анна Игнатьевна! Долгие годы она – солистка ансамбля «Журавушка».

Сазонова А.И. у здания музея Мемориала на 12-м километре

Из воспоминаний

Сарсадских (Яглова) Анна Николаевна родилась в 1945 году в городе Верхотурье. Ее родители, Яглов Николай Иванович (1914 г.р.) и Яглова (Вожжова) Мария Алексеевна были посланы из Краснодарского края на Урал в 1932 году. Сведения о семье отца у Анны Николаевны скупы, так как он умер в 1950 году в возрасте 36 лет. Отец матери, Вожжов Алексей Абрамович, был казаком и имел крепкое хозяйство: несколько коров, лошадей, хороший деревянный дом, много мелкого домашнего скота. Но самое главное на зависть всем – в хозяйстве был американский трактор «Фордзон». Его купили, собрав деньги, Алексей Абрамович и его братья. Семьи у всех были большими. Трудились все от зари до позднего вечера. Когда у Алексея Абрамовича было трое детей, у него умерла жена. Он женился второй раз. Жена Татьяна родила ему еще двоих детей.

Потом наступили «вывихнутые» времена. Вот с такой оравой (старшей Марии было всего 12 лет), Вожжовых выставили в зимнюю стужу из теплого края в мир бескрайних лесов, болот и холода. Возле Верхотурья в посёлке Заимка выбросили всех кулаков на снег. Они стали рыть землянки. Вторая жена Алексея Абрамовича умерла здесь почти сразу после прибытия. Умирили все слабые, то есть дети, старики, женщины. Маленьких детей Вожжовы определили в детский дом. Старшая Мария пошла в «люди», нянчилась с детьми в разных семьях. В 1939 году она вышла замуж за Яглова Николая Ивановича. В 1940 году родился у них первенец – Владимир. На фронт Николая Ивановича не взяли. Он числился не благонадежным и состоял на спецучете до 1947 года. В Верхотурье в детской трудовой колонии он работал электриком и был хорошим специалистом. Ягловы и их четверо детей жили напротив трудовой колонии по улице Хан-

кевича, 3. Во время пожара дом этот сгорел. Марии Алексеевне (Николая Ивановича уже не было) дали комнатуху, перегороденную печью.

После смерти мужа Мария Алексеевна работала в детской колонии швеей, шила одежду для подростков. Работа была сдельная, сколько сделаешь, столько и получишь. Поэтому на работе задерживалась допоздна, а дома ждали ее еще маленькие дети. Жили как все в те годы. Анна Николаевна считает, что жила не лучше и не хуже других. Но даже в такие времена всегда оставались прежде всего людьми.

После войны у Ягловых приютились беженцы из Белоруссии. Тетя Маруся и ее дочь Галя Берестовы бежали от голода на восток страны и оказались на Урале. Анна Николаевна со смехом вспоминает, как ее братья шутили над белорусским акцентом Гали. После Берестовы вернулись домой в Белоруссию. Кто знает, как сложилась их судьба? «Это из наших», – говорила Мария Алексеевна о спецпереселенцах, каких было в Верхотурье во множественном числе.

В Краснодарском крае оставалось много родных. Братья Николая Ивановича тоже работали электриками, даже за границу их посылали как лучших специалистов. Все они стремились к знаниям, учебе, детям помогали получать высшее образование.

Нет в живых Марии Алексеевны, три ее младшие сестры живы и, конечно, знают много о всех унижениях и страданиях, которые перенесла их семья в 30-е годы.

Дети Ягловых быстро разъехались из Верхотурья. Анна Николаевна окончила Краснотурьинский индустриальный техникум и по направлению приехала на работу в Качканарский ГОК, где 40 лет трудилась в цехе сетей и подстанций. В Качканаре вышла замуж за Сарсадских Владимира Ивановича, родила сына и дочь. Семья разрослась, теперь уже есть три внука.

Руцкая Раиса Васильевна

Родилась в 1925 году в станице Староизобильной Ставропольского края в семье казака Кузнецова Василия Григорьевича и Евдокии Давыдовны.

Семья Кузнецовых жила очень зажиточно: лошади, коровы, земля, мелкий домашний скот. Для работы нанимали батраков. В 1929 году все хозяйство и дом были конфискованы в пользу колхоза. В их доме разместились правление колхоза.

В 1929 году, до высылки из станицы, Кузнецова Василия Григорьевича арестовали. Когда сослали семью, то тогда отпустили.

На Урал ехали с двумя маленькими детьми. Их привезли на лесоучасток в Тавдинский район Свердловской области. Взрослое население работало в леспромхозе, рубили лес, строили бараки. В поселке Красный Яр Тавдинского района, куда перевели Кузнецовых, жили одни сосланные. Поселок был очень большой. До войны здесь работала средняя школа, больница, детсад и очень богатый колхоз. Василий Григорьевич работал конюхом, Евдокия Давыдовна – дояркой в колхозе.

В войну Василия Григорьевича забрали в трудармию в г. Карпинск. В 1945 году вся семья переехала к нему.

Раиса Васильевна после окончания школы окончила курсы счетоводов. В Карпинске работала продавцом в магазине. В 1949 году вышла замуж за Руцкого Федора Яковлевича. У нее есть сын и дочь, 3 внуков и 3 правнуков.

Трудовой стаж 40 лет, ветеран войны и труда, имеет награды и благодарности.

В Качканар Раиса Васильевна приехала с мужем в 2005 году. В настоящее время после смерти мужа проживает у сына.

Судьбы ее простое полотно

Свинина (Ясакова) Анфиса Фоминична родилась в 1924 году в посёлке Каркалай Удмуртской АССР. В семье Ясакова Фомы Леонтьевича (1895 г.р.) и его жены Прасковьи Ивановны (1898 г.р.), к моменту коллективизации было трое детей: Иван (1918 г.р.), Анфиса (1924 г.р.) и Виктор (1929 г.р.).

Семья Ясаковых жила зажиточно в большом хорошем доме. В доме было все необходимое. На окнах – накрахмаленные ситцевые занавески, на полу – самотканые половики. На столе – посуда и начищенный самовар. Большие часы на стене, отбивающие каждый час. На кроватях – пуховые перины и горка подушек. На столе всегда густо... Хлеб мать пекла большими пышными караваем.

Большой огород был засеян и засажен огородными культурами. Хозяйство было большим: две коровы, лошадь, пять овец, свиноматка с поросятами, куры, гуси, утки.

Работали в семье все, чтобы содержать всю живность, дом и огород. Фома Леонтьевич был мастером на все руки, делал колеса к телегам, ездил по окрестным деревням и продавал их. Прасковья Ивановна была старостой в поселке. Ясаковы жили одиночно и для этой местности богато. Так всегда живут те семьи, где у хозяина растут руки оттуда, откуда им положено расти. И хозяйка не байбачит до обеда, да дети с малолетства приучены к труду. Поселок Каркалай был очень бедным. Всего две семьи жили так, как Ясаковы.

Семья Свиных

В 1930 году в посёлке Каркалай стали создавать колхоз. В него «поперла» вся местная голытьба, пьяня да рвань. Ясаковы ни за что не хотели вступать в колхоз. Но жить им, как они хотели, не дали.

В 1932 году было решено раскулачить семью Ясаковых. Пришли уполномоченные, стали описывать все имущество: одежду, перины, подушки, посуду. Все это добро было изъято. Дом стал сельским советом. Все животные с подворья уведены на колхозный двор. Семья, которая всегда работала и потому имела все, осталась без ничего. Зерно из амбара было вывезено. Пока на улице было тепло, Ясаковым разрешили жить в амбаре.

Фома Леонтьевич сразу после конфискации всего имущества уехал в посёлок Валамас, где жил родственник жены и был начальником. Он помог с получением паспорта и трудоустройством. Не знаю, когда у народа появилась поговорка: «Без бумажки ты – букашка, а с бумажкой – человек». Но в то время иметь паспорт в деревне было большой удачей в жизни. Отец сразу забрал к себе двух младших детей. Мать и старший сын Иван оставались еще в посёлке Каркалай.

Поселок Валамас был большим. В те времена там работали стекольный завод, лыжная фабрика, леспромхоз

и другие предприятия, поэтому работу в поселке можно было найти. Повезло еще Ясаковым в том, что не выслали их, не успели, замешкалось как-то начальство. Другую зажиточную семью увезли куда-то за Урал.

Жилья в Валамаса не было, да и купить хоть какую-нибудь развалюшку было не на что. Жили по углам частных домов несколько лет. Собрав нужную сумму, купили у лесничества небольшой дом. Когда вошли в него, то плакали от радости, все не верилось – свой ли это дом. Кроме основной работы, прирабатывали, где только можно: пилили дрова на продажу, делали срубы. Работящие, они и здесь со временем стали жить неплохо. Сначала купили лошадь, потом корову. Мать, Прасковья Ивановна, стойко переносила все жизненные невзгоды.

В 1937 году в семье родился сын Владимир, а в 1940 – Анатолий. Из всех детей на сегодня в живых осталась одна Анфиса Фоминична. Она мне и поведала историю своей семьи, насколько ее может запомнить восьмилетний ребенок: выброшенные подушки, перины, мать при смерти...

Ясаковых больше не трогали. Во время Великой Отечественной войны Фому Леонтьевича забрали на фронт. Он воевал, дошел до самого Берлина, имел боевые награды. Будучи в пенсионном возрасте, не получал ни одной копейки от государства. Не заслужил пенсии...

Прасковья Ивановна во время войны работала по найму, где придется и куда пошлют.

Анфиса Фоминична в военные годы работала в местной аптеке рабочей, вступила в комсомол.

Кроме основной работы, в сезон все работали на полях. Сейчас Анфиса Фоминична вспоминает, как уполномоченный не отпускал женщин с полей до самой ночи. Как жили по хлебным карточкам со зловещей надписью: «При утере не возобновляется». Потеряешь ли, украдут из кармана или сумки, вырвут из рук в огромной очереди – впереди голодная смерть, если не поможет кто-нибудь. Вечером собирали посылки на фронт: шили, вязали, вышивали. В те годы деньги не имели никакой ценности. Был обмен товаров на продукты. Анфиса Фоминична рассказывала,

как обменяв вещи на картошку, тащила на себе мешки по 35 килограммов.

В 1945 году вышла Анфиса Фоминична замуж за Свинина Леонида Ефимовича, фронтовика-инвалида. В 1939 году ушел он служить в Красную Армию, а потом – сразу на войну. В 1943 году был тяжело ранен. Он рассказывал жене, как в окружении на фронте от голода красноармейцы отрывали каблук у сапог, варили их и ели. Потому жизненный путь у Леонида Ефимовича оказался таким коротким. Умер в возрасте 51 года от тяжелой болезни.

После войны Леонид Ефимович работал кочегаром на лыжной фабрике, Анфиса Фоминична – выдувальщиком на стекольном заводе. После тяжелого заболевания сердца тоже стала работать на лыжной фабрике рабочей. В семье Свининых 6 детей: 2 доче-

ри и 4 сына. Сейчас нет в живых одной из дочерей и сына.

В город Качканар первой приехала дочь Валентина. После смерти мужа в 1972 году, в наш город приехала жить Анфиса Фоминична. В столовую №5 ГОКа устроилась на работу и работала там до выхода на пенсию. Но дома не сиделось, пошла работать в КЮТ вахтером. Где бы она не работала, везде ее хвалили за добросовестность, трудолюбие и порядочность.

Дети у Анфисы Фоминичны все с образованием. Когда умер муж, в семье было три студента, но они не бросили учебу. Два сына – Владимир и Николай – директора школ в Удмуртии, Анатолий – электрик в ГОКе. Дочь Валентина работала инженером на КЗРГО, в ГОКе, сейчас – тоже пенсионер. В ее семье живет сейчас Анфиса Фоминична. Вся ее жизнь в одних воспоминаниях осталась.

Сесекина Маргарита Васильевна

Родилась в 1939 году в т. п. Лабазка Исовского района в семье Елиферевского Василия Афанасьевича (1912 г. р.), который в составе семьи был раскулачен в Краснодарском крае в 1930 году и сослан на Урал. Кроме родителей Василия Афанасьевича, были сосланы 6 детей и все родственники.

Василий Афанасьевич никогда не рассказывал о высылке и о том, как его в январе 1938 года арестовали, затем содержали в Соликамской тюрьме 1 год как агента польской разведки. В 1939 году вернулся, женился на Мальцевой Александре Ильиничне. До войны в семье родилось двое детей. Василий Афанасьевич работал на драге прииска до войны, в военные годы и после.

В 1943 году он был снят со спецучета. Братья с семьями уехали в Краснодарский край. Василий Афанасьевич навсегда связал жизнь с Уралом. После войны в семье прибавилось еще 4 детей.

Жизнь, как у большинства сосланных, была трудной. В тяжелом 1943 году семью обворовали. Воровство не было редкостью тогда. Построенный в п. Косья дом в 1960 году полностью сгорел.

Маргарита Васильевна, старшая из детей, в 1959 году по комсомольской путевке приехала в Качканар на стройку. Работала там, где было нужно: разнорабочей, помощником маляра, маляром, экспедитором в СУ-5, СУ-6, СУ-7, в отделе кадров треста «Качканаррудстрой» и в автобазе. Будучи на пенсии, ещё 10 лет трудилась Маргарита Васильевна в отделе социальной защиты города.

У нее двое детей, трое внуков и трое правнуков. Ветеран труда награждена юбилейной медалью к 100-летию В.И. Ленина, почетными грамотами за добросовестный труд. Очень любит родную уральскую природу и работу в саду. Одна из прекрасных черт Маргариты Васильевны – умение дарить радость другим, ничего не требуя взамен. Кроме основной работы, она всегда вела большую общественную работу в организациях и в классных коллективах, где учились дочь Марина и сын Андрей.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Синцовы

Прадед Синцова Алексей Львовича 1928 г.р., Лев Синцов, жил во времена писателя Л. Н Толстого. Как его великий тёзка и современник, имел такую же бороду и одевался, как граф Толстой. За это его в деревне все звали Лев Николаевич. У него было три сына. Алексей Львович, один из сыновей, занимал высокий пост в городе Вятка в 1907-1908 гг. После революции в 1917 г. он был арестован и, как не принявший новую власть, расстрелян. Это было началом репрессий в семье Синцовых.

Под одной крышей двухэтажного дома жила семья Синцовых в деревне Синцово Оричевского района Вятской (Кировской) области. Деревня была в 68 крестьянских дворов. Прадед и дед Александр Львович имели конюшни, сарай, сеновал, магазин. Александр Львович до революции занимался торговлей. Рядом с домом маслобойня, в ней гнали льняное масло. В хозяйстве было две лошади, две коровы, овцы, свиньи, фруктовый сад, сепаратор на всю деревню.

Семья Синцовых. 1950 г.

Вся семья – это 10 человек, жили в одном доме. У деда, Александра Львовича, было четверо сыновей, судьба каждого из них после революции сложилась по-разному.

Старший сын, Лев Александрович (1904 г.р.), был на службе в Красной Армии. Но в 1927 г. его как неблагонадежного человека из армии демобилизовали. Он вернулся домой в деревню.

Гурьян Львович служил в Красной Армии, погиб в Гражданскую войну, защищая Советскую власть.

Иван Львович сбежал из деревни в город Лысьву Пермской области и поэтому не был раскулачен.

Василий Львович всю жизнь прожил в Читинской области.

В 1928 году Александра Львовича отправили на принудительные работы в поселок Плесецк (ныне космодром России) Архангельской области заготавливать лес. В 1935 г. его освободили. Александр Львович вернулся к семье в поселок Федино Свердловской области, где уже 4 года жили все родные Синцовых.

В 1931 году Синцовы были раскулачены. Осенью этого года они были сосланы в поселок Федино Исовского района Свердловской области. Приехали, как и другие спецпереселенцы, на голое место. Кругом горы, речка Фединка впадает в реку Ис. Места живописные и совсем не похожи на вятские. И жизнь начали совсем другую, чем прежде.

Спецпереселенцев поселили в заброшенный конный завод, где были двухъярусные нары. Рукастые мужики построили бараки, школу, детские ясли, магазин, медпункт, и самое красивое здание в поселке – комендатуру. В ней отмечался каждый из спецпереселенцев, достигший 16-летнего возраста.

Все взрослое население и подростки трудились на лесозаготовках, строительстве и на прииске. Лев Александрович был деловым, сообразительным человеком.

Германия, 1945 г. Во 2-м ряду 1-й слева - Л.А.Синцов

Его назначили бригадиром погрузочных работ в отделе технического снабжения прииска. Образование – церковно-приходская школа. Лев Александрович первым в поселке построил свой собственный дом.

Вечер 11 января 1938 г. ураганом пронёсся по поселку. Арестовали в тот вечер многих мужчин. В НКВД увезли Жандарова, Лоскутова, Рыжова, соседей и друзей семьи Синцовых. Жандаров Александр Степанович (1910 г.р.), чернорабочий Исовского горного техникума, был осужден 31 октября 1938 г. по статье 58 и приговорен к 5-ти годам ИТЛ. Домой не вернулся.

Рыжов Иван Николаевич (1903 г.р.) плотник конторы (Золотопродснаб), осужденный 4 декабря 1938 г. к 10 годам ИТЛ, тоже пропал где-то в лагерях.

К великому счастью из семьи Синцовых никто не был арестован в тот злополучный вечер.

В первый год Великой Отечественной войны у Льва Александровича, как рабочего прииска, была бронь.

27 мая 1942 г., как вспоминает Алексей Львович, сажали в огороде картофель и отцу принесли повестку. В клубе имени Артема поселка Ис провожали новобранцев на фронт. После все призывники некоторое время находились в районе Нижнего Тагила.

Сформированную часть должны были отправить на Сталинградский фронт. Но повезли в другом направлении. Через все республики средней Азии, Кавказ, Крым (где только не были! благо, что страна велика). Встретил День Победы 9 мая 1945 г. боец Красной Армии Синцов в Берлине. Домой вернулся в январе 1946 года.

В поселке Федино во время войны жило много поляков. Так как это были, в основном, женщины с детьми, то очень бедствовали. Они жили на четвертой улице, у самой горы. Так гора до сих пор называется Польская. После войны поляки уехали в Польшу. На узкоколейку в поселок Федино пришел состав, людей погрузили, и не стало в поселке иностранцев. Многие семьи, особенно женщины и дети, подружились и при расставании плакали.

Алексей Львович окончил школу, Исовский геолого-разведочный техникум. По направлению на три года поехал на Колыму в 1947 году на Магаданскую золото-извлекательную фабрику имени Л.П. Берия. Сюда же, тоже по направлению после окончания техникума приехала его будущая жена, Галина Алексеевна, с которой они вместе уже 62 года. В Магадане молодые поженились. В 1950 году у них родился старший сын Александр. Через три года супруги с сыном поехали в отпуск, побывали на Федино, съездили в

Родители А.Л. Синцова

Посёлок Федино

Батуми, Кишинёв. Алексей Львович решил продолжить учёбу в вузе. Засел за учебники, подготовился к вступительным экзаменам в Свердловский горный институт. Поступил в него и в 1953 году по сокращенному курсу, так как имел средне-специальное образование, окончил Горный институт.

По специальности шахтостроитель едет по направлению Алексей Львович работать в поселок Полуноч-

ное на север Свердловской области. В построенных шахтах добывали марганец и железо. В настоящее время шахты затоплены.

Жителями поселка, в основном, были сосланные по национальной принадлежности.

В Полуночном Синцовы прожили 10 лет. В 1963 г. приехали в Качканар и навсегда связали свою жизнь с городом и ГОКом. Алексей Львович исполнял обязанности начальника ОКСа и был главным инженером ОКСа. Галина Алексеевна работала в ГОКе начальником отдела технического контроля.

У Синцовых два сына, три внука и трое правнуков. Александр Алексеевич окончил Исовский техникум и работал на фабрике окатышей. Олег Алексеевич после окончания Свердловского Горного института живёт и работает в г. Екатеринбурге.

Синцовы – труженики тыла, ветераны труда, ветераны ГОКа, имеют награды.

Сторожева Надежда Федоровна

Родилась в 1919 году в деревне Ананкино Кировского района Калининской области в семье Пименкова Федора Захаровича (1884 г.р.) и Анны Григорьевны (1887 г.р.). В марте 1931 года Пименковых раскулачили и с тремя детьми сослали в спецпоселок Лабазка Исовского района Свердловской области.

Сын Леонид (1910 г.р.) до высылки уехал в Ленинград и пропал без вести. Лиза (1915 г.р.), работавшая на драге в спецпоселке, в 1933 году погибла. Петр (1922 г.р.) в ноябре 1941 года ушел на фронт, воевал, умер от ран в госпитале г. Мурманска в январе 1943 года. В живых из детей Пименковых осталась

только дочь Надежда. В 1938 году она уехала в г. Нижний Тагил, работала электросварщиком на Уралвагонзаводе. В 1941 году вышла замуж за Сторожева Алексея Степановича.

В 1947 году Сторожевы с двумя детьми переехали в посёлок Лабазка. Они жили в доме, где была спецкомендатура с КПЗ. Алексей Степанович работал на строительстве драг, Надежда Федоровна – на драге. С 1954 года семья Сторожевых жила в поселке Виллюй Свердловской области. В 1969 году Надежда Федоровна, (муж умер в 1960 году) выйдя на пенсию в 50 лет как многодетная мать, переехала жить в г. Качканар к старшей дочери. У Надежды Федоровны пятеро детей.

Она всегда трудилась добросовестно, имела много благодарностей. Надежда Федоровна – труженик тыла, ветеран труда.

В апреле 2010 года Сторожева Надежда Федоровна умерла.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Мы из Косолманки

Поселок Косолманка, что в Верхотурском районе – один из крошечных островков огромного гугаговского архипелага. Первым осваивать этот островок довелось сосланным кулакам. Во время войны здесь появились немцы, а потом – заключенных целая зона. Так что в этих местах на несколько десятилетий был хозяином комендант.

Сюда в 1930 году выслали семью Панасенко из Успенского района Краснодарского края. На Кубани они жили зажиточно и единолично. Кулаками не были, так как всю работу в своем хозяйстве вели сами. Только на сезонные работы летом и осенью нанимали работников. А всего-то было богатство, что дом, лошадь, пара быков, коров, мелкий домашний скот. По рассказу Татариновой Нины Яковлевны (1933 г.р.), у ее деда, Панасенко Павла Савельевича и бабушки Екатерины Ивановны, был младший сын (имя его давно из памяти стерлось), который решил порвать с семьей отца «кулака». Вступая в ряды партии, он «разоружился» перед ней, указав в заявлении, что его семья – кулаки-мироеды. Таких примеров – сколько угодно, когда дети отказывались в те годы от своих родных.

Так по указке своего сына Панасенко Павел Савельевич и его сын Яков Павлович (1910 г.р.) с семьями оказались в далеком лесном поселке Косолманке, настоящим медвежьим углу. Семьи поселили в бараках, в которых до них находились овцы. Овец выгнали, загнали людей. Кругом вековая тайга. Все, мужчины и женщины, работали на лесоповале. Создали колхоз, назвали его символично – «Рекорд». В нем работали

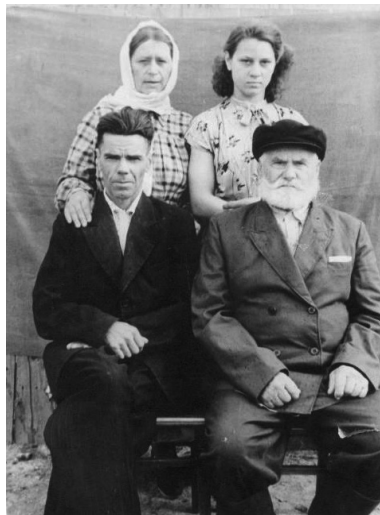
дед и отец трактористом. Мать, Евдокия Михайловна, работала в лесничестве. Молодая семья приехала сюда с одной дочерью, а здесь родилось 7 детей. Выжили в таких условиях 4 дочери. Сейчас живы Нина и Вера.

У Якова Павловича был очень тяжелый неуживчивый характер, постоянно ссорился с кем-нибудь. В 1938 году его судили на два года за непослушание и выслали с семьей в Гаринский район, край бесконечных болот и дремучей тайги.

В начале войны Якова Павловича забрали на фронт. Он воевал все 4 года и вернулся домой живым. У него был исключительный музыкальный слух, хорошо играл на балалайке и очень хорошо пел. На это обратил внимание на фронте командир и предлагал учиться музыке после войны. Какая там учеба и музыка, когда дома такая орава!

Евдокия Михайловна с детьми жила в п. Косолманка и работала в леспромхозе. Особенно запомнился комендант в поселке, который не мог пройти мимо, чтобы не обидеть кого-нибудь. Какой-то зверь, не человек. Однажды он обидел Евдокию Михайловну, то ли не так его поприветствовала, то ли не так посмотрела. Надоело терпеть женщине, у которой муж воевал на фронте, все эти издевки и пожаловалась в районную комендатуру. Стал, как шелковый, с тех пор сам боялся женщин.

В Косолманке была 7-летняя школа, в ней учились дети Панасенко. Летом и всю осень они работали на колхозных полях, помогали сеять, полоть, убирать урожай. Огород

Семья Панасенко

был свой, картофель и овощи выращивали сами, но хватало всего ненадолго. Во время войны собирали мерзлую картошку, пекли из нее лепешки. Имея домашний скот, надо было сдавать государству налоги. Масло, яйца, шерсть – все это становилось государственным добром. Сами были на не один десяток лет вкус масла, сметаны, яиц.

После окончания семилетки Нина Яковлевна поступила в Серовское медицинское училище. Во время каникул всегда работала. Собирала ягоды брусники и клюквы, продавала их и на вырученные деньги покупала одежду. Окончив медицинское училище, стала работать в г. Верхняя Салда в санатории старшей медсестрой. Познакомилась с Гойденко Иваном Федоровичем, вышла за него замуж. Хотя выходила замуж в одной фуфайке (счастье не в дорогой шубе), семья их была

Семья Панасенко

счастливой. Вместе прожили 15 лет. Иван Федорович рано ушел из жизни.

Качканарский этап их жизни начался в 1964 году. Иван Федорович работал в СУ-7 плотником, Нина Яковлевна – в роддоме. Родилось двое детей: сын Владимир, который рано умер, и дочь Татьяна. С семьей дочери сейчас живет Нина Яковлевна.

Потом был брак с Татариновым Александром Захаровичем, которого тоже нет на Земле.

Всю трудовую жизнь отдала Нина Яковлевна медицине. Ее стаж 35 лет. Работала в поликлинике в процедурном кабинете и участковой медсестрой. Работа всегда очень нравилась. Нина Яковлевна – ветеран труда, уважаемый человек.

В Качканаре живет ее сестра Булгакова Вера Яковлевна, вдова первостроителя Булгакова Ивана Трофимовича, тоже реабилитированная.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Терезова Галина Павловна

Родилась в 1937 году в поселке Боровском Исовского района Свердловской области. Её родителей, Блинова Павла Фёдоровича (1907г.р) и Анастасию Никоновну (1906г.р), выслали из Кировской области в 1931 году на Урал. Жили небогато. В хозяйстве было самое необходимое: дом, корова, овца, мелкий домашний скот. При раскулачивании все хозяйство было передано местному колхозу.

В поселке Боровском Блиновы работали на гидравлике, добывали золото и платину. В поселке жили одни ссыльные. Все были под надзором коменданта. В войну сюда были переселены немцы с Поволжья.

Галина училась в поселке в начальной школе, на Косье окончила 10 классов.

В 1960 году с мужем Терезовым Виктором Григорьевичем приехала в город Качканар. Галина Павловна работала в столовых города кассиром, а муж – в тресте «Качканаррудстрой». У них трое детей, двое внуков и два правнука.

В медвежьем углу

Родители приходили домой после работы тогда, когда дети спали. Открывалась дверь, и вместе со взрослыми врывается в комнату барака холодный морозный воздух и скипидарный запах леса. Лесной дух витал по комнате. Родители ужинали, сквозь сон слышны были их голоса. А вот лица родителей, молодые, здоровые, Вере Александровне не запомнились. Рано утром, когда дети досматривали последние сны, они опять отправлялись в тайгу на лесозаготовки. Отец с матерью были на работе от темна и до темна.

Никищенковы Александр Кузьмич (1901 г.р.) и его жена Пелагея Дмитриевна (1901 г.р.) до раскулачивания жили в Западной (Смоленской) области. Хозяйство было вовсе небогатым: одна корова, одна лошадь, мелкий домашний скот. Спали на полу. Один из родственников, затаив за что-то обиду, написал донос на Александра Кузьмича. В 1930 году его за недоимки посадили в тюрьму. Пелагею Дмитриевну с тремя малолетними детьми, деда и бабушку в возрасте 70 лет сослали на Урал. В дорогу взяли с собой мешок еды да мешок одежды. Пока добирались до Урала, в поезде все было украдено ворами. Остались совершенно без ничего.

Высылались зимой, в морозы. Привезли их в тайгу, вывалили, как бревна, на поляну. Свекор Веры Александровны, Титовец Савелий Степанович, рассказывал позднее, как он возил переселенцев с железнодорожной станции в тайгу, в так называемые номерные поселки, и насмотрелся на такое, что забыть не мог до самой смерти. Как дети плакали, кричали: «Дяденька, не бросайте нас здесь!» волосы дыбом встали, но ничего сделать и помочь не мог. Как человек добрый и совестливый, мучился потом всю жизнь этими воспоминаниями.

Никищенковы попали в поселок № 62 Старолялинского района Свердловской области. Спецпересе-

ленцы построили бараки. В них гуляли голод, холод, болезни и смерть. Умирили, большей частью, дети и старики. Сначала умер дед Никищенков, за ним – бабушка, а после два сына, мальчишки 5 лет и полгода. Когда Александр Кузьмич добрался до поселка, то там была Пелагея Дмитриевна с одной дочерью. По словам Веры Александровны, отец сбежал из мест заключения. Возможно, в 1931 году это сделать было можно, не опасаясь за дальнейшую жизнь.

Жители поселка – все спецпереселенцы трудились на лесозаготовках. Зимы были суровыми. Жестокие морозы, свирепые ветры, летом гнус и мошкара мешали (мягко сказано) работать. Женщины из теплых мест, не знавшие в то время о нижнем белье, на себя надевали по три юбки. Валили лес, сплавливали его по рекам.

30 сентября 1938 года Пелагея Дмитриевна работала на колхозном поле с другими женщинами. Тут начались родовые схватки. Прямо на поле родила она дочь, которую назвала Верой. Крошечную дочку замотала в юбку, положила в борозду и пошла дальше работать. У Пелагеи Дмитриевны было 9 детей, но выжили только 3.

Во время войны Александра Кузьмича забрали в трудовую бригаду. Телегами ежедневно вывозили мертвые тела труженников на кладбище. После тяжелого заболевания (язва желудка) Александра Кузьмича комиссовали и отпустили домой.

В войну, как везде и всем, жилось очень трудно. Хотя в 1941 году Никищенковы были реабилитированы, но они оставались бесправными еще долго. В 1948 году их перевели в поселок Сигнальный Исковского района.

В поселке Сигнальном Александра Кузьмича назначили бригадиром. Человек он был честный, справедливый, оставил о себе в поселке добрую память.

Грамотный, уважал людей. Во время ремонта здания под птичник залез на крышу. Погода была очень холодная. Простудился, заболел воспалением легких, и через месяц Александра Лукича не стало.

Вера Никищенкова окончила 10 классов Исовской средней школы. Трудовую деятельность начала се-

кретарем колхоза «Сигнальный». В 1965 году вышла замуж за Титовца Михаила Савельевича. Семья переехала на постоянное местожительство в поселок Валериановский. Вера Александровна работала диспетчером в пожарной части.

У супругов трое детей и восемь внуков.

Братья Мирошниченко

По Столыпинской аграрной реформе в 1910 году уроженцы Полтавщины, три брата Мирошниченко, Данил, Евлампий и Григорий, поехали за обещанным счастьем в далекую Сибирь. После беленых украинских хат и цветущих садов перед ними расстилались бесконечные леса, река, озера

и болота. Братья Мирошниченко оказались недалеко от старинного купеческого города Омска. Земли здесь плодородные, да и место неплохое: южнее – казахские степи, а на восток – бескрайние российские просторы. Торгуй, сколько можешь.

Землю «отвоевали» у дикой тайги, выкорчевали пни. Засеяли и стали жить. Так, в далекой Сибири появился Полтавский район и село Полтавка с жителями, в основном, с Украины, с Полтавщины.

Братья завели свои семьи, построили дома, обзавелись домашним хозяйством. Только вот события 30-х годов развели братьев по разные стороны баррикад.

Я в семье Титусовой Лидии Даниловны, дочери Данилы Власовича.

Данил Власович (1890 г.р.) окончил 4 класса гимназии на Украине и в те годы был образованным человеком. Он очень любил технику и умело в ней разбирался, что помогло потом при высылке.

В 1932 году у Данилы Власовича и его семьи было 10 десятин земли, корова, лошадь, сельхозинвентарь, огромный бревенчатый дом, крытый железной крышей. Да и детей, Слава Богу, было 8, из них выжило 7.

Яков Мирошниченко (слева) до войны

Когда в 1932 году семью Мирошниченко раскулачили, то младшей дочери Анне был всего один месяц. Жили единолично, в колхоз вступать не хотели.

Брат Григорий Власович, председатель сельсовета, раскулачил родного брата, выгнал из родного дома с маленькими детьми. Посадили в телегу и повезли в далекую тайгу. Сначала семья была выслана в северный, Тарский район Омской области. Таких пересылок у семьи было 40! Это за период с 1932 по 1943 год. Только начнут обживать, в сезон засеют какой-нибудь участок земли овощами, те не успеют созреть, а семья уже на новом месте. 40-е место было в Тюменской области в поселке «Лесозавод». Кругом – непроходимая тайга, болота. Река Тура весной выходила из берегов и затопляла местность. Сосланные построили бараки. Посередине – печь, спали на полотах, а укрывались – кто чем мог. Данил Власович работал на пилораме механиком. Дети собирали клюкву, бруснику и продавали их. В поселке все с 16 летнего возраста отмечались в комендатуре. Старшие сыновья, Сергей и Яков, были к моменту раскулачивания взрослыми и не попали на высылку. Оба служили в Красной Армии перед самой войной в Ленинграде и поэтому стали защитниками этого великого города.

Мирошниченко Сергей погиб под городом Пушкино Ленинградской области. На обелиске в память погибшим в Пушкино есть его фамилия. Брат Яков воевал дальше. В 1945 году, выходя из окружения, он подорвался на mine и умер от ран. Похоронен в Литве.

Третий брат Ефим перед войной поступил в Тюменский учительский институт. В справке, которую ему выдал его родной дядя Грицко, в графе «социальное происхождение» было указано, что он – сын кулака.

С началом Великой Отечественной войны все крупные объекты запада страны эвакуировались на восток. В Тюмень был привезен саркофаг с телом В.И.Ленина и установлен в учительском институте. Студенты, в том числе и Мирошниченко Ефим, охраняли здание. Затем и Ефим ушел на фронт, попал под Сталинград и пропал без вести. Так, все старшие сыновья «кулака» Мирош-

Братья Мирошниченко до войны

ниченко сложили свои головы за родину, за Советскую власть. Власть, которая гоняла их родителей с младшими братьями и сестрами по болотам.

В 1943 году тяжело заболел Данил Власович и умер в возрасте 53 лет. В этот же год он и его семья были реабилитированы.

Семье жилось очень трудно. Есть было нечего. Ели мороженую картошку, летом – грибы и ягоды. Мороженую картошку разомнут, скатают в шарики, отварят и потом едят.

Мать, Татьяна Ивановна, работала банщицей в поселке, где работали трудармейцы. Одежду приходилось отпаривать от вшей. В трудармии были люди разных национальностей: узбеки, казахи, калмыки, поляки, евреи.

Лидия Даниловна училась в поселковой школе, а из школы шла работать на пилораму. Вечером при лампе с фитильком делала уроки. Чтобы не уснуть, клала полено под голову. Дорога в школу шла через кладбище. Один раз в темноте она провалилась в могилу.

Лидия Даниловна окончила бухгалтерские курсы и была направлена на работу в детский дом деревню Заморозовка Тюменской области. Это был детский дом для ленинградских детей. По ее воспоминаниям, дети

Семья Мирошниченко.
Во 2-м ряду слева – Л.Д. Титусова (Мирошниченко)

были воспитанными, но после всего пережитого, увиденного, после потерь и утрат, очень нервными.

Сначала работала Лидия Даниловна бухгалтером, потом – воспитателем, позднее – учителем, окончив заочно Гольшмановское педучилище. Детский дом после войны стал вспомогательной школой – интернатом.

Здесь же она вышла замуж за учителя Титусова Андрея Викторовича. Вся трудовая деятельность Титусовых прошла в стенах этой школы-интерната. Здесь родились сын и дочь. Дети не захотели продолжить учительскую династию и оба окончили Тюменский индустриальный институт. Владимир получил направление на работу в город Нижняя Тура, Галина – в Качканар. У детей – свои семьи, свои заботы, радости и проблемы.

После смерти мужа Андрея Викторовича Лидия Даниловна живет в семье дочери Галины Андреевны.

Трундаевы

Семья Трундаевых жила и крестьянствовала в деревне Шамурино Курганской области. В семье было 15 человек. Все жили в одном доме и со своим хозяйством управлялись сами. Только в посевную пору и уборочную нанимали 2-3 человека. Хозяйство было большим: дом-пятистенок, механические сельскохозяйственные орудия (молотилки, веялки), 3-5 лошадей, 5-8 коров, свинья, овцы, мелкий домашний скот.

В 1932 году Трундаевых раскулачили. Хозяйство было конфисковано. Кто в

А.Я. Трундаев. 1975 г.

чем был одет, так и отправился в поселок Еманжелинск Челябинской области. Ни поселка, ни шахт, никаких признаков жилья не было. Людей выселили на пустое место. Переселенцы стали рыть землянки, в которых жили первые годы. В бараки переселились уже тогда, когда были построены шахты. Трундаева Татьяна Константиновна (1904 г.р.) с двумя маленькими детьми трудилась в шахтерском поселке.

Её мужа, Трундаева Якова Гавриловича (1904 г.) и его братьев сослали на север, на Соловки.

О Соловках в 30-е гг. так много написано, создано фильмов и, конечно, никогда словами не передать ту боль, те страдания, унижения, которые перенесли те, которые там оказались.

Началась зима 1933 года, а с ней большие трудности. 30 человек договорились о побеге с Соловков. Стали готовиться к нему: сушили сухари. И сбежали. С севера шли через тундру, заснеженные леса, стороны больших городов и поселков, и продвигаясь все дальше на Урал. Ближе к весне вышли к Свердловску. Из 30 человек осталось в живых только 5. Остальные погибли при разных обстоятельствах.

Яков Тимофеевич тяжело простудился и заболел двусторонним воспалением лёгких. Полгода лежал на лечении в больнице Челябинска. В Еманжелинске нашёл жену с детьми.

В поселке в то время начали строить первые угольные шахты. Не имея никаких документов, Яков Тимофеевич, стоя на коленях, умолял начальника стройки о его приеме на работу. Тот на свой страх и риск взял Якова Тимофеевича. Законы в тот период были мягче. Никто не погнался за беглецами, не судили за побег. После убийства Кирова С. М. 1 декабря 1934 года резко поменялось отношение к политическим заключенным.

До войны в семье Трундаевых было четверо детей. Яков Тимофеевич трудился на шахте, потом и старший сын Александр пришел работать туда же. Для шахтеров были свои магазины, где можно было покупать продукты и предметы необходимости. Татьяна Константиновна управлялась дома по хозяйству. В военные годы Яков Тимофеевич имел бронь как шахтер и на фронт не попал.

После войны он продолжал трудиться на шахте. По льготному списку в 1954 году в возрасте 50 лет вышел на пенсию. Стал заниматься рыбалкой и охотой. По договору пойманную рыбу сдавал в Рыбтрест. Простудившись, умер в 1958 году: сказалось то воспаление легких, которой пронес по дороге с Соловков на Урал.

А.Я. Трундаев. 1962 г.

Сын Трундаевых, Анатолий (1940 г.р.) окончил в 1961 г. Копейский горный техникум. Попал служить в Московский гарнизон в город Реутов. Во время службы по желанию написал заявление о приеме в Саратовское военное училище МВД СССР. Анатолий Яковлевич поступил в училище и окончил его в 1965 году. Служба была недолгой. На Дальнем Востоке в районе Находки он – командир взвода. Взвод охранял заключенных.

В 1967 году Анатолий Яковлевич уволился из армии и приехал в Качканар. На заводе ЖБИ трудился бригадиром, механиком, строил Лайский комплекс. Остальная трудовая деятельность Трундаева Анатолия Яковлевича связана с ГОКом. Отсюда он ушел на пенсию в 2004 г.

У Анатолия Яковлевича есть дочь Юлия, две внучки. Он ветеран труда.

Неоконченная драма

12 января 1938 года навсегда остался в памяти жителей рабочего посёлка Федино Исовского района Свердловской области. В тот вечер доморощенные артисты разыгрывали на сцене поселкового клуба пьесу Островского «Гроза». В клубе собрались все жители поселка. А пока зрители сопереживали страданиям молодой женщины Катерины и не предполагали, что через несколько часов в их семьях разыграются трагедии намного страшнее, чем в драме Островского. Чем закончится эта драма, зрителям не суждено было узнать в тот вечер. В клуб вошли военные в форме НКВД и приказали всем разойтись по домам, так как клуб будет немедленно закрыт. Недовольные зрители разошлись по своим домам, а в клубе погасли огни.

Начиная от клуба милиционеры заходили в дома, бараки, «выдерживая» из семей мужчин, русских, украинцев, эстонцев, латышей. Арестованных увели. В домах – плач женщин, рев детей.

По данным архива жертв политических репрессий Свердловской области в посёлке Федино было очень много арестованных в 1937-38 годах. Одних поставили к «стенке», другие отбывали разные сроки в лагерях огромной страны.

Крылова Ивана Федоровича и его брата Бориса Федоровича тоже забрали в тот вечер и увезли в Нижнюю Туру. Как вспоминает его дочь, Усольцева Антонина Ивановна, отца она с матерью навестила через три дня в тюрьме города Нижняя Тура. Тут на территории машиностроительного завода находилась тюрьма, выстроенная ещё во времена царицы Екатерины II. Крылова Ивана Федоровича арестовали по доносу за якобы подожженные им конюшни. Сначала была тюрьма в Нижней Туре, а потом лагерь в Соликамске. Вернулся Иван Федорович через два года, был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления. Он никогда не рассказывал, что там пережил, чем за-

нимался. Вернулся оттуда больным, сказался возраст, было Ивану Федоровичу более 50 лет.

Семья Крыловых была сослана на Урал из Тверской (Калининской) области Пеновского района деревни Корено-Бубново в мае 1931 года.

Дед Антонины Ивановны, Крылов Федор Иовлевич, был крепким хозяйственником до революции: 150 десятин земли (1 десятина – 1,09 га), старый и новый бревенчатые дома, два крытых сарая, две бревенчатые конюшни, бревенчатая баня, сельхозинвентарь, три лошади, 4 коровы, 19 голов мелкого скота, пчелы, торговая лавка. Все это будет изъято при выселении в пользу колхоза.

Характер у Фёдора Иовлевича – кремень: как сказал, так и будет, посмей только послушаться. У него было три сына. Как женится один из сыновей, строит Федор Иовлевич ему дом, пусть живет с женой и детьми самостоятельно. Но хозяйство было одно. Все работали в нем: и сыновья с женами, и дети.

В 1931 году Крыловых раскулачили, все хозяйство было конфисковано, а сами хозяева как кулаки и эксплуататоры были высланы в посёлок Федино Свердловской области.

Поселок Федино надо было ещё построить. Кругом была непроходимая тайга. Построили бараки, в каждый поселили по 4 семьи. Мужчины работали на драге, женщины вели домашнее хозяйство. В 1936 году выдали спецпереселенцам паспорта, но ненадолго. Федор Иовлевич уехал с женой в Калининскую область. Семьям молодых мужчин уезжать не разрешалось. Потерялся в те годы на просторах великой страны один из сыновей Крылова Федора Иовлевича. Кто знает, как сложилась его судьба, но о нём ничего неизвестно в семье Антонины Ивановны.

Во время Великой Отечественной войны Ивана Федоровича на фронт не взяли, он тяжело был болен

после лагеря. Мать, Анна Петровна, работала техслужащей в клубе имени Артема. Антонина Ивановна работала швеей в мастерской посёлка Ис, в которой женщины шили военную спецодежду.

После войны в 1946 году Антонина Ивановна вышла замуж за Усольцева Федора Михайловича, инвалида Великой Отечественной войны. Он участвовал в войне с финнами, фашистской Германией и Японией. До войны отслужил 3 года в армии, поступил в военное училище. Приехал в отпуск домой и тут – война. Во время войны пришла в семью похоронка о гибели Федора Михайловича. А в то время он был в окружении. На обелиске в память погибшим в Великую Оте-

чественную войну жителей посёлка Ис выбита фамилия Усольцева Ф. М. Через суд пришлось доказывать ему, что он остался жить.

В семье Усольцевых две дочери и сын. Сейчас дети Усольцевых пенсионеры, выросли внуки, появились правнуки. В 1970 году Усольцевы приехали в Качканар и работали в городе до выхода на пенсию: Федор Михайлович в «Уралспецстрое», Антонина Ивановна – в столовой №10.

Давно похоронены старшие Крыловы на кладбище посёлке Троицком, нет в живых Усольцева Ф. М. Антонина Ивановна, как берегиня домашнего очага, бережно хранит все документы тех далеких лет.

В лесном поселке

Советский лозунг: «Мы должны воспитать человека, который обязан быть счастливым» очень часто не увязывался с жизнью советских людей.

Семья Авгумберга Петра Матвеевича (1888 г.р.) в составе жены Акулины Алексеевны (1896 г. р.) и 4 детей: Николая, Александра, Ивана и Зинаиды была сослана в 1931 году в посёлок Юрты Новолялинского района из Западной (Смоленской) области, Сафоновского района, села Лисичино. В 1928 году Петр Матвеевич был лишен избирательных прав за эксплуатацию чужого труда. У Авгумберга в хозяйстве было:

	пахота	лес	лошадь	корова	жере- бята	телята	овцы	свиньи
До револю- ции	27 га	15 га	2	3	1	2	12	2
В 1928- 1929 г.	27 га	-	3	4	-	-	2	-

Размер налога составлял: в 1928 году 136р.10 к. в 1929 г. – 318 р. с процентной надбавкой в 1930 г. – 329 р.

В хозяйстве пользовались наемным трудом в летний период.

В результате проверки следственной группы ОГПУ при Концпункте хозяйство Авгумберга П.М было признано кулацким, так как применяло наемную силу в летний период и подлежало высылке за пределы области. Петр Матвеевич, латыш по национальности, был признан кулацким элементом и подвергнут политической репрессии по классовому признаку – раскулачиванию и выселению из села Лисичино Западной области.

Неприветливо встретила раскулаченную семью уральская земля. Вокруг тайга, болото, гнус, безлюдье. Построили бараки. Вскоре после высылки в 1931 году Петр Матвеевич умер. Его семья продолжала жить в таежном поселке, где не было света, школы,

З.П. Фалалеева

больницы, магазина. Сосланные жили как на необитаемом острове.

11 января 1938 года ночью были арестованы братья Николай и Иван Августберги. Старший Николай умер в тюремной больнице еще до суда. Младший из братьев Иван, 19 – летний парень, чернорабочий сельскохозяйственной артели «Трудовик» из т. п. Нясьма был осужден 14 марта 1938 года на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Домой Иван Петрович не вернулся. В семье о нем никто ничего не знал. И по сей день родные не знают, как и где погиб Иван Петрович.

В ту зловещую ночь в т. п. Нясьма арестовали 8 человек. Ни один из них не вернулся. Житель поселка Марчук несколько раз писал запросы, чтобы узнать о судьбе сына, но ответа не получил ни одного.

Средний брат, Александр Петрович, во время Великой Отечественной войны был на фронте, воевал. После войны вернулся в поселок.

В 1941 году умерла мать Акулина Алексеевна. Самая младшая из детей Августбергов, дочь Зина, которой при высылке было 3 года, в начале войны осталась круглой сиротой.

Голод запомнился Зинаиде Петровне на всю жизнь. 200 граммов черного вязкого хлеба да трава, грибы и ягоды. Траву ели любую, грибы тоже. Не обраща-

ли внимание, съедобные они или ядовитые. Когда собираются сейчас со снохой, то шутят: «Мы живем так долго на земле, потому что съели всю траву, какая здесь растет». Уже после войны Зинаида, впервые увидев сахар, спросила: «Что это такое?» Не было мыла, спичек, обуви и одежды. Чтобы растопить печь, брали угли друг у друга.

Паспортов не было. Без паспорта нельзя было уехать и устроиться на работу в городе. Школы в поселке тоже не было, поэтому Зинаиде Петровне совсем не довелось учиться. Читать и писать она научилась дома у родного дяди.

Жить довелось в поселках Юрты, Нясьма, Белая и Журавлик. Когда в посёлке Журавлик открыли больницу, Зинаида Петровна устроилась работать санитаркой.

В 1952 году вышла замуж за Фалалеева Серафима Алексеевича, родила 2 сыновей. Сейчас у Зинаиды Петровны трое внуков и одна правнучка. С началом строительства города Качканара в 1957 году Фалалеевы приехали на новостройку. Серафим Алексеевич работал плотником на стройке, потом в ГОКе сварщиком. Зинаида Петровна трудилась в тресте «Качканаррудстрой» 16 лет и 9 лет – в ГОКе. Она награждена юбилейными медалями как ветеран войны и труда, имеет много благодарностей за добросовестный труд.

Учетная карточка

Район *Садгородовский*
Сельсовет *Лисинский*
Деревня *пос. Лисинск*

1. Фамилия, имя и отчество *Августберг Петр Матвеевич*
2. Год рождения *1884г*
3. Место рождения *Зам. области области Голышмановский уезд*
района Вереянского волости с/совета с/дереви Волынского деревни.
4. Место жительства *Зам. области Садгородовский уезд пос. Лисинского с/совета пос. Лисинск*
5. Состоял ли под судом или следствием (гас, когда, за что и определение суда)
Нет

6. Состав высылкаемой семьи:

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Трудоспособность	ПРИМЕЧАНИЕ
1	<i>Сестра</i>	<i>Августберг Петр Матвеевич</i>	<i>42</i>	<i>трудосп.</i>
2	<i>Мать</i>	<i>Акулина Алексеевна</i>	<i>47</i>	<i>—</i>
3	<i>Сын</i>	<i>Иван</i>	<i>14</i>	<i>не трудосп.</i>
4	<i>—</i>	<i>Александр</i>	<i>10</i>	<i>—</i>
5	<i>—</i>	<i>Александр</i>	<i>10</i>	<i>—</i>
6	<i>Дочь</i>	<i>Зинаида</i>	<i>3</i>	<i>—</i>

Оберемщиковы

У этой женщины очень мягкие, теплые руки, поэтому когда бывала у неё на приеме, никогда не боялась ни жужжащей бормашины, ни боли, которую мы испытываем, стоя у двери зубо-врачебного кабинета. Тамару Исаевну Хмельёву я знаю давно как порядочную, приятную и очень добрую женщину.

Хмельёва (Оберемщикова) Тамара Исаевна родилась в 1932 году в городе Свердловске в раскулаченной семье. Её родители, Оберемщиков Исай Иванович (1903 г.р.) и Домна Александровна (1903 г.р.) жили в селе Малое Дубровно Половинского района Уральской (ныне Курганской) области. Родители занимались своим хозяйством. В хозяйстве было несколько лошадей, 4-5 коров, 15 голов мелкого скота, пятистенный дом, конюшня, баня, самовяз и сенокосилка. На время сезонных работ держали в хозяйстве двоих батраков. Исай Иванович торговал скотом. Чистого дохода в год имели до 1000 рублей, что было в те годы даже очень неплохо.

В 1928 году Исаю Ивановича лишили избирательных прав как эксплуататора рабочего труда. В 1929 году его судили за невыполнение твердого плана по хлебозаготовкам. А были они просто работягами, которые помнили: чтобы хорошо жить, нужно хорошо трудиться.

В июне 1931 году Оберемщиковых раскулачили, конфисковали все и сослали в соседнюю Свердловскую область. Исай Иванович, Домна Александровна, бабушка Ульяна Мироновна и двое детей, сын Дмитрий, 8 лет и дочь Антонина, 2 лет, ехали на телеге, погрузив в неё кой-какие пожитки. Дочь Тоню не довели до места ссылки. Двухлетняя малышка умерла по дороге, пока ехали – пылили по бесконечным разбитым российским дорогам – колдобинам.

Супруги Оберемщиковы

Ссылных привезли в Гореловский совхоз на Широкой речке. Мужики построили быстро землянки, крыши которых накрыли домоткаными половиками. Так жили первое время. В 1932 году у Оберемщиковых родилась дочь Тамара.

То время было временем великих строек. В Свердловске строили Уралмаш, Исаю Ивановича перевели на стройку плотником. В бараке дали им комнату. Для рабочих строили бараки, для специалистов – двухэтажные дома.

Позже пришлось Исаю Ивановичу работать десятником по лесозаготовкам на 323 квартале до 1940 года. Крестьянина, хлебопашца тянуло работать в сельском хозяйстве. В колхозе посёлка Нагорное Верхнепышминского района трудился колхозник Оберемщиков И. И. бригадиром до выхода на пенсию. Построил хороший дом, в хозяйстве всегда были корова, домашние птицы, приусадебный участок. За доблестный труд награжден Исай Иванович орденом

Семья Хмелевых на Камчатке. 1983 г.

Ленина и орденом Трудового Красного знамени, медалью «За освоение целинных земель». Представлен был к званию Героя Социалистического Труда, но припомнили, что он бывший кулак и по социальному происхождению не вписывается в звание Героя.

А Исай Иванович никогда обиды не держал, что так с ним поступили и всегда защищал Советскую власть. «Хорошая у нас власть», – говорил он жене и детям.

В грозном 1941 г. восемнадцатилетний сын Дмитрий ушел на фронт и погиб в 1942 году под Тулой, навсегда оставшись в скрижалях погибших защитников Родины.

Тамара окончила среднюю женскую школу на Уралмаше, поступила в зубоврачебную школу. После её окончания направлена на работу в посёлок Косья

Нижнетуринского района. Молодого специалиста, зубного врача Тамару Исаевну здесь просто боготворили. Тут и счастье свое нашла. К родителям в отпуск приехали из Якутии молодые парни – геологи, работавшие там по направлению после окончания Исовского техникума. Встреча с Хмелёвым Евгением Николаевичем оказалась судьбоносной. 53 года прожито вместе, родили и воспитали трех прекрасных детей, сына и двух дочерей.

Как верная жена, Тамара Исаевна поехала к мужу в далёкую Якутию, там прожили шесть с половиной лет. В Якутии родились Андрей и Лена. После Якутии – строящийся молодой город Качканар. Тамара Исаевна работала в стоматологической клинике, Евгений Николаевич – в лаборатории ГОКа. В 1963 г. родилась дочь Людмила.

В 80-е гг. друзья Евгения Николаевича пригласили его на работу в Камчатскую экспедицию по разведке золота. Теперь семья Хмелёвых на Камчатке. После – опять Качканар.

Выросли дети, окончили учебные заведения и завели свои семьи. Сын Андрей живет в Омске, он – спортсмен, сейчас тренер по легкой атлетике, отличник народного образования. Дочь Елена после окончания Нижнетагильского пединститута 15 лет работала учителем химии в городе Королёв Московской области. Была директором школы, последние 4 года трудится в администрации города, возглавляя отдел по работе с молодёжью. Людмила окончила УПИ и работает в Екатеринбурге в Сбербанке экономистом.

В 2008 году не стало прекрасного человека и семьянина Хмелева Евгения Николаевича. Ушли из жизни и две любимы подруги Тамары Исаевны. Но она не одна. Трое хороших детей и 6 внуков заполняют теперь всю её жизнь.

Филипповы

Спецпереселенцы и их потомки оставляют значительную часть населения Урала в целом и наших мест, включая Качканар. Это одна из причин динамичного развития нашего края. Ведь люди – это главный капитал, главное, чем полезные ископаемые и другие факторы. Люди – это генофонд нации.

В селе Свириново Палкинского района Псковской области жил со своей семьей в 10 человек Филиппов Алексей Филиппович. В пяти верстах в селе Богдаши жила семья Филиппова Павла Филипповича (однофамильца). Люди очень набожные, они посещали регулярно приходской храм в селе Богдаши. С Божией помощью и своим упорным трудом они нажили достаток, который позволил советской власти причислить их к категории кулаков.

В 1930 году в составе семьи Филиппова Павла было 16 человек, трудоспособных из них 8. Сумма индивидуального налога составила 240 рублей 15 копеек. Филиппова П.Ф. лишили избирательных прав. Экономическая мощь хозяйства – 2 лошади, 3 коровы, шерсточесалка, 13,09 га земли. Характеристика: применяет наемный труд.

У Филиппова Алексея было в хозяйстве: дом пятистенный, 15 га земли, баня, гумно, сеновал, 3 хозпостройки, 2 амбара, сельхозинвентарь, станки ткацкий и сновальный, 2 лошади, 5 коров, 12 овец, кабан и свинья.

Раскулачивали тихо, предварительных бесед не было. Но об этом узнали где-то за неделю: ря-

дом была граница, и офицеры иногда заходили к Филипповым то чайку попить, то покушать. Один офицер предупредил: «Павел Филиппович! Вас выселять будут!» В конце марта 1931 года приехала «тройка» и объявила: «Вы выселяетесь как кулаки. Срок – три дня».

С собой разрешили взять из одежды самое необходимое и на месяц продуктов. Зарезали перед дорогой поросенка. Ехали, но мяса и сала не ели: был Великий пост. Привезли на Урал. Высадили в районе Косьи, в поселке Петропавловском. Достали все свое родное, кто-то даже гармонь достал. Все плакали: старики, взрослые, дети...

Так в силу трагических исторических обстоятельств Филипповы стали уральцами. Местом их жительства становится поселок Лабазка, один из островов исовского спецпереселенческого архипелага.

Здесь для спецпереселенцев построили 50 четырех квартирных бараков. Очень трудным был первый год. Ведь своего ничего не было: ни имущества, ни грядки. Но привычные к труду люди не гнушались никакой работы. Потихоньку обживались – и дела пошли в гору. Край уральский замечательный. Отборный лес, в котором в те годы было полно дичи, ягод, грибов и земля, способная давать приличные урожаи. Труд к этому нужно приложить, что и делало высленные сюда люди, для которых труд – способ существования.

А жизнь продолжалась. Среди детей спецпереселенцев возникали симпатии, любовь, создава-

В.А. Филиппов

лись семьи. Сын Алексея Филиппова Василий и дочь Павла Валентина полюбили друг друга и поженились. Для их сына Анатолия, для его двоюродных братьев и сестер Лабазка – малая родина.

В годы Великой Отечественной войны спецпереселенцы пошли на фронт защищать свою родную землю: псковскую, уральскую, российскую одним словом. Политические режимы приходят и уходят, а Родина остается. За нее клали головы, в том числе и Филипповы. В первые месяцы войны пропал без вести Николай Филиппов (сын Алексея), воевавший в Прибалтике, недалеко от своих родных мест. В 1943 году ушел воевать другой сын Алексея Филипповича – Владимир. Война для него оказалась скоротечной. 27 апреля 1943 года В.А. Филиппов погиб.

Василию Алексеевичу Филиппову пришлось пережить горечь плена и всех вытекающих из него обстоятельств. После освобождения в 1945 году вместе с другими военнопленными его отправили на Донбасс

восстанавливать шахты – «искупать вину» за пребывание в плену. «За что мы страдали?» – задали такой резонный вопрос министру угольной промышленности. Он или кто другой принял меры. После доскональной проверки обстоятельств тех, кто попал в плен, некоторых освободили и даже вернули награды. В числе таких счастливчиков оказался и Василий Алексеевич Филиппов.

Филипповы – люди очень достойные, труженики и воины, на которых и держится Россия, всегда много и хорошо трудились на благо страны. В Качканаре проживает Филиппов Анатолий Васильевич (1937 года рождения) с семьей. Вместе с другими специалистами треста «Востокметаллургмонтаж» участвовал в монтаже доменных печей во Франции, развитой капиталистической стране.

Анатолий Васильевич – главный хранитель семейных преданий, потому что он представитель обоих Филипповских кланов.

Кто же «враг народа»?

Вагон – телятник, битком набитый ссыльными раскулаченными, увозил семейство Хорошковых из теплого Ростовского края на север. Дух в вагоне стоял тяжелый: пахло немывыми телами, развешанными мокрыми детскими пеленками, гнилым тряпьем.

Алексею не спалось. Он мысленно прокручивал все события. Ну чем их семья кому помешала? Пять десятин земли – под хлеб, картошку и покос. Четыре лошади – так ведь лошадь в крестьянском подворье не роскошь, а необходимость. Три коровы, десяток

овечек да несколько поросят – опять никаких излишеств. Семья большая – самим прокормиться только и хватало. А уж сколько пота пролито, сколько труда положено, чтобы иметь хотя бы это, не заимствовать у соседей, не голодать! Еще отец говорил: «Живи, Лешка, так, чтобы плуг у тебя всегда свой был: попросайничать будешь – по миру пойдешь!»

Свой дом Хорошковы построили совсем недавно. А до этого жили в землянке. Алексей с отцом немало сил положили на строительство дома. Кому теперь он достанется? Скотину в колхоз сдадут, а там с голоду

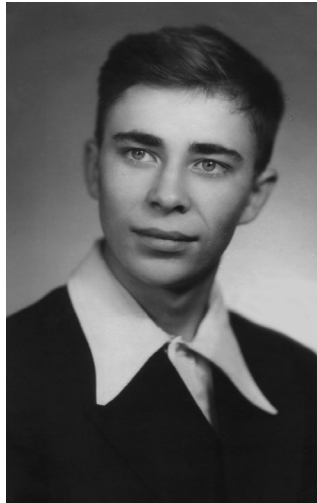
уморят или под нож пустят. А добро нажитое – посуда, мебель, одежда? Ничего взять с собой не дали – все пришлось оставить...

Едва состав останавливался на какой-нибудь крупной станции, из вагонов выбегали люди – хоть кипятком разжиться да свежего воздуха вдохнуть. Читали названия станций. Слава Богу, что не гонят в кандалах.

«Врагов народа» выгрузили в Верхотурье, чтобы переправить в Гаринский район. Поселили в недостроенном доме. Изю всех щелей сквозит, крыша протекает, с пола несет холодом. Как здесь можно жить? Но не зря Хорошковы получили прозвище «кулаки». Дружные они были меж собой и крепки, как сжатый кулак. Как бы ни было трудно, а выкарабкивались.

Чтобы не умереть с голоду, Алексей с женой Александрой вскопали целину, посадили картошку – зима-то долгая. Но советская власть расслабляться поселенцам не давала: только началась уборочная, Хорошковых перевезли на другое место жительства. Пришлось бросить урожай. На следующий год – то же самое. Три года семья перебивалась с хлеба на воду, а порой и хлеба не было...

Наконец, поселились в Лобвинском районе. Алексей устроился в леспромпхозе на лесоповал. Александра тоже пошла работать – валила вместе с другими бабами лес, заготавливали дрова для столовой и хлебопекарни. Труд для женщин – адский. Но Александра была, как и муж, казацкой закваски: крепкая, спортивная, выносливая, работала под стать мужику. На ней держался и весь дом. Алексей сутками пропадал в лесу, все старался заработать лишнюю копейку. А жена, помимо работы, огород копала, с тремя детьми управлялась и дом содержала в чистоте и уюте. Не раз помянул отец своих покойных родителей добрым

Н.А. Хорошков

словом: замечательную девку сосватали они ему в жены. Женится Алексей в 18 лет, а его невесте исполнилось только 16. Алексей и сам работы не боялся. Хотя считался «врагом народа» (на фронт даже не призвали), пользовался большим авторитетом как у своих – рабочих, так и у начальства. Норму выполнял на 200 процентов. Во время войны подошел к начальнику с просьбой: «Хочу стать трактористом. Это моя давнишняя мечта». Начальник просьбу уважил. Не оправдать такого доверия Алексей Филимонович не мог. Несколько месяцев он сутками не отходил от трактора, молча перенося все трудности и неудачи. И своего добился! Мощный «Сталинец» стал ему послушен.

В 1949 году газета «По сталинскому пути» так писала: «Если бы лес, вывезенный в 1948 году по ледяной дороге трактористом Хорошковым, перевезти сейчас по железной дороге, то для этого потребовалось бы не менее 600 вагонов». Так трудился «враг народа» Хорошков Алексей Филимонович.

Прижились Хорошковы в уральском краю, привыкли к суровому климату, обзавелись хозяйством. Но всегда хотелось, хоть одним глазком, увидеть свой родной край. Через 22 года, в 1952 году, супруги Хорошковы приехали в село Пиховку Ростовской области. Печальную картину увидели там, даже слезы навернулись на глаза. От дома, что строили собственными руками, с такой любовью для большой семьи, остались лишь следы фундамента. Все разрушено, разорено, пущено по ветру...

«Кто из нас враг народа? Я – работяга и пахарь, или они – неработы в кожаных тужурках и в кепке со звездой во лбу? Камня на камне не оставили», – негодовал Алексей Филимонович.

9 августа 2005 года праздновал Хорошков Алексей Филимонович столетний юбилей. Не зря он прожил

Золотая свадьба родителей

такую большую жизнь. За свою жизнь посадил много деревьев, построил не один дом, вырастил трех детей, с женой в любви и согласии прожил более 70 лет. В 90 лет

еще лихо управлялся со своим «Жигуленком». Будучи от природы талантливым механиком, машину всегда содержал в порядке – в любое время садись и езжай!

Родившийся в год первой русской революции и переживший еще две, живший при трех эпохах, переживший горе, несчастья, предательства, Хорошков Алексей Филимонович всегда оставался Человеком с большой буквы. Четыре поколения потомков оставил он после себя на земле этой: трое детей, четыре внуков, шесть правнуков и один праправнук – богатое наследство! Младший из детей, сын Хорошков Николай Алексеевич (1939 г.р.), проживает в нашем городе с 1965 года. После окончания Свердловского техникума связи поехал по направлению на стройку Братской ГРЭС в 1960 году. В Качканаре трудился в ГОКе старшим электромехаником радиосвязи, строил телетранслятор для городского телевидения. С радиозавода в 1994 году ушел на пенсию. Будучи на пенсии, работал электриком в пионерском лагере «Чайка». У Николая Алексеевича двое детей и двое внуков. Одно из любимых занятий – работа в саду.

Спецпереселенцы Федоровские

Как сложилась бы судьба Чучалиной (Федоровской) Надежды Алексеевны, если бы ее родителей в 1931 году не сослали из Псковской области, Островского района, деревни Елины в поселок Лабазка Свердловской области? Скорее всего, как судьбы многих женщин в России.

Ее отец, Федоровский Алексей Федорович, (1900 г.р.) в 1911 году окончил церковно-приходскую Ельнинскую школу Островского уезда Псковской

губернии с похвальным листом «В награду за примерное поведение и отличные успехи в науках». Как законопослушный гражданин в 1919 – 1921 годах проходил службу в Красной Армии во втором стрелковом Меровском полку.

В 1926 году Алексей Федорович женился. С женой Анной Терентьевной родят и воспитают четверых детей. А беда уже стояла у ворот. Алексей Федорович был арестован и осужден. Новая власть умела хорошо

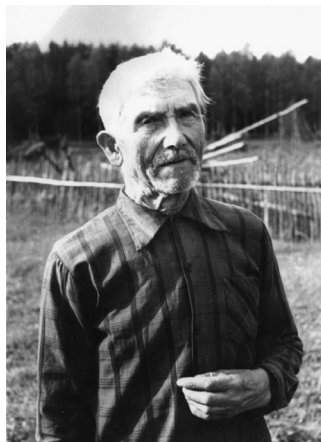
выбивать признательные показания и карать. Когда уже в Лабазке дочь Надя вступит в пионеры и придет домой с красным галстуком, Алексей Федорович скажет: «Красное – это хорошо, но когда красный топтал меня конем – это было плохо». Таким образом пытали: положили под коня с поднятым копытом, которое тот в любой момент мог опустить.

Алексей Федорович отбывал наказание в Средней Азии. Там тяжело заболел малярией и едва не умер. Отец хлопотал за освобождение сына, но неудачно. 2 августа 1930 года из Москвы был получен ответ: «Комиссия по делам частной амнистии при Президиуме ЦИК Союза СССР сообщаем, что Президиум ЦИК Союза СССР не находит возможным удовлетворить ваше ходатайство о помиловании Вашего сына Федоровского Алексея Федоровича».

Мартовской ночью 1931 года беда снова постучала в дом Федоровских. Это было уже раскулачивание. «Кулаков» оказалось трое: слепой старик Федоровский Федор Федорович, сноха Анна и малолетняя внучка Зина (1927г.р.)

С собой разрешили взять имущества и продовольствие не более пуда, погрузили в вагон и на Урал.

Переезд был очень тяжелым. Ехали в малоприспособленном вагоне более месяца. Иногда – даже без воды. На станции набросают в вагон снега – люди и рады. Привезли на Верх – Ис, отсюда на подвозах – на Косью. На Косье поселили в бараке. На второй день вышли на работу – золото мыть. Дед остался дома – приглядывать за внучкой. Один раз маленькая Зина упала с нар – он сильно считал себя виноватым, что не усмотрел. А за ним самим смотреть нужно было.

А.Ф. Федоровский

Федор Федорович не смог пережить свалившихся невзгод, где то через месяц умер. Умирало очень много народу, только что друг на друга не укладывали. Даже могилу, где похоронен Федоровский Ф.Ф., родные не знают. По примерному месту – трем срощимся соснам – кланяются, поминая...

Когда построили поселок Лабазку, то переселились туда. В 1935 году вернулся из заключения Алексей Федорович. Работал в шахте забойщиком – по 12 часов на коленях – забой был низкий. Анна Терентьевна с Зиной – на воротке. Это как у колодца, только бадья была огромная, в ней опускали – принимали людей и породу поднимали.

5 ноября 1934 года была выдана справка Федоровской Анне Терентьевне, что «за время нахождения в ссылке проявили себя в добросовестной работе, проводимых мероприятиях и т.п. Из учета этих моментов согласно постановлению ЦИК СССР от 17 марта 1933 года восстановлена в гражданских избирательных правах вместе с членами своей семьи, дочь Зинаида Алексеевна,

1927 года рождения, и ей предоставляется право свободного перемещения без ограничений. Что и удостоверяться».

На Лабазке был режим, все должны были отмечаться, постоянно проводились проверки. При комендатуре была КПЗ с решеткой на окне. Аресты тоже были.

Постепенно обзавелись хозяйством. Но какие были налоги! Держишь поросенка – шкуру сдай, корову – мясо отдай, 40 кг., масло –сдаст. Анна Терентьевна относил молоко в детский сад, остальное на Верх – Ис, на маслобойку. Оттуда принесет обрат: «Пейте, дети». Картошка постоянно вымерзала.

Анна Терентьевна Федоровская

В войну мужиков стали призывать на фронт, но Федоровского А. Ф. не взяли из-за того, что был забойщиком. В войну жили тяжело, но после войны почему-то еще хуже. Голодно было. Люди всякие были. Кто-то пожалеет, а кто то обзовет «куркулем» – морально тоже было нелегко. Начальная школа была на Лабазке, а с пятого по седьмой класс училась дети в Верх – Ису.

Рубежом для всех переселенцев стал 1947 год. Последняя справка в этой связи, выданная Федоровской Анне Терентьевне в том, что она на основании приказа Министерства внутренних дел СССР от 26 марта 1947 года № 00353 освобождена из спецпереселенца вместе с семьей и перечисляются все члены семьи. «Справка дана для предъявления в органы милиции на предмет получения паспортов, без ограничений». Этот документ – последняя страница трагической главы истории семьи Федоровских.

И таких историй – миллионы. Но недосказанность оставалась еще несколько десятилетий. В чем провинились эти люди? За что их наказали? Ответ циничный и нелепый – перегиб, нарушение социалистической законности. Тогда – кто извинился перед этими людьми и компенсировал им материальный и моральный ущерб? А никто и никак. Так и жили люди

с комплексом социальной неполноценности, потому что в обыденном сознании окружающих они продолжали оставаться кулаками.

Родилась Надежда Алексеевна на Урале, в поселке Лабазке. С этими краями связана вся ее жизнь, все радости и печали. После окончания 7 класса училась в Волчанске. Вернулась в Лабазку, но не было работы. По комсомольской путевке принимала участие в строительстве нового прокатного стана на Новотрубном заводе в Первоуральске. С 1961 года – в Качканаре, работала в детском саду, на радиозаводе, оттуда и вышла на пенсию.

Надежда Алексеевна побывала в Островском районе Псковской области. Какие чувства обуревали ее на малой родине своих родителей, можно только догадываться. Поклонилась родным местам, взяла земельки, чтобы насыпать на родные могилки на уральской земле.

Нажитое тяжелым крестьянским трудом добро: дом деревянный, крытый деревом, ворота, повет, 4 крытых соломой амбара, 2 сарая, конюшня, 2 задворки, гумно, баня, земля – все было конфисковано и передано в 1931 году местному колхозу. Из обеспеченной семьи Федоровские в одночасье стали неимущими.

Однако достойно прожитая жизнь, доброе имя – свое и родителей, уважение родных, близких и знакомых – это тоже богатство, которого у Надежды Алексеевны – с избытком.

Н.А. Чучалина на малой родине

Забота наша такая

Поселки Лабазка, Боровское, Федино – это крошечные островки на огромной карте ГУЛАГа. Построены они силами спецпереселенцев со всей страны.

Штина (Орешкина) Лидия Ивановна родилась в посёлке Лабазка на спецпереселении в 1940 году. Мать Лидии Ивановны, Филиппова Нина Алексеевна (1912 г.р.), в составе большой семьи была сослана на Урал в 1931 году.

Филипповы проживали в селении Свиново Палкинского района Псковской области. У Филиппова Алексея Филипповича и его жены Анны Григорьевны было 9 детей: Евдокия, Зинаида, Татьяна, Петр, Василий, Нина, Олимпиада, Николай и Владимир.

Из хозяйства Филипповых в период раскулачивания были конфискованы дом пятистенный из двух изб, 15 гектаров земли, сад, баня, гумно, сеновал, 3 хозяйственные постройки, 2 пруда, 2 лошади, 5 коров, 12 овец, 2 амбара, сельхозинвентарь, станки, ткацкий и сноповальный. Дом был переведен под контору в совхоз «Грибули», амбар – под клуб, второй амбар – под склад. Хозяйство, конечно, большое, но и семья-то какая огромная! Работали все от темна до темна, чтобы быть сытыми.

В 1931 году раскулаченную семью Филипповых привезли в тайгу Исовского района. Кругом лес – тайга, никакого жилья. На этом месте сосланные кулаки построили поселок Лабазка. Вначале построили бараки, в которых жили по несколько семей. Мужчины трудились в леспромхозе и на Косьинском прииске.

Л.И. Штина

В этом же 1931 году из Ростовской области сюда была сослана семья Орешкиных. В 1939 году Филиппова Нина Алексеевна соединила свою жизнь с Орешкиным Иваном Григорьевичем. В 1940 году у них родилась первая дочь – Лидия, а потом – Алеветина.

Жизнь налаживалась на новом месте, но помешала война. Ушел на фронт родной брат Нины Алексеевны, Филиппов Владимир Алексеевич. Последнее письмо от него датировано 16 марта 1944 года, а через месяц, 27 апреля 1944 года, Владимир Алексеевич погиб на Волыни, освобождая Украину от фашистских захватчиков. Орешкин

Иван Григорьевич тоже воевал на фронте, был ранен и долго лечился в госпитале Саратова.

Нина Алексеевна, оставшись одна с двумя маленькими детьми, с утра до ночи была на работе. В леспромхозе трудилась рубчицом, вальщиком, направляли на железную дорогу, сенокосные работы и на драгу. Косьинский прииск перешел тогда в Исовский, на котором добывали золото и платину. Многие в поселке держали коров и коз, поэтому дома на столе было молоко. А так – картошка на первое, второе и на третье.

Лидии Ивановне запомнились дни выборов, когда мать, проголосовав на избирательном участке, возвращалась домой со сладкими коврижками. Из леса приносила мерзлый хлеб, который послали детям «зайчики». Зимой дети часто болели, поэтому детский сад и школа надолго закрывались на карантин. За зиму, сидя на печи, сестренки выщелкивали ведро кедровых орешек. Мама на работе, а няnek не было.

Народившихся козлят, пока они были маленькие, поселяли в избе в отгороженный уголок. Встав на ножки, они пере-

И.Г. Орешкин

Н.А. Орешкина с дочерьми

прыгнув все отгородки, носились по избе. Вскочив на кровати, прыгали, как маленькие дети. Кормили их тем же, что если сами: молоком и крошками хлеба.

Первой учительницей Лидии Ивановны была Большакова Зоя Григорьевна. Не одно поколение качканарцев знает эту замечательную учительницу начальных классов школ № 1 и № 3, отличника народного образования. Зоя Григорьевна тоже из семьи раскулаченных, сосланных в поселок Боровское в 1931 году из Псковской области. Школу – семилетку Лида окончила в посёлке Верх-Ис, а среднюю – в 1958 году в посёлке Косья.

Нельзя не вспомнить учителей, которые трудились в те годы в Косьинской средней школе. Директор школы – Юмин Константин Семенович, фронтовик, потом – заведующий ГОРОНО в Качканаре. Класный руководитель и учитель русского языка и литературы – Щепанковская (Волкова) Софья Николаевна. Учитель физики – Скороков Николай Ильич и его жена, учитель математики, Александра Михайловича, тоже оба из репрессиро-

ванных. Они учили своих учеников не только азам своих предметов, но и воспитывали у них высокую нравственность, трудолюбие, порядочность.

В поселке в те годы не было пьянства, драк, жили одни трудяги. В войну в поселке Лабазка жили немцы и поляки, но после войны они уехали.

В школе сестрёнки Орешкины старались хорошо учиться. Разложат тетради по полу Лида с Алей, тут же чернильница – разливашка и старательно выводят букочки и циффы. А в школе учительница их хвалит да еще показывает их тетрадки, как лучшие.

С подружками Федоровской Надей, Наймушиной Лидой и Сторожевой Людой вместе учились, мечтали, играли. Дети собирали ягоды, грибы, кедровые шишки. Все вместе ходили на покос, носили воду, пилили и кололи дрова, пололи грядки в огороде, окучивали картофель.

В 1960 году Лидия Ивановна окончила Серовское медицинское училище по специальности фельдшер и по направлению начала трудиться заведующей Октябрьским здравпунктом.

В 1961 году вышла замуж за Штина Анатолия Афанасьевича, работавшего на дробильной фабрике. В 1967 году Штины переехали в Качканар. В городе Лидия Ивановна работала фельдшером в детских комбинатах и в школе № 2, на спасательной станции.

С 1990 года она мастер – учитель на профиле медико – санитарной подготовки в УПК. В 1990 году Лидия Ивановна ушла на пенсию и занялась общественной работой.

Дочь, Ирина Анатольевна, после окончания института железнодорожного транспорта, работает в ЖДЦ по специальности.

Лидия Ивановна была членом КПСС. Но бывших коммунистов, как я считаю, нет. Она, как всегда, в передовых рядах, для которых «жила бы страна родная и нет других забот».

З.Г. Большакова

Раньше она была членом народного контроля и заседателем народного суда, а сейчас – член совета ветеранов в ЦГБ, проводит большую работу в Ассоциации жертв политических репрессий и во Всероссийском обществе инвалидов. К любому поручению относится серьезно и ответственно, не считаясь с личным временем, не выискивая никаких выгод и благ для себя.

Это ей поэт Андреева Людмила Николаевна посвятила стихотворение:

Сквозь сердце Лиды

Людей с горящим факелом в руках
Осталось на Земле не так уж много.
И если свет звезды на небесах,
То их огонь у трудного порога.

История, скажу вам, непроста.
Сюжет ее – борьба за справедливость.
Сама она, как белый лист, чиста
И невероятная ее активность.

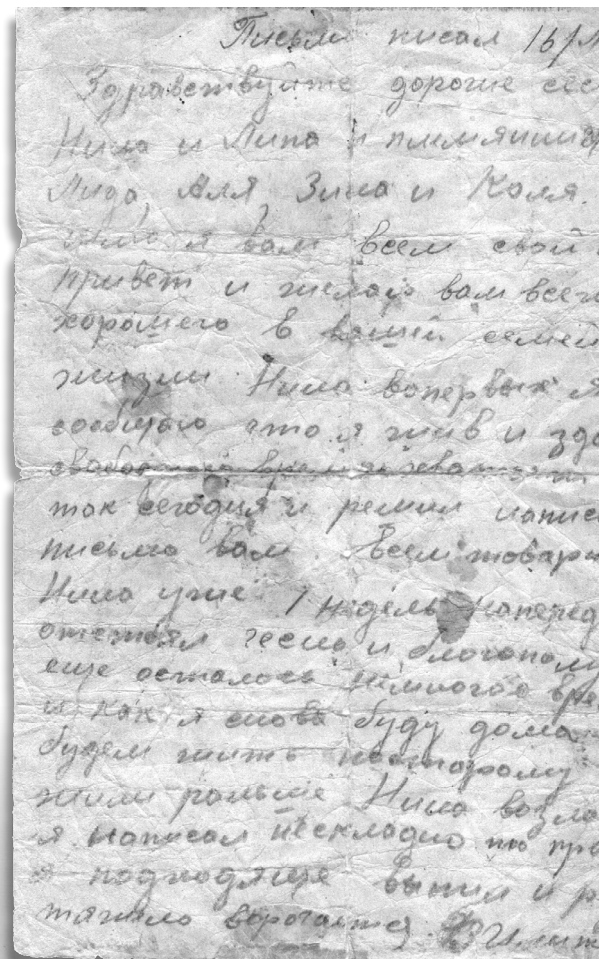
Закалку получила, словно сталь,
Шагая с партией и комсомолом в ногу.
И скручивала жизнь ее спираль,
Ведя вперед, на новую дорогу.

Репрессии, война и инвалидность
Прошли сквозь сердце Лиды глубоко,
Но в ней горящая к беде людской активность,
И человека она ценит высоко.

Лет сорок отработав в медицине,
Она вела общественный контроль.
В делах ее готовой нет вакцины,
А панацея – как утешить боль.

На отдыхе, заслуженном по праву,
Она в делах общественных горит.
И пусть Штина немного с дерзким нравом,
Но главное – народ благодарит.

Л. Андреева, октябрь 2011, Качканар

«Я не изгой, а пасынок России»

Репрессированные по национальному признаку

Дорога длиной в двадцать лет

Минуты воспоминаний вмещают в себя очень многое. Память искрами выбивает из прошлого давно забытое и что-то очень важное. Помню, как мама со мной и сестрой идет отмечаться к коменданту в контору. Лариса маленькая, и мама несет её на руках. А я, держась за подол её пальто, кое-как топаю по заснеженной тропинке.

Насколько может помнить четырехлетний ребенок, помню смерть и похороны нашей мамы. Она после трудармии в Нижнем Тагиле заболела тяжелой формой туберкулёза легких и умерла в возрасте 26 лет. Жители села, проводившие её в последний путь в тот холодный апрельский день, плакали, смотря, как две маленькие девочки 4-х и 3-х лет, из глины на кладбище лепили какие-то поделки. Потом была какая-то потерянность, оторванность, затаенные боль и скорбь.

1 сентября 1953 года был холодным дождливым днем. На линейке, посвященной этой дате, приветствовали тех, кто впервые перешагнул школьный порог. Это были дети, которые родились в первый послевоенный год. Бедно одетые и обутые дети сосланных в 30-е и 40-е гг. поляков, корейцев, немцев, ингушей и чеченцев.

В 1936-37 гг. на карте Северного Казахстана появились села, построенные спецпереселенцами с Украины и Дальнего Востока. Это были поляки и корейцы.

В 1940 году прибыли эшелоны с эмигрантами из Польши, в основном, с женщинами и детьми. Это была уже Европа с красивыми платьями, необычными прическами, дорогим парфюмом, причудливыми украшениями. Бедность европейскую нельзя сравнить с азиатской, потому что последняя – это крайняя нищета. Место, где топили печи кизяком (утрамбованным сухим овечьим навозом), где зимой выли волки, подходя

близко к человеческому жилью, где обувь зимой и летом – резиновые сапоги, и из одежды – фуфайка – вот что такое Северный Казахстан с его спецпереселенцами в те годы.

К зиме 1941 г. с Кавказа и Поволжья прибыли сосланные советские немцы, а весной 1944 г. – ингуши и чеченцы.

Страшно представить, как в открытую степь выбрасывались тысячи людей, которые в чудовищных условиях должны были построить жильё и добывать все необходимое для жизни. А эшелоны со спецпереселенцами в Северный Казахстан все прибывали и прибывали. В детстве я не раз слышала, как бабушка с отцом говорили: «У нас дома уже, наверное, все посеяли и посадили, а тут вон как метёт, зима, кажется, никогда не кончится». Всегда считали Украину своей родиной. Да и как можно было забыть эти белёные хаты, на крышах которых обязательно клали колесо от телеги, чтобы аисты могли свить гнездо. Поселились аисты – значит, будет счастье.

Проезжая сейчас по Казахстану, можно увидеть дома, обязательно весной побелённые, с палисадниками, в которых благоухают мальвы, бархатцы (чернобривцы) и настурции, как на Украине. Это и есть спецпереселенческие села 30-х годов.

Предки наших родителей ископом веков жили на землях Украины, ближе к западному (отец – в Житомирской, мать – из Каменец-Подольской (Хмельницкой) области. В селах проживало компактно польское население, занимаясь сельским хозяйством. В школе обучение было на польском языке. В домашней обстановке разговаривали на украинском языке, готовили украинские блюда. Пели украинские песни. Строго придерживались католической веры. Возможно поэтом сосланных в 1936 году поляков называют укра-

инскими кулаками. Долгое время о сосланных поляках даже рот открывать было нельзя.

Польские племена (поляне, мазовшане, висяне, слензаны и др.) занимали значительную территорию от реки Одра на западе до Западного Буга на востоке, от Карпатских гор на юге и до Балтийского моря на севере. После трех разделов Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией (1772 г., 1793 г., 1795 г.) Польша более чем на 120 лет утратила свою национальную независимость.

После разделов Польши польский народ не прекращал активной национально-освободительной борьбы. Особенно мощное восстание 1846, 1848, 1863-64 гг потрясли польские земли. На Урал, в Сибирь высылались все, кто имел малейшее отношение к выступлениям против российских властей. (ПНР, справочник под ред. Г. Ш. Шахназарова, Москва, издательство политической литературы, 1984 г., стр 7-12).

«Декабристы и ссыльные поляки оказали огромное влияние на наш город (Иркутск) в его общественном и нравственном развитии, словно не они, считавшиеся преступниками, а местное общество отдано было им на исправление и воспитание... Черский, Чекановский, Дыбовский из ссыльных поляков придали, как прежде выражались, блеск научной деятельности географического общества, их имена навсегда остались на карте Байкала и Присяянья, изучению которых они отдали немало лет». (В. Распутин, Собрание сочинений в 3-х томах, Москва, «Молодая гвардия», 1994, том 3, стр 143-144).

Хребет Черского, город Черский, остров Даманский, Ляховские острова, остров Вильницкого. Остров Шокальского – красноречиво говорят эти на-

звания, благодаря кому они появились на карте мира.

Первая волна сосланных поляков появилась в Екатеринбурге в 1863 г. после польского восстания. Они привезли культуру на Урал, открывая музыкальные школы, различные салоны. Польский магнат Игнат Поклевский-Козелл построил железную дорогу от Екатеринбурга до Тюмени. Архитекторы, педагоги, предприниматели, ученые, геологи и географы прославили страну и сделали очень много, чтобы Россия стала богаче.

Не удивительно, что так много людей в России с польской кровью. Польская родословная у академика Петра Капицы, у К. Циолковского и академика Томаша Домбаля, у философа Николая Бердяева, у хирурга и архиепископа Войно-Ясенецкого, у балерины Матильды Кшесинской, писателей: Юрия Олеси, В. Яна (Янчевецкого), Ал. Грина (Гриневского), В. Короленко, генерала А.И. Деникина, художника К. Малевича и М. Врубеля, маршалов Советского Союза М. Тухачевского и К. Рокоссовского, полярных летчиков-ассов С. Леваневского и Левандовского, кинорежиссера Ст. Ростцкого, актеров Янковских, К. Лаврова...

Сейчас стало модно иметь польскую родословную, как сказал один из известных нынешних политиков. Но это сейчас. В 1936, а особенно в 1937 г., были объявлены шпионами поголовно все поляки, проживающие в СССР.

В 1936 г. товарные поезда, переоборудованные в пассажирские, везли первых спецпереселенцев по национальному признаку. 15 тыс семей польской национальности (около 65 тыс человек), были высланы с Украины, территорий, прилегающих к польской границе в Северо-Казахстанскую и Карагандинскую области.

А.Э. Андреевская

Сов секретно

ПОДПИСКА

Я нижеподписавшийся (фамилия) Андреевский
(имя) Эдуард (отчество) Иосифович
даю настоящую подписку отделу кадров Тагиллага—Тагил-
строа НКВД СССР в том, что, состоя на службе или бу-
дучи уволенным, обязуюсь хранить в строжайшем секрете
все сведения и данные о работе НКВД и его органов, ни
под каким видом их не разглашать и не делиться ими да-
же со своими близкими родственниками и друзьями, не
вступать с заключенными ни в какие частные, личные от-
ношения и не выполнять никаких их частных поручений.
Я предупрежден о том, что за невыполнение этого
обязательства я буду отвечать перед судом в уголовном
порядке.

Подпись: Андреевский

19 - апрель 1945 г.

Настоящая подписка должна храниться в личном деле работника.

501—45 г.

ПОДПИСКА

Я нижеподписавшийся (фамилия) Андреевский
(имя) Эдуард (отчество) Иосифович
с содержанием Указа Президиума Верховного Совета
СССР от 26/ХІІ-1941 года ознакомлен и предупрежден о
том, что, если я допущу самовольный уход с Тагилстроа,
то этот уход будет рассматриваться как дезертирство, за
которое я буду отвечать по названному Указу от 26/ХІІ-41
года с лишением свободы на срок от 5 до 8 лет.

В чем и даю настоящую подписку отделу кадров Та-
гилстроа—Тагиллага НКВД.

Подпись: Андреевский

19 - апрель 1945 г.

502—45 г.

А было это так, как рассказывал наш отец, в те годы 14-летний пацан. В марте 1936 года приехал уполномоченный из района в село Середня Барановского района Житомирской области и приказал всем полякам сдать паспорта и никуда из деревни не отлучаться. Село было в те годы большое. Отец с братьями учился в местной польской школе. В 1933 г. пережила семья

Андреевских страшнейший голод, как и другие жители. В тот год весной желудя нельзя было найти. Любая травинка срывалась и съедалась. Семья выжила только благодаря хозяйственности и изворотливому уму нашей бабушки, Сабины Антоновны (дев. Лашевич), матери отца. Вот уж был бы из неё предприниматель, если бы жила в другое время. Но времена, как известно, не выбирают. В колхоз вступать не хотели. Дед, Иосиф Юлианович (1890 г.р.), был участником Первой Мировой войны и даже награжден Георгиевским крестом. Он работал плотником и был вечно на заработках. Домашнее хозяйство вела бабушка и подрастающие три сына.

Как гром среди ясного неба, узнали о высылке. Надо сеять-сажать, а тут в мае по Указу СНК СССР от 28 апреля 1936 г. приказано с вещами собираться в дорогу. Оставляли все: дома, землю, домашних животных, все добро, нажитое за эти годы. Семья числилась в середняках. Плакали, покидая родные места с цветущими садами, не ведая, где будет теперь их дом и как скоро они увидят эту землю. В телегах доехали до железнодорожной станции в сопровождении милиционеров. В товарных вагонах набиты полки для перевозки людей. Ехали долго в переполненных вагонах, пропуская вперед важные поезда. В Куйбышеве поезд долго стоял. Всем разрешили выйти из вагонов. Мужчины узнали, что везут в Среднюю Азию. «На абрикосы едем», - шутили они. Мальчишки и девчонки побежали купаться на Волгу. Женщины стирали белье. Ещё тогда в столыпинских вагонах они не знали, что скоро их горю и страданиям вообще не найдётся весов, а пролитые слезы можно будет измерять ведрами. Что эта долгая дорога затянется на 20 лет, до того дня 25 февраля 1956 г., когда Первый Секретарь ЦК КПСС товарищ Хрущёв Н. С. на XX съезде КПСС выступил с секретным докладом «О культе личности Сталина и его последствиях». Мир вздрогнул, узнав об ужасах сталинской политики. До мая 1956 г., когда рухнула спецкомендатура, прошло ровно 20 лет.

От станции Петропавловск Казахской железной дороги поезд шёл в южном направлении. Через несколько часов остановился на станции Ташчата. Вдоль ж/д полотна – белые военные палатки. После месячной поездки у всех нервы на пределе. У единственной колонки за водой многометровая очередь. В каждую палатку – по 4 семьи. Так прошла неделя. Всех стали развозить по степному Келлеровскому району. Вокруг никакого жилья. Привезли к строениям, где раньше обитали овцы. Приказали: «Стройте жильё, иначе погибните. В августе у нас здесь бывают первые заморозки». На дворе июнь 1936г. Безводье, жара, от неё потрескалась земля и выступил солончак. Вокруг колышется в пояс взрослому мужчине серебристый ковыль и заросли бурьяна.

Овечьи кошары переоборудовали в медпункт и комендатуру. С вышки стрелки, как их называли в то время, охраняют, чтобы ни один человек не сбежал. Материалов для строительства никаких. Тогда роют котлованы. Из добытой глины, мелкой соломы и воды делают саман и строят дома, которые как на Украине называют хатами. К домам, чтобы было теплее, пристраивают длинные коридоры, называемые в народе пригонами. Кто-то рыл землянки, иные строили из дерна свои хатки. В каждый дом, где одна комната и одна кухня, поселяют по 4 семьи. Уживайтесь и выживайте. Первая зима с её непредсказуемостью была просто испытанием. До осени вместе с домами выросло кладбище. Умерли все дети дошкольного возраста и старики. Голод, болезни, чаще всего инфекционные, грязь, а потом холод, отсутствие воды стали виновниками смертей.

Уж метели в Казахстане такие, о которых никто не слышал. Из маленького облачка на небе, который несёт такую страшную силу, разыгрывались самые настоящие трагедии. Снег и сильный ветер в степи – вот и буран, который все сметает на своем пути. Из окна не видно ничего, кроме снежной мглы. Не видно деревьев в палисаднике, ни столбов, ни домов, и конечно дороги. Снегом заметало дома до самых крыш.

Среди курганских родственников

После буранов можно было кататься на лыжах и санках с крыш домов и сараев. В такую непогоду, когда стрелкам с вышки ничего не видно и сами они теряли бдительность, с надеждой на непогоду, уходили мужчины тайком в другие села, чтобы обменять какие-нибудь вещи на продукты питания. Сколько погибло, сколько обморозилось в тот год людей!

Бабушка рассказывала, как страшно было жить в те годы перед войной. Дома на кухне разговаривали шёпотом, чтобы никто не слышал. Детям строго наказывали держать язык за зубами. Не единожды замечали, как в вечернее и ночное время под окнами стоял человек и прислушивался к голосам. За маленькое высказывание в адрес сталинской политики, чаще всего в адрес колхозов, арестовывали сразу же и увозили. Был человек – и не стало. Никто из них не возвращался в те годы. В 1937-38 гг была зачистка, когда без разбору брали очень многих мужчин для проверки. Несколько месяцев держали в страхе в тюрьме. Кому-то посчастливилось вернуться в семью. Кого-то

отправили в лагеря, а кое-кого «наградили» 9 граммами свинца в сердце.

В сентябре 1937 г. на основании совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) №1428-326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», подписанного Сталиным и Молотовым, 172 тысячи этнических корейцев были выселены из пограничных районов Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан. Выселение «неблагонадежных» наций с пограничных территорий обычно связывается с военными приготовлениями.

Корейское население выселялось целыми колхозами и сёлами. Они были погружены в вагоны и отправлены далеко на Запад. В пути из-за голода и холода люди умирали, особенно старики и дети. Их могилами стали разъезды и станции Транссибирской магистрали и Турксиба. Нелегко дались приморским переселенцам и первые месяцы в Казахстане. Иным пришлось зимовать в конюшнях, сараях. Большинство жили в землянках и наскоро построенных из глины и соломы временках. Свирепствовали дизентерия и малярия.

В нашем Келлеровском районе корейцами были построены 4 села, или точки, как называли в те годы. Село Димитровка (4-я точка), основанное корейцами в 1937 г., было названо в честь болгарского коммуниста Георгия Димитрова. Созданный колхоз назвали «Коминтерном». С 1936 г. семья Андреевских проживала в селе Южном, которое они строили вместе с другими. В 1940 г. их перевели в Димитровку и жили там до отъезда в 1966 г.

Все эти спецпереселенцы выжили только потому, что в чрезвычайных, экстремальных условиях проявились их гуманные качества: стойкость, выносливость, трудолюбие, неиссякаемое жизнелюбие. Несмотря на весь трагизм своего положения, люди не потеряли веру в жизнь, не опустили руки, а с удвоенной энергией начали обживать новые земли.

Наш отец окончил школу и в 1940 году, поступил по разрешению в Петропавловский бухгалтерский

Семья Андреевских. 1956 г.

техникум. После окончания I курса приехал на каникулы домой. На другой день началась Великая Отечественная война. Об учёбе не могло быть и речи.

В мае-июне 1943 г. 95% всех мужчин района через военкомат мобилизовали в трудовую армию на Урал. На сборы – несколько часов. В семье осталась одна бабушка с младшим сыном, ещё подростком. В конце войны Антон будет призван в Красную Армию и с боями дойдет до предместья Берлина. Тяжело контуженный, он вернется домой. Женится, родятся у него дочь и сын, и в 40 лет он умрет.

Дед, Иосиф Юлианович (1890 г.р.), брат отца Феликс (1919 г.р.) и наш отец (1922 г.р.) попали в Нижний Тагил в Тагиллаг НКВД СССР. От Петропавловска до Нижнего Тагила ехали целую неделю какими-то окольными путями. По приезду всех родных расселили по разным местам. Основное местожительство – Площадки №1 и 2, военный городок. Работали на строительстве важнейших объектов. Один из них – домна №3, не виданная по мощности в мире. Наш отец работал в монтажной конторе №2, переименованной в монтажное управление №6 Тагилстроя. Он был монтажником, диспетчером, плановиком, агентом по снабжению.

Одно из крупных лагерных образований на территории Урала военного и послевоенного времени Тагиллаг НКВД – это десятки лагерных пунктов, с ужасающими условиями труда и быта, многочисленные массовые захоронения, тысячи никому неизвестных жертв голода, болезней, физического насилия; это судьбы русских, поляков, латышей, советских немцев, жителей среднеазиатских республик, военнопленных из спецлагерей №153, 245. (Книга памяти, Екатеринбург, УИФ «Наука», 1994, стр 72-73).

Тагиллаг, подобно злоедей паутине, опутал весь Тагил и раскинулся далеко за его пределами. Даже в городе Туле в составе Тагиллага существовал 15-й лаграйон.

Тагиллаг, включавший 4-е группы людей: 1) заключенные (з\к з\к), 2) спецконтингент (советские немцы), 3) трудмобилизованные (поляки, узбеки) и 4) вольнонаёмные, жил по своим законам, как вся гулаговская империя. Узники Тагиллага, несмотря на голод, холод, болезни, моральные и физические унижения, строили город и его промышленные объекты, вместе с другими приближая победу и восстанавливая страну. Их труд в годы войны не стоил государству почти ничего, а приносил чистую прибыль. Отношение к людям, униженным в своем родном отечестве, обреченным на голод и смерть, было самым варварским. Память о них постарались вообще вычеркнуть

из нашей истории, а трудовые подвиги записали на счет комсомольцев и коммунистов.

Работа без выходных и праздников. Еда два раза в сутки – утром и вечером, причем очень скудная: какая-нибудь похлебка да кусок хлеба. Голод, холод, бесправие выкашивали ряды трудармейцев. На заявлениях отца, просящего отправить его на фронт, отказы.

В январе 1945 г., когда война шла к концу, всех трудармейцев-поляков обязали написать заявление о приеме на работу в трест «Тагилстрой». Они прошли медицинскую комиссию, как положено при приеме на работу, написали заявления и стали тагилстроевцами на «добровольной» основе. 9 апреля 1945 г. дали подписку о невыезде и о неразглашении работы всех спецслужб НКВД.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. был убран высокий забор, окружавший военный городок. Вставшие с утра рабочие не поняли, что же произошло. Когда узнали, что война окончилась, то радости не было конца. Но покидать Тагил и свои рабочие места было запрещено. Все оставалось, как и прежде.

В конце 1945 года наш отец женился на Анеле Заенчиковской, тоже из спецпереселенческой семьи из Каменец-Подольской области в Казахстан в 1936 г. В июле 1943 г. её и многих молодых девушек из района мобилизовали в трудармию «Тагилстрой».

Мрачный город с его холодом, голодом, грязью, толпами голодных людей, солнце, казалось, здесь даже не светит – вот каким запомнился Нижний Тагил моим родителям. В 1947 г. им разрешили выехать в Казахстан.

После смерти нашей с сестрой матери отец женился на Пак Октябрине Макаровне, очень светлом, добром, умном и отзывчивом человеке. Теперь, когда уже и её нет на свете, я постоянно ощущаю, как её не хватает. Приехать домой к родителям рассказать обо всем, обо всем... И только они тебя поймут.

Во втором браке отца родилось ещё 4 детей. У меня две сестры и 3 брата, 8 племянников и 4 внучатых

А.Э. Андреевская. 2005 г.

племянника. Они порядочные люди, все получили образование, несмотря на большую семью. Жизнь разбросала нас по разным местам России, ближнего и дальнего зарубежья. Мы постоянно звоним друг другу, иногда я пишу всем письма и встречаемся. Тогда начинаются воспоминания. Ах, хочется вернуться в этот незабываемый мир детства, когда с таким нетерпением ждали Нового года. В декабре только и жили елкой и приготовлениями к миру сказки. После уроков целыми днями неустанно работала настоящая фабрика елочных игрушек: вырезали снежинки, дела-

ли гирлянды, клеили самодельные игрушки. И всегда ждали какого-то чуда.

Накануне Нового года отец одевал огромный тулуп, брал топор, садился в сани и ехал за елкой на казахский кордон. А мы с нетерпением ждали. Вот приезжает отец, втаскивает в дом большую сосну (у нас всегда ставилась сосна, так как ели не росли). Сосна ставилась на крестовину, оттаивала после зимней стужи, а дом наполнялся тем чудным лесным ароматом, таким целебным, живительным, неповторимым и родным. Мы украшали ёлку и покупными игрушками, и своими самоделками. И вот лесная красавица, не представляя, сколько радости она принесла в дом, стоит нарядная. В доме все прибрано, чисто. Ещё до Рождества (25 декабря) выбелены комнаты, кругом нарядные накрахмаленные салфетки, вышивки, скатерти. И как прекрасно в этом дивном мире, танцующем и поющем, мерцающем разноцветными огнями!

Я очень люблю цветы. Люблю смотреть на подсолнух, когда он летним днем поворачивает за солнцем свою голову. Люблю радугу на небе. И помню, как говорила бабушка всегда, что если есть радуга на небе, значит, Бог прощает нам грехи. После теплого дождика, когда радуга опоясывает небо, что может быть радостней в этот момент. Люблю наблюдать за пчелами, когда они опускаются на яркие цветы в саду и пьют сладкий нектар. А какая радость сидеть у ручья и смотреть, как вода бежит по камням – валунам, пенится и журчит. Да мало ли я что люблю... А жить надо просто затем, чтобы жить.

Вспоминая прошлое

Сталин трубочку раскурит –
Станут листья опадать.
Сталин бровь свою нахмурит –
Трем народам не бывать.

Булат Окуджава

Судьба многих советских немцев связана с Уралом, со Свердловской областью, хотя родом они из разных мест Советского Союза.

Биц Эдуард Александрович родился в 1925 году в деревне Карарай Евпаторийского района Крымской области. Край благодатный, курортный, настоящий райский уголок на Земле. Родители, Александр Иванович (1884 г.р.) и Элеонора Александровна (1894 г.р.), работали в колхозе. Основные культуры, которые здесь выращивали в те годы, это – виноград, хлопок, кукуруза, бахчевые. Фруктов и овощей было всегда в изобилии.

Школы в деревне не было, дети ходили учиться в школу, проходя ежедневно двенадцать километров.

У родителей было восемь детей: четыре сына и четыре дочери. Старшая Ольга с 1910 года, а младшая, Елена, родится в 1940 году, когда отец будет арестован.

В 1939 году, перед Новым годом, Александра Ивановича арестовали и увезли в тюрьму в город Симферополь. Кроме отца, арестованы были его братья и все родственники. Каждую неделю увозил «черный ворон» не менее 4-5 человек. Мало кто из них возвратился домой, почти все погибли, кто был расстрелян, кто умер в лагерях.

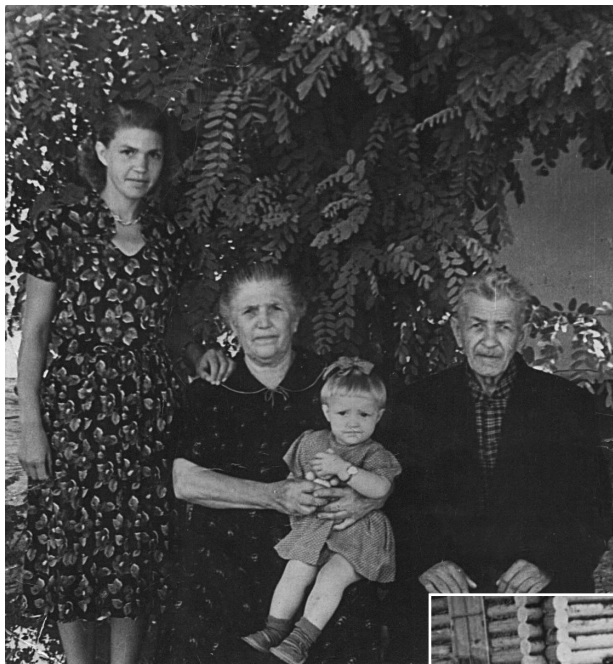
Э.А. Биц. 1945 г.

Элеонора Александровна с детьми ездила к мужу в тюрьму с передачей. Первый раз ей не объяснили, в чем обвиняется Александр Иванович. Во второй приезд объявили, что Биц А.И. обвиняется в том, что служил в белой армии. Александр Иванович никогда не служил белогвардейцам, а его брат, действительно, в гражданскую войну был мобилизован в белую армию. Тем не менее, присудили Александру Ивановичу 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Он попал

в город Соликамск Молотовской (Пермской) области на строительство железной дороги. Переписки не было, и долгое время жена и дети ничего не знали о его судьбе. После войны узнали от одного из оставшихся в живых родственника, что Александр Иванович умер в лагере в 1942 году в возрасте 58 лет.

В 1942 году семью Биц, как другие немецкие семьи, выслали из Крыма. Они попали в село Асановка Северо-Казахстанской области. Когда выслали, все хозяйство и дом конфисковали. Выслали в 24 часа. Товарным поездом до Казахстана добирались три недели. Симферополь бомбили, на Украине шли ожесточенные бои с противником.

В январе 1942 года Государственный комитет обороны СССР обя-

Отец, мать, сёстры Э.А. Биц

зал НКВД создать из переселенных «рабочие колонны и отряды, установить в них дисциплину, обеспечить высокую производительность труда, высокие производственные нормы». Жертвами этой акции стали не менее 500 000 мужчин-немцев; примерно 250 000 женщин были мобилизованы с лета 1942 года. В лагерях для немцев установились режим и нормы ГУЛАГа, быстро доводившие людей до полного истощения и смерти.

Эдуард Александрович, один из сыновей Александра Ивановича, в Казахстане сначала работал комбайнером в МТС. Отсюда органами УНКВД Се-

веро-Казахстанской области был призван в трудовую и оказался в городе Туринске Свердловской области.

Трудармейцы в Туринске работали на лесоповале и на сплаве леса. Еда – похлебка с килькой, бледный чай и 700 граммов хлеба, если выработаешь норму. Норма на двух мужчин – 12 кубометров леса. Если не выполнишь ее, то пайка хлеба урезалась до 300 граммов. Полное бесправие, болезни, лишение свободы, человеческого достоинства, общения с родными. В Туринске в начале трудовой в бараках было 1600 человек, а осталось из тех трудармейцев меньше половины. Скучное питание, тяжелая работа, болезни, несоблюдение техники безопасности свело в могилы много народа.

Работа вся вручную. Поперечной пилой и топором выдавали эти кубы леса. Никого не волновали ни возраст, ни здоровье. Работали 15-летние мальчишки и

мужчины пенсионного возраста. Голод все время преследовал трудармейцев.

После войны, в 1946 году, немцев перевели на спецселище. Трудовые книжки стали заводить на них только с 1947 года. Никаких наград за каторжный труд во имя Победы им тоже не полагалось. А ведь трудармейцы своими руками возвели многие объекты в области, причем делали все не из страха или из-за куска хлеба, а на совесть.

В 1945 году трудовая была распущена, но трудармейцы не имели право на выезд. Они продолжали работать на своих объектах как вольнонаемные, отмечаясь ежемесячно в спецкомендатуре.

В 1946 году Эдуарда Александровича направили работать на золотые прииски. Так он попал в посёлок

С семьёй на Именновском

Именновский Исовского района. Сначала был лесорубом, потом работал на драге до 1950 года. На Именновском жил в бараке, где до этого были военнопленные до 130 человек. Они были из Венгрии и Эстонии, в основном, женщины.

На Именновском Эдуард Александрович хорошо зарабатывал. В 1949 году женился на Абакумовой Таисии Георгиевне, местной жительнице, работавшей тоже на драге.

В 1950 году с женой уехал в Северный Казахстан к родным. Там жили и работали они до 1956 года. В 1956 году вернулись на Именновский. Здесь развертывалось строительство нового города и комбината.

Эдуард Александрович работал на бульдозере, строил железную дорогу ст. Азиатская – Качканар. С 1959 года строил ГОК, работал на кране. Вышел на пенсию в 1985 году.

В семье Бица Э.А. шестеро детей. Ушла в мир иной жена, нет двух старших сыновей-близнецов. Нет сестер и братьев в живых. С Германией тоже нет никакой связи. Есть 8 внуков и 4 правнука.

О годах в трудармии, о том, что стоял на учете в спецкомендатуре с 1946 до 1956 года, о получении паспорта только в 1955 году, говорит Эдуард Александрович без злобы, как о чем-то необходимом, через которое он, советский немец, должен был пройти.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Воробьева (Верман) Валентина Фридриховна

Валентина Фридриховна родилась в 1949 году в городе Свердловске.

Её отца Вермана Фридриха Адольфовича (1924 г.) в 1941 г. из села Гуровка Омской области мобилизовали в трудармию. В Свердловске, куда попал Фридрих Адольфович, он работал на Уктусском кирпичном заводе, рабочим под надзором спецкомендатуры. Его отца арестовали в 1941 году, и он бесследно исчез.

В трудармии все было: и голод, и холод, и травмы. От полученной травмы головы Фридрих Адольфович долго лежал в больнице. Трудармия – это нечто среднее между лагерем и свободой. Это та же колючая проволока, ограждающая от вольного мира, те же пайки, тот же каторжный труд, те же унижения и бесправие.

Всю оставшуюся жизнь Верман Ф. А. проживал в Свердловске. Здесь женился на Капитолине Ильиничне, родились дети. Имея образование всего 4 класса, Фридрих Адольфович гордился тем, что знает больше тех, кто окончил среднюю школу.

Дочь Валентина вышла замуж и с мужем Воробьевым Василием Николаевичем в 1982 году приехала в Качканар. На ТЭЦ Валентина Фридриховна работала заведующей столовой. У неё двое детей и трое внуков.

За колючей проволокой Урала

Пфaffenрот Андрей Петрович родился в 1923 году в Омской области, Варшавском районе селе Блюменфельд (Цветочное поле). Его далекие предки приехали в Россию ещё во времена Петра I. У Андрея Петровича было пять сестер и младший брат. В 1937 году родителей забрали и отправили неизвестно куда. Что стало с родителями, дети так и не узнали.

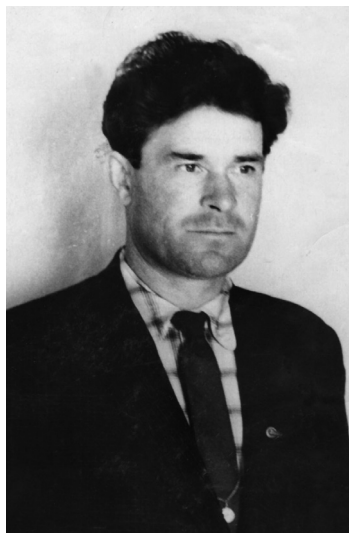
Когда началась Великая Отечественная война, всех трудоспособных немцев переселили в разные места страны подальше от фронта. А они хотели воевать за СССР, они родились в этой стране и хотели защищать её от врага наравне с другими народами. Немец – это только национальность. А героизм и предательство национальности не имеют.

В апреле 1942 г. Андрею Петровичу выдали повестку через райвоенкомат о призыве в армию. Всю дорогу он не знал, куда его везут и что ждет его впереди. И было ему тогда 18 лет – возраст надежд на самое лучшее, что может произойти в жизни.

Распределение осуществлялось по четырем существовавшим лагерям в Казахстане и на Урале: Кимперсайлаг, Ивдельлаг, Богословлаг и Соликамскбумлаг.

В лагерях немцев использовали, в основном, на стройках промышленных объектов и лесозаготовках. Их называли трудмобилизованными в трудовую армию. Трудармия – понятие неофициальное. У неё не было определенного законом статуса.

Андрей Петрович сначала был в Свердловске, а затем в Краснотурьинске (Богословлаг).

Андрей Петрович Пфaffenрот

Вот как описывает трудмобилизованный в Богословлаг о жизни и работе: «Эшелон с трудмобилизованными немцами мчался через просторы Сибири. Проследовали через Нижний Тагил, Серов и вот, наконец, станция «Медная шахта» на северном Урале. Здесь предстояло в сложнейших условиях строить промышленный гигант по производству глинозема и алюминия и новый город Краснотурьинск.

На станции «Медная шахта» наш эшелон простоял весь день. И только с наступлением темноты началась разгрузка. После выгрузки трудовармейцев окружила военизированная охрана.

Отсюда и начался маршрут – по снежной дороге несколько километров до места лагеря. Везде было много огней, обозначавших лагерные зоны Богословлага НКВД. Картина была удручающая. И, тем не менее, нет-нет можно было услышать разговоры и даже приглушенный смех, шутки. Вдруг колонна остановилась. Навстречу везли сани с трупами умерших трудовармейцев. После этого ни один не проорил ни единого слова.

Вскоре колонна прибыла на место. Несколько барачков с трёхъярусными нарами обнесены колючей проволокой. В каждом углу этого прямоугольника стояли сторожевые вышки. Около ворот – проходная с охраной. На другое утро состоялась первая встреча с лагерным начальством. Перед строем трудовармейцев выступил с «программной» речью начальник первого отдельного лагерного пункта (ОЛП) капитан НКВД

Паперман. Смысл его речи сводился к одному: «... всех вас, как шпионов и диверсантов, следовало бы расстрелять из пулеметов. Но мы поступили гуманно и дали возможность честно искупить вину».

Лагерь располагался в пяти километрах от основной стройплощадки будущего завода. Эти километры трудармейцы топали под конвоем ранним утром и поздним вечером. На сон оставалось мало времени, и какой мог быть сон в условиях скученности, толкотни и грязи? Питание было никудышное: хлеба по 600 грамм на душу в день, для горячего выделялось ничтожно мало крупы и растительного масла.

Трудмобилизованные немцы прибыли на БАЗ-строй тремя партиями. Первыми были выходцы из Украины. Они испытали сполна на себе всю горечь унижительного положения человека в условиях лагеря при отсутствии конкретной вины.

К работе они приступали в условиях наступивших холодов, а теплой одежды не было. Объектами их работы были каменный карьер, строительство плотины и прокладка подъездных железнодорожных путей. Основные орудия труда – лом, кайло, кувалда, кирка, лопата и тачка. В таких условиях трудармейцы к весеннему паводку 1943 году соорудили плотину через реку Турью и уложили подъездные железнодорожные пути. Но это было достигнуто дорогой ценой – половина трудармейцев нашла здесь свою могилу, под которую была отведена площадь в несколько гектаров на 42 квартале. После трудармии земля была разровнена бульдозерами и отдана под пашни.

Вторая партия немцев прибыла из Сибири в январе 1942 года. Она включилась в строительство жилья, дорог, предприятий и стройматериалов, ремонтно-механического завода, временной электростанции, прокладкой труб водоснабжения и сантехники на лесоповале.

Третья, самая большая партия прибыла на БАЗ-строй в апреле 1942 года также из Сибири из числа немцев, переселенных с Волги.

На БАЗстрое НКВД было собрано несколько десятков тысяч советских немцев, которые под конвоем жили и работали на этом громадном строительстве. Здесь были такие мощные строительные организации как «Промстрой», «ТЭЦ-строй», «Спецстрой», «Жилстрой», «Волчанскугольстрой», «Стальконструкция» и другие.

Трудным во всех отношениях выдалось лето 1942 года. С фронта поступали тревожные вести. Из дома сообщали, что идет мобилизация жен, дочерей и сестер в трудовую армию. Здесь, на строительстве, трудармейцы прилагали максимум усилий, чтобы к осени 1942 года над основными объектами были крыши. В таких условиях родилось движение фронтовых бригад, которые нередко сутками находились на фронтовой вахте. За высокие производственные показатели им вручались переходящие красные знамена.

Забора о Красной Армии была у трудармейцев на первом месте. К праздникам: к Новому Году, к 23 февраля, к 1 мая и 7 ноября они из своей скудной дневной хлебной нормы выделяли по 200 грамм хлеба с чело- века, чтобы потом из муки испечь печенье и отправить подарки на фронт.

Особый энтузиазм вызвало предложение произвести сбор средств на вооружение Красной Армии. Трудармейцы БАЗстроя собрали для этих целей свыше 2 млн рублей. После этого пришла благодарственная телеграмма Председателя Государственного комитета обороны: «Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на БАЗстрое, собравшим 353785 рублей на строительство танков и 1 млн 820 тыс. рублей на строительство эскадрильи самолетов. Мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

На митинге по этому случаю мы не скрывали слез. Состоялось первое официальное признание нашего самоотверженного труда, нашего искреннего желания помочь фронту, отдать последние силы для победы над врагом.

Супруги Пфафенрот. 1966 г.

Так шло время, и все острее видели трудармейцы результаты своего труда. Были пущены в эксплуатацию первый глиноземный цех, ТЭЦ, волчанские угольные разрезы. Полным ходом шло строительство жилых домов и объектов соцкультбыта будущего города Краснотурьинска.

9 мая 1945 года, в день Победы над германским фашизмом электролизники Богословского алюминиевого завода произвели первый розлив металла – серебристого алюминия, ради которого строители и монтажники БАЗстроя трудились все эти долгие трудные годы войны.

Их трудовой героизм был по достоинству оценен. Многим из числа трудармейцев, работавших на БАЗстрое, вручались медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Жили трудармейцы под спецкомендатурой строго режима, без права выезда до особого распоряжения. Чтобы съездить в Серов, приходилось отпрашиваться. После работы выходить из барачных не разрешалось. Самовольный выезд рассматривался как побег и налагал ответственность в уголовном порядке. Спецпереселенцы должны были в течение трёх

суток сообщать в комендатуру обо всех изменениях в семье – будь то рождение ребенка или смерть.

Окончание войны не принесло освобождения. В 1949 году была проведена Всесоюзная перерегистрация спецпереселенцев. Они должны были подписать обязательство самовольно не покидать места поселений. Фотографии, описания особых примет, отпечатки пальцев, учетные карточки, ежемесячная пометка в комендатуре – как с уголовными, так и с политическими преступниками.

Это были очень тяжелые времена. Андрей Петрович, награжденный медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» не любил о них рассказывать. Богословлаг научил его молчать, терпеть, закалил его силу духа. Продолжить образование он не мог. В учебных заведениях нужно было заполнять анкету, а там была графа – национальность. И в сведениях о родителях ему нечего было писать. Да и некоторые люди очень долго косо смотрели на немцев, работавших в тылу.

О судьбе и предназначении человека существует много красивых легенд. И когда зажигается звезда добра, света и любви к людям, то человек, рожденный под этой звездой, несет в себе эти качества на протяжении всей жизни.

Ярким лучем в жизни Андрея Петровича была встреча с русской девушкой Зоей. Встретив её однажды, он полюбил её на всю жизнь. Боль, страдания, унижения – сколько нужно было пережить. Ведь полюбить немецкую парню русскую девушку было испытанием, так как его считали врагом народа. Но любовь давала силы, помогала выжить в суровых условиях.

Ивонина Зоя Петровна родилась в 1930 году в поселке Турьинские рудники. Поженились в 1948 году. Андрей Петрович трудился в организации «Сантехмонтаж», а Зоя Петровна, воспитатель по образованию, воспитывала пятерых дочерей. Жили хорошо, построили дом, завели свое хозяйство. В 1962 г. Андрею Петровичу предложили место на Качканарской комсомольской стройке тоже в «Сантехмонтаж», в ко-

торой он долго трудился, потом перешёл в ГОК.

Андрей Петрович и Зоя Петровна вырастили и воспитали пятерых дочерей, у них сейчас 7 внуков и 7 правнуков. Дочери выросли, получили образование, начали работать, вышли замуж. Очень рано ушла из жизни дочь Таня. Лидия, Ирина и Наталья трудились и трудятся в ГОКе, Елена – в налоговой инспекции. Старшая из дочерей – Лидия, в настоящее время пенсионер и активно работает в качканарском отделении Ассоциации жертв политических репрессий.

Семья огромная и очень дружная. По традиции, заведенной когда-то родителями, когда дочери приходили к ним со своими семьями, встречаются вместе все праздники, делят вместе все радости и беды.

Далеко не в каждой семье дочь, уже сама ставшая бабушкой, станет спрашивать совета у своей матери. «Как скажет мама», – таков аргумент был у дочерей Зои Петровны, когда она была жива. Я знала Зою Петровну давно. Это была добрейшая, очень обаятельная, чуткая и сердечная женщина в нашем городе.

Столько лет прошло с малолетства,
Что его вспоминаешь с трудом.

И стоит вдалеке моё детство,
Как с закрытыми ставнями дом.
В этом доме все живы-здоровы –
Те, которых давно уже нет.
И висячая лампа в столовой
Льет по-прежнему теплый свет.
В поздний час все домашние в сборе –
Братья, сестры, отец и мать,
И так жаль, что приходится вскорё,
Распрощавшись, ложиться спать.

Разросся один из самых красивых и благоустроенных городов Свердловской области Краснотурьинск, построенный в тяжелейшие военные годы. В городе установлен памятник: 3-х метровый крест из мрамора – белого с благородными черными траурными жилами. И под ним золотом надпись на немецком и русском языке: «Трудармейцам Богословского лагеря НКВД – строителям города, алюминиевого завода, электростанции 1941-1945. Niemand und Nichts sind vergessen – никто и ничто не забыто». Памятник поставлен героям-трудармейцам их сыновьями и младшими братьями, в большинстве эмигрировавшими в Германию.

Краснотурьинские родственники. 1959 г.

За что?

У нас сейчас свирепствуют жестокие морозы. Холодный северный ветер пронизывает до последней косточки. Попадаю из лютой стужи в настоящую оранжерею, где столько зелёных экзотических растений, а в клетках волнистые попугайчики, чему-то радуясь, голосисто-звонко друг с другом пересвистываются. Попугай Филя сначала похвастался: «Филя – самая умная птичка на свете», - а потом спросил – «кушать будешь?»

г. Копейск, 1950-е годы

И все это в квартире Домбровской Анны Григорьевны. Она родом с Западной Украины, Тернопольской области, села Требуховцы. Семья Домбровских – это мать, Домбровская Мария Онуфриевна, её сын Иосиф и дочь Анна (отец умер в 1929 г) - имела единоличное хозяйство: дом, сарай, корову, телку, кроликов, гусей, уток, кур. Так жило большинство украинских крестьян. Колхозов не было. Их начали создавать после Великой Отечественной войны. Брат, Домбровский Иосиф Григорьевич, во время войны ушел из дома и пропал. Никто ничего о нем не знал. В апреле 1946 года Марию Онуфриевну и её дочь Анну высылают из Западной Украины как членов семьи ОУН. Состояли ли Иосиф в этой организации, в чем конкретно была его вина, никто не объяснял. Дом и все хозяйство было конфисковано и передано в местный колхоз. Обе женщины сосланы.

Анна Григорьевна, юная девушка, попадает на спецпоселение в Архангельскую область, посёлок Пасьва. Все спецпереселенцы жили в бараках, переполненных комнатах и работали в леспромхозе. Так как специальности у Анны никакой не было, то приходилось выполнять разную работу. Сначала была работа в отделении, которое называли «Газочурка». Надо было разрубать топором чурку на мелкие кусочки. Их сушили, и на этом топливе работали трактора в леспромхозе. «Один раз – вспоминает Анна Григорьевна, - стукнула топором по чурке и попала на сучок. Топор отлетел в сторону и прямо по руке. Так до сих пор остался след на левой руке». Девчата пилили дрова для паровоза. Однажды лес с платформы обвалился прямо на ноги. С открытым переломом ноги положили Анну в больницу.

Во всем, что рассказывает Анна Григорьевна, нет ни одного слова обиды, жалобы на несправед-

ливость. Она не рассказывает о всех трудностях, которые ей пришлось испытать. В леспромхозе она знакомится с местной девушкой Тамарой. Её сестра работала мастером в леспромхозе. Она обучила Анну профессии маркировщика. Вывезенный из делянок лес она маркировала: указывала толщину и наименование, место отправления. Все это выбивалось зубилом и молотком. Пришлось поработать и приёмщиком.

Так работала Анна Григорьевна целых четыре года. Но в трудовой книжке нет записи об этой работе на спецпоселении, и потому четыре года не вошли в трудовой стаж.

В мае 1950 году вышло Постановление, что всем спецпереселенцам разрешается воссоединяться со своими семьями.

Мать Анны Григорьевны была сослана в 1946 году город Копейск Челябинской области. Вот туда и отправилась Анна Григорьевна.

Дорога дальняя, вагоны крытые... До Свердловска все ехали именно в таком поезде. На Свердловской железной дороге начальник был возмущен тем, что людей везут в товарном поезде, ведь они не преступники. До Копейска купила Анна Григорьевна билет на пассажирский поезд. Мария Онуфриевна, которой в то время было уже 65 лет, не имела в Копейске ни своего угла, ни работы, ни родных. Она жила в прислугах в семье, нянчилась с детьми, тем и питалась, там и ночевала, и дневала.

Анна Григорьевна устроилась на железную дорогу стрелочницей. В декабре 1950 г. им дали отдельную комнату в бараке, так радости не было предела. Работа, жилье, мама рядом...

33 года проработала Анна Григорьевна на железной дороге стрелочником, старшим стрелочником. Работа трудная, ведь по пословице мы знаем, что во всем виноват стрелочник.

В трудовой книжке – одни благодарности, денежные премии, грамоты. Фотография Анна Григорьевны всегда висела на Доске почета. Ни от какой

Архангельская область, ссылка

работы не отказывалась, всегда со всеми ладила, приходилось часто подрабатывать, ведь ей одной пришлось растить и воспитывать дочь Ольгу. Дочь окончила Копейский горный техникум, затем Свердловский горный институт. Вместе с мужем после окончания института приехала работать в Качканар. Сюда же, по настоянию дочери, в 1994 году приехала Анна Григорьевна. Из Копейска, где она всегда была уважаемым человеком, так не хотелось ехать. Там остались молодость, лучшие годы жизни, счастливые дни.

14 июня 1958 г. Анна Григорьевна была снята со спецучета. А до этого дня она должна была отмечаться в комендатуре, так и не поняв до сих пор, за что.

Директор Гальвас

Гальвас Бруно Людвигович родился в ноябре 1919 года в деревне Гельбруж Старо-Крымского района Крымской АССР.

Детство было трудным и голодным. Рано ушел из жизни отец. В 1942 году не стало матери. В семье было два брата.

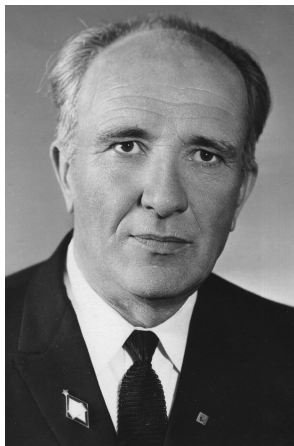
Свою педагогическую деятельность Бруно Людвигович начал в 15 лет в городе Джанкой учителем начальных классов. В 1938 году он окончил Феодосийский педагогический техникум и был назначен директором сначала семилетней, а затем восьмилетней школы с продлённым днем. Перед войной окончил исторический факультет двухгодичного учительского института.

В 1942 году Бруно Людвиговича по Указу от 28 августа 1941 года « О выселении советских немцев на Урал Сибирь и Казахстан» оказался в Тавда - Лаге НКВД СССР. В военные годы он в составе трудармии строил гидролизный завод и фанерную фабрику в г. Тавда Свердловской области. Бруно Людвигович был бригадиром в строительной бригаде. Разумеется, эти годы не прошли даром и сформировали его априори как руководителя жесткого и требовательного.

После войны Бруно Людвигович переехал в г. Кушву и навсегда связал свою жизнь и судьбу с Уралом. В этом городе женился, родились сын Виктор и дочь Любовь. До мая 1956 года состоял на спецучете в комендатуре, ежемесячно в ней отмечаясь.

Но педагогическая деятельность не отпускала. Он поступил и заочно окончил факультет иностранных языков Свердловского пединститута. В школе работал учителем немецкого языка и директором школы.

В 1962 году Бруно Людвигович был награжден зна-

ком «Отличник народного образования» за большие достижения в воспитании подрастающего поколения.

С 8 июля 1970 года его назначают директором средней школы №3 г. Качканара, которую он возглавлял 4 года. Гальвас Б.Л. был хорошим хозяйственником. Под его руководством при школе были построены гараж, теплица, лыжная база, ограждение вокруг школы. Школьный участок был засажен деревьями, в школу были закуплены киноаппараты, швейные машины, во многих кабинетах были сделаны большие классные доски.

В школе работала большая сеть кружков и спортивных секций, был свой вокально-инструментальный ансамбль, в подвале школы тир. Общий трудовой стаж Бруно Людвиговича составил 49 лет 4 месяца, педагогический – 29 лет.

По воспоминаниям его дочери Любви Бруновны, это был необычайно работоспособный и трудолюбивый человек. Находясь на заслуженном отдыхе, он интересовался событиями в стране и в городе. Много читал. Бруно Людвигович был мудрый, умный и интересный собеседник. Как человек ответственный и требовательный, был строгим, но справедливым. Старался всегда быть оптимистом, любил шутить, никогда не унывал, был жизнерадостным. У Бруно Людвиговича была отличная память до самой старости. Он помнил фамилии и имена многих людей, с которыми связывала его судьба, начиная с 40-х годов и до настоящего времени, пока был жив. Бруно Людвигович любил и уважал людей. Он прожил 86 лет. У него есть 4 внуков и 6 правнуков.

Гальвас Бруно Людвигович умер в январе 2006 года.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Горшенина (Гальвас) Эльза Рейнгольдовна

Ее отец, Гальвас Рейнгольд Рейнгольдович, родился в деревне Цюрихталь Крымской АССР в 1919 году. 18 августа 1941 года его, как и всех крымских немцев, выслали из Крыма вместе с матерью Идой Дубс (1886-1968 гг.), братом Эдгаром (1914-2001гг.), сестрой Гельмой (1921-1968гг.), и с семьей сестры Алиды. Им было сказано, что эвакуируют на три месяца. Привезли в село Семеновка Кустанайской области. В январе 1942 года Рейнгольда, его брата Эдгара мобилизовали в трудармию, в которой они находились до 1946 года. В январе 1946 года в посёлок Косья Исовского района привезли трудармейцев. В их числе был Рейнгольд Рейнгольдович, его брат и их отец, Рейнгольд Фридрихович (1890-1981 гг.). Перед войной отец был осужден по 58 статье на 5 лет, но из-за войны отбывал срок 7 лет. Реабилитирован при жизни.

В октябре 1947 года Рейнгольд Рейнгольдович женился на Виктории Закирьянц (1924 г.р.), до войны она проживала в городе Судак Крымской АССР. Всю семью Закирьянц в 1943 году фашисты увезли на принудительные работы в Австрию. Виктория работала у хозяйки в кафе, а также у бауэра и мясника. В 20 лет натерпелась побоев и унижений. 9 мая 1945 года была освобождена, но попала в советский лагерь для репатриированных. Отец Виктории был армянин. А всех армян выслали в 1944 году из Крыма без права возвращения на эти земли.

28 октября 1945 года таким образом Закирьянц Виктория оказалась в посёлке Косья. Здесь познакомилась с будущим мужем Гальвасом Р.Р. В браке родилось 4 детей: Эльза (1949г.р.), Рейнгольд (1951 г.р.), Нелли (1954 г.р.) и Анна (1962 г.р.).

Счастливая женщина

Не всякий раз побываешь в доме женщины, у которой есть такая награда, как орден Трудового Красного Знамени. А сколько наград, благодарностей и поощрений у Фриды Ивановны! Она – ударник всех пятилеток, есть медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», медаль «Ветеран труда», огромное количество грамот. За доблестный труд в 70-е годы была награждена туристической путевкой в Египет. Это в то время, когда поездка в Болгарию для наших людей была запредельной мечтой. Она была членом обкома профсоюзов.

Жаворонкова (Крекер) Фрида Ивановна родилась на Украине в Одесской области. Семья Крекер жила

в немецкой колонии №5. Так жили немцы на территории Украины еще со времен Екатерины 2. Отец с матерью работали в колхозе. Старшие дети учились в немецкой школе.

Летом 1940 года из их колхоза были переселены 5 семей в Сибирь. Среди них была семья Крекер и 2 брата отца с семьями. Иван Иванович и Юстинья Фридриховна уезжали в незнакомое место с 6 детьми. Самой младшей Женечке было несколько недель. Она умерет зимой 1941 года в далекой Омской области, таким образом открывает счет смертям семьи Крекер. На Украине жили хорошо, зажиточно. Провожали их односельчане на новое место жительства с духовым оркестром. В Сибирь ехали товарным поездом.

Когда приехали в Омскую область, Иван Иванович попросил, чтобы их направили жить в русскую деревню. Так Крекеры попали в Калачинский район, колхоз «Коминтерн». Колхоз был отстающим, нищим. Когда Юстинья Фридриховна увидела эту нищету, она все время плакала. Даже узлы с вещами не хотела развязывать, уговаривая мужа ехать обратно. Их семье дали дом, корову. Иван Иванович устроился работать на колхозную мельницу, Юстинья Фридриховна стала бригадиром овощеводческой бригады. «Повяжет голову платком, тляпка – на плечо и целый день на работе», – вспоминает о матери Фрида Ивановна.

1 сентября 1940 года дети пошли в школу. Преподавание в школе велось на русском языке, но по-русски дети не разговаривали, поэтому их приняли на класс ниже. Так Фрида опять пошла в 1 класс.

Осенью с Украины пришел целый вагон с пшеницей, просом, ячменем, семечками, тыквами. Это родители заработали на трудодни. Несмотря на то, что сами жили небогато, раздали это добро местным людям. Со стороны населения к ним было очень хорошее отношение, так как родители были очень человечными.

Недалеко от села был военный аэродром. Страна готовилась к войне. Вечерами ужинали под столом, так как нельзя было зажигать свет, когда раздавался рокот самолетов. Первая зима 1941 года была настоящим испытанием.

С началом Великой Отечественной войны Ивана Ивановича забрали в трудовую армию, где он трудился в те годы на шахте. Юстинья Фридриховна тяжело заболела, ей была сделана операция, после которой она умерла в 1942 году. Дети остались одни. Старшей сестре Юстинье было 13 лет, а младшей Заре – 3 года.

С этого времени дети делали все дома. сами себя воспитывали. В огороде сажали овощи. Коровы спасали от голода. Были овцы, куры. И все это держалось на детских плечах. За дровами, сеном ездили сами и привозили на саночках. В школу теперь ходили изредка. Братьев отца и их жен тоже забрали в трудовую армию. Младших детей – Зару и Ивана определили в детский дом. Потом Фрида с трехлетним двоюродным братом Ароном ока-

жутся в детском доме. Мать Арона, когда вернулась из трудовой армии, отыскала сына в детском доме. Вместе с ним уехала к своим родным, и связь с ними потерялась. Много пишут о детских домах военного лихолетья разного, но больше негативного. Этот детский дом был очень хороший. У него было свое подсобное хозяйство, в котором работали старшие воспитанники. Пусть не видели дети разносолов, но и не голодали. Директор детского дома – мужчина понимал, какая ответственность легла на его плечи. Он заменил этим осиротевшим детям отца. В детском доме не было наказаний голодом и трудом. Самое страшное наказание за какой-нибудь неблагоприятный поступок – запрет поиграть.

Фрида училась там в школе, в 3 и 4 классе, пока в 1947 году не вернулся из трудовой армии отец. Она вспоминает, как любила помогать в детском доме взрослым и за это ее очень любили.

Иван Иванович вернулся весной 1947 года, а осенью его не стало. Тяжело больной, он работал в колхозе совсем недолго, пахал землю на быках и коровах.

Послевоенная жизнь была не лучше, чем в войну. Все так же собирали и ели мерзлую картошку. На колхозном току осторожно сгребали заброшенное зерно, затем мололи его на жерновах. Сдавали овец и за это получали хлеб. Пройдет много лет, а ученые будут «ломать» головы – как выжили в нечеловеческих условиях простые люди, что они ели и пили в военные годы. Интерес к этому, я считаю, никогда не угаснет: мир постоянно живет в экстремальных условиях. Один из рецептов тогдашней кухни – суп-затирушка, о котором мне поведала Фрида Ивановна. Готовился так: в кипящую, подсоленную воду хозяйка бросала маленькие кусочки теста, отщипывая их от большого куска. Тесто, разумеется, было не из белой муки, а из того, из чего можно было замесить.

После детского дома Фрида пошла работать в колхозную ферму, принимала молоко у доярок. После пришлось нянчиться с детьми, быть прислугой в чужих семьях.

Вскоре встретила с Жаворонковым Михаилом Евдокимовичем и вышла за него замуж в 1949 году. В 1950 году родилась дочь Нелли. Ежемесячно отмечалась в

комендатуре, имела справку и временный паспорт.

В 1951 году муж уехал в Свердловскую область, на станцию Егоршино, устроился работать на шахту. Фрида Ивановна с маленьким ребенком и сопровождающим из комендатуры поехала на постоянное место жительства на Урал, в Свердловскую область, теперь уже навсегда.

В Егоршино устроилась на работу на стройку штукатуром-маляром. Здесь также отмечалась в комендатуре. После комендатуру перевели в поселок Буланаш. Приезжали милиционеры из комендатуры, и, все кому следовало, шли отмечаться. Один раз бестактный бригадир спросил при всей бригаде у Фриды Ивановны: «Что такое ты натворила, что тебя вызывают в комендатуру?» Сейчас вспоминает, как высказала все коменданту, рассказала о своих родителях, о грубости бригадира. Комендант пообещал освободить и вскоре, действительно, Фриде Ивановне не пришлось ходить на отметки в комендатуру.

В 1959 году приехала жить и строить город Качканар. Сначала устроилась работать техничкой в общежитии, дали отдельную комнату. Потом и до самой пенсии – трест «Качканаррудстрой». Фрида Ивановна – бригадир штукатуров-маляров. Ее бригада всегда

была на лучшем счету в тресте. С людьми всегда ладила. Сама работала на износ, поэтому в бригаде всегда была примером, на кого нужно было равняться. Получая награды и поощрения, не любила, чтобы выделяли и поощряли только ее.

Сейчас Фрида Ивановна на пенсии, живет с семьей внука. У нее две дочери, пять внуков и пять правнуков. Две сестры – Зара и Юстинья живут на Алтае, в городе Бийске. С ними встречается редко. Она немка только по документам. Немецкого языка не знает, в Германию никогда не поедет.

В Качканаре всегда жила материально хорошо, была всем обеспечена и как могла, помогала семьям дочерей. Сейчас одна из ее внучек – предприниматель, у нее книжный магазин «Панорама». Внуку, делающему евроремонт в своей квартире, было к кому обратиться за советом. У Фриды Ивановны общительный, добрый характер, с ней легко и интересно вести беседу.

Пусть личная жизнь сложилась не так, как мечтается каждой девушке в юности, Фрида Ивановна – все равно счастливый человек. Счастье в том, что сделано так много в жизни. Да разве не радость ходить по улицам города, построенного своими руками, как в песне поется, дарить на память города друзьям.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Кнаус Александр Александрович

Родился в 1939 году в селе Крацкое Ленинского района Республики немцев Поволжья в семье Кнаус Александра Генриховича (1913 г.р.) и Елизаветы Егоровны (1917 г.р.). Родители работали на ткацкой фабрике: отец – слесарем-наладчиком, мать – ткачихой.

4 сентября 1941 года по Указу от 28 августа 1941 года семью Кнаус с двумя детьми выслали в Омскую область, Называевский район, деревню Кабаново. Отца сразу забрали в трудовую бригаду в Ивдель на лесоповал, где он находился до 1947 года под надзором спецкомендатуры.

В деревне Елизавету Егоровну с детьми поселили в полуразрушенном доме. Дети мать фактически не видели: она целыми днями, от зари до ночи трудилась в колхозе.

27 декабря 1950 года Елизавета Егоровна с детьми переехала по вызову мужа в поселок Косья Исовского района, где жил Александр Генрихович. В это время он работал на шахте Исовского прииска. В семье родилось ещё двое детей.

Александр Александрович получил среднее образование. Первоначально работал в поселке Журавлик на гидравлике. В 1961 году приехал в Качканар. Здесь обзавелся семьей. Трудился на стройке электриком, а с 1966 года в ГОКе. С женой Галиной Павловой вырастили двоих детей. Сейчас у них трое внуков. Оба ветераны труда.

Говорите о любви любимым

«Говорите со своими родителями, пока они живы. Потом придешь к могиле, а сказать будет некому и побеседовать не с кем. Никто тебя не услышит и ничего не ответит», — такой жизненный совет дает Игнатенко Надежда Хельгардовна.

Ее отец, Пубанц Хельгард Людвигович, по национальности австрийский немец, мать – полька, родился в крестьянской семье в 1906 году в Польше, под городом Люблиным. Тогда это была территория Российской империи. Родители очень рано умерли. Осталось трое детей: дочь и два сына. Их определили в детский дом. С 3 марта 1918 года по Брестскому миру эти земли отошли к Польше, как к самостоятельному государству. Детей из детского дома отправили в Москву, в такое же учреждение.

Московский детский дом находился на территории Зачатьевского монастыря. Сейчас он находится в пяти минутах ходьбы от Храма Христа Спасителя. Хельгард окончил 7 классов и ФЗО, получил профессию электрика.

Когда детей выпустили из детского дома, то им дали комнату на троих. Комната находилась в доме над аркой, была очень холодной, с печным отоплением. Даже в 1959 году в этом доме все еще топили печи.

Вскоре Хельгарда мобилизовали в трудовую армию. В 30-е годы в стране была трудовая армия. Когда он вернулся в Москву, то ни жилья, ни работы не было. Старшая сестра Эмма вышла замуж и жила с семьей в комнате, которую им дали на троих. Младший брат Александр тоже женился и жил отдельно.

Хельгард в детском доме подружился с таким же сиротой. Паренька звали Иван Иванович Семочкин. Друг в то время жил в Свердловске. Вот туда и поехал Хельгард.

Поначалу жил в общежитии, работал на заводе электриком. В 1938 году женился, в 1939 году родилась дочь Надежда. Жена, Седорюк Ефросинья Якимовна (1910 г.р.), работала продавцом в магазине «Пассаж», в галантерейном отделе. Всем женщинам этого отдела раз в неделю делали маникюр бесплатно. У продавца, продающего шелковые чулки и белье, должны были быть ухоженные руки, с красивыми ногтями, без заусениц.

В 1942 году Хельгарда Людвиговича выслали из Свердловска в город Карпинск на спецпоселение по национальному признаку. Он жил и работал в Карпинске электриком. В 1947 году, когда было разрешено воссоединяться с родными, то жена и дочь перебрались в Карпинск. В 1948 году родился сын Александр.

Характер у Хельгарда Людвиговича был очень замкнутый, он больше молчал и слушал, чем говорил. У Надежды Хельгардовны поэтому нет воспоминаний отца о своем детстве, о жизни в детском доме и о военных годах. Правда, он однажды сказал дочери: «Запомни: народ и власть – понятия несовместимые».

Как жила Ефросинья Якимовна с маленькой дочкой в военные годы? Первый Новый год, который запомнился маленькой Наде, был тогда, когда ей и другим детям дали конверты с подарками. Одна из женщин сделала из почтовой бумаги конверты и их разукрасила. В них положили по две мандаринки, три грецких ореха, пряники и конфеты. Конфеты были завернуты в цветные бумажки, что привело детей в неопишемую радость.

Самое запомнившееся чувство детства – это голод. Есть хотелось постоянно. Дети в Свердловске собирали кашку клевера, желтые цветы акации, соевые пестики, и все это съедалось. По улицам зимой собирали куски жмыха, а дома размачивали его кипятком.

Жили недалеко от колхозного рынка. В жаркие дни Надя, как и другие дети, брала ведро с водой, шла на рынок и кричала: «Вода! Холодная вода!» Люди покупали воду кружками, платив за нее пятаками. На собранные деньги купила заветную игрушку – плюшевого мишку. Это была обычная игрушка, набитая опилками. Вечером, посадив мишку на колени, накормила его ложечкой каши. А на утро оказалось, что больше нет горя, чем это. Рот мишки был объеден мышами. Потом мама аккуратно заштопала дырки. И мишка остался любимой игрушкой. Еще в те годы была кукла – пупсик, что тоже было радостью. Редко у кого из детей тогда были куклы.

Х.Л. Пубанц в юности

Хотя жили в бедности, но в доме всегда была чистота. В 1950 году умерла Ефросинья Якимовна. Хельгард Людвигович женился второй раз. Мачеха была очень трудолюбивой женщиной, но с очень жестким характером. У нее было много родственников, которые стали сейчас Надежде Хельгардовне роднее родных.

В 1958 году Хельгарду Людвиговичу дали дом на две семьи. Дом гордо назывался коттеджем. Двор огородили, везде навели идеальный порядок. Хельгард Людвигович отделал дом так, что все на него заглядывались. Даже во дворе выложил доски, они были обязательно фугованные. Всё, к чему прикладывал руки, делал очень аккуратно. В хозяйстве завели поросенка, козу, кур. Огород засадили кроме овощей, кустами смородины и крыжовника. Цветы в палисаднике и на веранде радовали и умиляли всех, кто проходил мимо.

С детства Надя много работала: в огороде полола грядки, стирала, шила, мыла. Считала, что так и

должно быть. С тех пор любит вышивать, красиво штопать. Ведь в те годы донашивали одежду до семи дыр. Вагонами читала книги, жила придуманной жизнью и ждала принца на белом коне. Читала летними ночами, когда светло, на уроках, в щелочку на парте, у костра, когда осенью охраняли картофель от воров.

В 1956 году Надежда поступила в Саратовское педагогическое училище. Затем окончила педагогический институт, стала работать учителем русского языка и литературы. В Карпинске вышла замуж, родила сына Алексея. Затем Надежда Хельгардовна заочно окончила Свердловский юридический институт и 22 года работала следователем в Качканаре.

За эти годы – сотни раскрытых дел, тысячи людских судеб... Сын Алексей тоже юрист, работает в Екатеринбурге.

Надежда Хельгардовна объездила пол-Европы и побывала во многих странах. После первой поездки в Болгарию в советские времена отец спросил у нее: «Есть ли у них в магазинах продукты?» Для человека, пережившего сиротское голодное детство, трудную юность и военный голод, мерилом благополучия было наличие продуктов в магазинах. Да вспоминалась 800-граммовая пайка хлеба во время войны, над которой крепко потрудились величайшие мастера припека.

По рассказу Надежды Хельгардовны, у нее и у многих людей старшего поколения, самым заветным желанием было вволю наесться сливочного масла. «Вот вырасту, получу первую зарплату, ничего покупать не буду, а первым делом куплю килограмм сливочного масла. И есть его буду до тех пор, пока не съем». Казалось, что человечество не придумало ничего вкуснее и лучше, чем сливочное масло.

Семья Пубанц в Карпинске

Давно умер Хельгард Людвигович. Его дочь, побывавшая на кладбище в Вене, столице Австрии, решила обустроить могилу отца с такими же надгробными плитами и цветниками. Когда сын Алексей увидел могилу деда, то сказал: «Это, наверное, самое лучшее, что получил дед, хотя бы после смерти».

Посещая кладбище в Карпинске, где похоронены родные, подолгу сидит Надежда Хельгардовна у могилы отца. «Вот мои мужчины обойдут все кладбище и возвращаются, а я все сижу, наплачусь и думаю: сколько бы теперь я сказала отцу, столько бы его расспросила. Говорила бы и говорила с ним без конца, но никто не ответит мне и ничего не спросит», - говорит Надежда Хельгардовна.

Недавно я проходила по дорожке в 8 микрорайоне. Возле дома, засаженного цветами и кустами, на дороге увидела написанные белой краской слова: «Мама, я тебя люблю!» Скорее всего, лучшего подарка женщине, для которой написаны эти слова, и не надо.

Гордится Надежда Хельгардовна дружбой с женой известного советского писателя Астафьева Виктора Петровича, Марией Семеновной. На фотографии из далекого 1927 года в городе Чусовском снята огромная семья Корякиной (Астафьевой) Марии Семеновны. Маша, семилетняя девочка, справа в первом ряду, гордо держит в руках книгу. Книги держат и другие дети. Книга – источник знаний, символ грамотности и культуры и благополучия в семье, ушла, кажется, безвозвратно из нашей жизни. А так жаль...

Казахстан – родина спецпереселенцев

Дайнес Федор Федорович родился в 1912 году в селе Фриденсфельд АССР немцев Поволжья (сейчас Волгоградская область) в крестьянской семье. В 30-е годы отслужил действительную службу на Дальнем Востоке. До войны женился. Осенью 1941 года, как все советские немцы, был выслан.

Семья Дайнес попала в Казахстан, в Акмолинскую область, Балкашинский район, село Максимумку. Желену Федора Федоровича сразу отправили в трудовую армию на Северный Урал. С ней были прерваны все связи, не было никаких известий. Он не знал, жива она или нет, что с ней произошло.

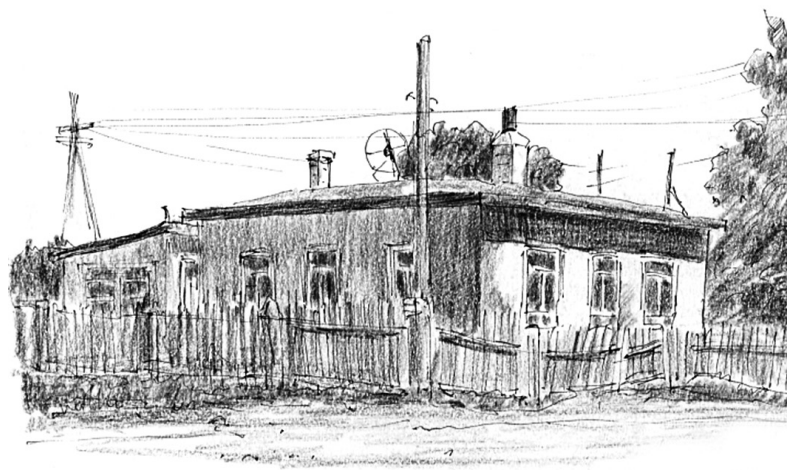
Федору Федоровичу повезло: его не отправили в трудовую, что было редчайшим исключением. Хотя жизнь в тылу, особенно в Казахстане, была настолько трудной, что не пожелаешь такой даже врагу. Первые полгода надо было ежедневно отмечаться в комендатуре. Каждый день пешком, двадцать пять километров туда и обратно, после работы шли все спецпереселенцы, начиная с шестнадцатилетнего возраста, на отметку в районную комендатуру. В военные годы – это работа от темна до темна сначала трактористом в колхозе, затем бригадиром тракторной бригады. После войны Федор Федорович, потеряв надежду найти первую жену, женился на Лацких Александре Ивановне, донской казачке. Семья Лацких была сослана в Казахстан еще в 30-е годы. Александра Ивановна в войну тоже была трактористкой.

В 1946 году родилась первая дочь – Елизавета. Год был очень голодным. Ели все, спасаясь от голода. Александра Ивановна в маленькую торбочку насыпала себе немного пшеницы. Скрыть ничего было невозможно. Александру Ивановну с грудным ребенком (Лизе было 6 месяцев) судили и посадили в тюрьму на полгода. Никто ни с чем не считался. Взял много или мало – все равно вор. И никакие обстоятельства не смягчали меру наказания.

В Казахстане все жили в саманных домах. Саман – строительный материал в те годы. Делали его из глины и соломы (мелкой соломенной трухи). Из огромных котлованов, вырытых в те годы и заливаемых по весне водой, брали глину, насыпали в нее солому, заливали водой и начинали месить. Месили ногами. Вся семья топталась в котловане. Мужчины, закатав брюки, женщины, танцующие дети... Если была лошадь, то она выполняла эту работу. Ведут лошадь за уздечку по кругу, и она ногами топчет это месиво. Затем его накладывали в большие специальные формы с ручками и выносили на сухое место. Форму переворачивали на землю, чтобы саманные кирпичи высохли. Саманные дома были

спасением от жестоких казахстанских ветров, метелей и морозов. Елизавета Федоровна рассказала, как однажды у них у такого дома отпала стена. Тогда Федору Федоровичу разрешили купить деревянный дом.

Воспоминания Колосковой (Дайнес) Елизаветы Федоровны об отце остались только самые лучшие. Как работал Федор Федорович, так сейчас никто не работает. Работал всегда наизнос не из страха или из-за денег, а на совесть. В 50-е – 60-е годы он лучший кукурузовод района, а потом всей области. Вся жизнь его была в работе. Во дворе всегда был идеальный порядок. Не у всех женщин в доме была такая чистота, какая была во дворе у Федора Федоровича. Работал он на тракторе «Беларусь» без кабины. Когда уходил на пенсию, отдали ему этот трактор на память. Так был в своем хозяйстве личный трактор. В 60-е – 70-е годы семья Дайнес жила материально очень хорошо. У супругов Дайнес две дочери и сын. После жили в селе Богословка этого же района. Село было большое, колхоз «Дружба» в те годы процветающий.

Саманный дом в Казахстане

В Северном Казахстане все села интернациональные. А разговаривали жители этих сел на языке, понятном только им самим. Смесь украинского, польского, русского с каким-то одесским акцентом. Разговаривали на нем все: украинцы, немцы, поляки, белорусы, ингуши, чеченцы и корейцы. На национальность не обращали внимания, жили очень дружно. Народ в те годы был добрый. Браки стали интернациональными.

Казахстан – это особая планета, а у казахстанцев своя особая история.

С освоением ценных земель пришла новая жизнь. Хлеба было столько, что его не успевали убирать. На уборку присылали солдат, студентов, рабочих. И часто часть хлеба из-за неблагоприятных метеословий уходила под снег.

Паспорт Дайнес Ф.Ф. получил только в 1962 году. До мая 1956 года отмечался ежемесячно в спецкомен-

датуре. Это был очень добрый, порядочный и щедрый человек. Разговаривал на русском языке с акцентом, не любил анекдотов и пустых разговоров.

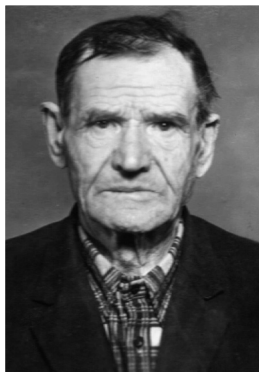
После школы Елизавета Федоровна поступила в сельскохозяйственный техникум. Потом работала там, куда пошлют. Вышла замуж, родила двух дочерей и сына. Теперь уже четверо внуков.

Когда приехала жить в Качканар, работала заведующей молокоприемным пунктом, в сберкассе кассиром, бухгалтером в детском саду.

Родственники Елизаветы Федоровны по линии отца в 1994 году уехали в Германию. Когда она решила подсчитать, а сколько же родных у нее, оказалось 420 человек. Сама же Елизавета Федоровна в Германию жить не поедет. Здесь, пусть в бывшем Советском Союзе, родилась она, ее дети и внуки. А где родился – там и пригодился.

Из воспоминаний

Коптелова Нина Филипповна родилась в 1953 году в поселке Боровском Нижнетуринского района Свердловской области в семье, где оба родителя были репрессированными. Отец, Шефер Филипп Яковлевич (1911г.р), немец с Поволжья, сослан из Саратовской области в 1941 году в поселок Боровской. До войны он работал в колхозе. Был женат. Его жена и сын остались в Саратовской области. Филипп Яковлевич уезжал на спецпоселение

один. Его русская жена не захотела разделить с ним его беду. Семья распалась. В поселке Боровском Филипп Яковлевич работал на прииске, на гидравлике, добывал золото и платину. Мать Нины, Васенина Анна Яковлевна, (1916г.р) родилась в Кировской области. В 1931 году её в составе семьи сослали как кулаков в посёлок Боровской. На всю родню име-

Ф.Я. Шефер

Семья Шефер

ли два дома зимний и летний, две лошади, две коровы, свиньи, мелкий домашний скот, свою землю. Пахали землю, сеяли. Выращивали лен. У Васениных было в то время четверо несовершеннолетних детей да дед с бабушкой. Им разрешили вернуться домой. От станции старые люди пошли пешком, собираясь по домам. Когда пришли в свою деревню, то не было где жить и что есть. Дома и все хозяйство было конфисковано и передано в колхоз. Так и умерли оба у чужих людей, скитаясь от одной избы к другой.

Спецпереселенцев поселили сначала в бараках в посёлке Косья. Отгораживаясь друг от друга простынями, семьи начали новую жизнь. В посёлке Боровском в это время мужчины строили бараки. В каждый барак поселилось по четыре семьи.

Анна Яковлевна, а тогда просто Аня пошла работать старателем. Занималась мелким старанием. За-

На золотом прииске

муж вышла за Мельчакова Павла Николаевича, тоже спецпереселенца. До войны в семье было два сына. Павел Николаевич ушел на фронт в 1941 году и погиб в 1942 году под Сталинградом.

Анна Яковлевна познакомилась с Шефером Филиппом Яковлевичем, состоявшем на спецучете до 1956 года, и с 1949 года они стали жить вместе. В 1950 году родилась дочь Люба, а в 1953 – Нина. В 1962 году семья переехала в посёлок Косья, где обе дочери окончили среднюю школу. Хотя и трудно было в те годы, но как-то весело. Люди были добрые, отзывчивые, порядочные. В семье всегда было свое хозяйство, огород. Анна Яковлевна была женщиной очень доброй, спокойной, не переносила ссор, скандалов и бабьих пересудов. Филипп Яковлевич вставал в 4 утра и уезжал на работу в посёлок Кучум. Часто возвращался домой тоже поздно. Детьми ему было некогда заниматься.

В 1974 году Нина Филипповна вышла замуж за Коптелова Бориса Георгиевича, а в 1981 году переехала с ним жить в Качканар. Здесь же проживает и её сестра Леднева Любовь Филипповна. Место работы, с которого Нина Филипповна ушла на пенсию – центр «Забота», где она трудилась заведующей отделением.

Уходят годы, а вместе с ними и те, кого мы любим и кто нам был дорог. Умерли родители, нет в живых ни одного из братьев, но жизнь продолжается. У Нины Филипповны две дочери и трое внуков.

А здесь во глубине России...

На территории современной Польши есть село Быстрое, пограничное с Львовской областью Украины. До 1939 года это были земли, принадлежавшие Польше. В 1939 году, после воссоединения Западной Украины с советской, они стали украинскими. Власть в селе стала советской. Школа была на украинском языке с изучением русского языка.

Быстрое – село, как другие украинские сёла - с садами и огородами. Еще в селе была нефтяная скважина. После Второй мировой войны по соглашению СССР и Польши некоторые земли Жидачевского района Львовской области стали принадлежать Польше. Уже позже люди из этих мест ездили по туристическим путевкам в Польшу, узнавали свои родные хаты.

...В 1933 году в семье Цепеня Ивана родился двенадцатый ребенок – дочь, которую назвали Ганной.

Первая жена Ивана умерла, оставив ему шесть детей. Он женился на молодой девушке, Анне Ивановне, от которой тоже родилось шесть детей. Умерли родители Ганны сразу после войны: мать от воспаления легких, отец - от старости.

Семья жила своим хозяйством: корова, лошадь, земля, хата. Пахали, сеяли... Жили бедно.

В 1949 году хата и земля стали заграницей. Всё хозяйство отошло местному колхозу. Двух братьев Ганны, оставшихся в живых после войны, отправили жить и работать в колхоз Николаевской области.

7 декабря 1949 года из села Быстрое Жидачевского района Львовской области по решению Особого совещания при МГБ СССР от 17 сентября 1949 года Цепень Григорий Иванович с семьей и несовершеннолетними сестрами Марией и Ганной выслались как административно ссыльные за пределы Украины. С собой разрешено было взять только самые необходимые вещи.

Ехали в товарном поезде долго. На станциях стояли бесконечно, пропуская вперед важные грузовые поезда. На одной из станций, когда выдавали еду, осмелевшая Ганна спросила у охранника:

- А правда ли, что нас везут к морю, чтобы там утопить?

- Вас везут туда, где вы будете собирать маленькие камешки. За них вам будут платить деньги.

Ссыльных привезли в конце декабря 1949 года в посёлок Промысла Чусовского района Молотовской (Пермской) области. Стояли жуткие морозы. Непривыкших к такому климату, полураздетых, поселили в юрты.

В юртах до них жили немцы, сосланные из республики Немцев Поволжья в войну. В это время им было разрешено воссоединиться со своими семьями. Те, кому повезло и было куда и к кому ехать, выбыли, а некоторые так и остались здесь навсегда. Юрт было 16.

*На строительстве завода в п. Тёплая гора.
В 1-м ряду справа - Г.И. Лавринок*

Улица в поселке называлась «Юрты». В каждой юрте по узкому коридору 3 комнаты справа и 3 – слева. В них было очень холодно. Но люди, пережившие жуткие картины военного лихолетья, гибель и смерть близких, ссылки и бесправие, жили между собой дружно.

Брат Григорий с женой и сестрой Марией стали работать в леспромхозе. В первую зиму Мария на работе в лесу обморозила ноги. Та зима была настоящим испытанием для всех. Шестнадцатилетнюю Ганну взяли нянькой в одну семью. Что натерпелась бедная девочка ради куска хлеба, так до сих пор без слез не может вспоминать. В 1951 году в посёлке Промысла была открыта фабрика по добыче алмазов, на которую устроилась Ганна. Получив специальность отсадчицы, она на трех машинах снимала от поступавшей породы тяжелый черный концентрат с алмазами. Рентгеновскими аппаратами проверялось содержание алмазов. Их снимали. Приходил человек в военной форме, принимал камни, в документах все расписывались, и алмазы уносили. Поселковые алмазы были светлые. Позже Ганна обучилась и стала работать на рентгеновском аппарате. Зарботки у всех рабочих фабрики были солидными для того времени. Сразу стало легче. Можно было купить приличную одежду и хорошо питаться. Но в одну из ночей 1953 года, после смерти Сталина, как раз в смену, когда работала Ганна, вместо породы по машинам пошла одна вода. Пришел приказ: работы по добыче алмазов остановить и все оборудование отправить в Якутию, где в то время нашли черные алмазы, более дорогие, а значит, выгодные.

Как плакали все работники, демонтируя оборудование и укладывая его в ящики. Ведь оставались без работы, без средств существования. В это время в посёлке Теплая Гора, в 6 километрах от п. Промысла, где в 30-50 годы XX века был женский лагерь, началось строительство литейно-механического завода. Ганна стала строителем. Женщины выполняли тяжелый физический труд. Каждый день ездили на работу в поселок сначала на открытых машинах, потом - в автобусах.

*В красном уголке завода.
Во 2 ряду 2-я слева - Г.И. Лавринок*

Первую выпущенную заводом ванну сдала Ганна Ивановна, чем очень гордилась. О ней писали в газете, и ее фотография висела на Доске Почета. На заводе работала помощником обжигальщика, обучала профессии молодых рабочих.

В 1958 году Ганна Ивановна вышла замуж за Лавринок Ивана Федоровича. Родила двух детей, сына и дочь. Из юрты семья переехала в свой купленный дом.

На заводе заработала Ганна Ивановна льготный стаж: работала в цехе повышенной вредности, где жара и стекло. Нет сейчас этого завода в Теплой Горе, который строила и где работала Ганна Ивановна. Закрыли его. «Длинные руки» из Москвы увезли все металлические конструкции завода. Все разобрано и увезено с завода на железнодорожных составах. Геологическая партия, где работал Иван Федорович, тоже распалась. В поселках не стало работы. Одни ездят на заработки по Северам, другие – ежедневно на автобусе в Качканар на завод «Металлист». Бомжеватого вида мужики кому дров напилят, кому землю вскопают по весне. Самые богатые люди в поселке – пенсионеры. Зато размножились в поселках пилорамы. Лес рубят – щепки летят.

В 1857 году великий русский поэт Некрасов писал:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России –
Там вековая тишина.

Как все великие люди, прав был Николай Алексеевич. У нас установилась в глубинках все та же вековая тишина, какая была более 150 лет тому назад.

Добрейшая и славная Лавринок Ганна Ивановна с мужем и дочерью переехала жить в Качканар, где давно живет и работает сын.

Наша судьба

В 60-х гг. XVIII века Екатерина II обратилась к жителям Западной Европы с предложением о переселении в Россию на правах российских подданных. На это откликнулись жители некоторых германских земель. Так оказались в России наши предки на территории нынешней Волгоградской области.

Согласно Указу императрицы к приезду группы из Германии, где старшим был Яков Гусенбах, должны были построить 100 домов в удобном для проживания месте. Однако переселенцев ожидало три дома в очень плохом месте. Сами выбрали новое место и стали строиться. Селу дали название Гусенбах. Если верить данным, ныне это село Медведицкое Волгоградской области. В дальнейшем немецких поселений в Поволжье стал город Екатеринштадт – ныне город Энгельс, возле Саратова.

Несмотря на почти метровый слой чернозёма, много времени ушло на освоение новых земель. К 1941 году Республика немцев Поволжья была на первом месте в РСФСР по всем сельскохозяйственным показателям. По природным условиям эти районы можно

приравнять к зонам рискованного земледелия: сухое жаркое лето. Чтобы добиться хороших результатов, надо было хорошо разбираться в агротехнике и много трудиться. По сведениям газеты «Neues Leben» («Новая жизнь») в 1929 г. в среднем по республике было собрано по 65,5 центнеров твердой высококачественной пшеницы с одного гектара. Сейчас в 2 – 3 раза меньше.

Жили, можно сказать, натуральным хозяйством. За солью снаряжали обоз один раз в несколько лет всем селом. Выращивали сахарную свеклу. Её варили, выжимали под прессом. Жидкость выпаривали до сметанообразной густоты, заполняли бочки и – в погреб. Сами варили мыло. Скот был у всех, падеж случался нередко. Мясо с костями складывали в ёмкость и варили с добавлением каустической соды до образования киселеобразной массы. Когда она застывала, то образовывалось два слоя: светлый – для туалетного мыла, а темно-серый – для хозяйственных нужд.

Чтобы расходовать меньше дров, печи топили брикетами из навоза. Навоз складывали в кучи и после

того, как он перегорит, резали на брикеты (небольшие кирпичики) и топили ими печи.

В 1911 году часть села сгорела, в том числе и дом моего деда. Он увел лошадей в Тамбов, продал их там, и за 2 года построил новый дом размером 10х18 м, крытый кровельным железом. Рядом – летнюю кухню, такой же дом, только меньше. На случай нового пожара недалеко от дома были построены две каменные кладовки для имущества. Когда кругом все горит, имущество очень трудно спасти. Под крышу крытого двора можно было въехать на телеге, развернуться и выехать.

Ещё до организации колхозов, когда все жили вместе, у каждого в семье были свои обязанности. Глава семьи – дедушка – ложился поздно, а вставал в 5-6 часов утра. Ещё раз обходил двор и уточнял, кто и что должен был делать. Все они были крестьянами, но каждый имел свою профессию. Дедушка был шорником: выделывал шкуры, шил полушубки, тулупы, шил сапоги, мастерил хомуты, сбруи. Все знали его как Кроо - Маркера Якова Яковлевича. Он был членом совета общины. Даты рождения дедушки и бабушки я не знаю. Они умерли от голода в начале 30-х гг. Неурожаев не было. После создания 5-ти колхозов в селе Гусенбах Франкского кантона осенью семена для сохранности увезли в Саратов, а весной не привезли. Сеять было нечего.

При организации колхозов семью из 24 человек, а это было четыре семьи, заставили разъехаться, отобрали скот, затем и дом. Дескать, дом большой, а живут в нем всего 6 человек. Хотели в нем школу открыть, но не успели. С появлением в селе судьи дом вернули моему отцу.

Старший сын, Кроо-Маркер Яков Яковлевич, мой отец, окончил 2 класса церковно-приходской школы. В молодости играл на трубе в церковном оркестре. Читал и писал на чистом немецком готическом шрифте. Латинский шрифт освоил самостоятельно позже, когда его сыновья, Яша и Саша, учились в советской школе. В свое время был заключен договор между мастером и дедушкой. Отец три года жил и учился у

хорошего мастера, плотника – столяра, который знал и кузнечное дело. По окончании учёбы учитель подарил добросовестному ученику комплект отличного столярного инструмента.

Второго сына, дядю Ивана Яковлевича, дедушка отдал в учение к портному. В 1941 году он с семьей попал в Киргизию, я о нем почти ничего не знаю, ни разу не видел.

Младшего сына, дядю Фридриха Яковлевича, дедушка послал учиться в училище на полевода, а потом на практику к опытному мастеру. На земле должен работать грамотный, умелый, знающий и любящий свое дело труженик. У отца было две сестры: Мейлинг и Кроо. Обе жили после 1941 году в Киргизии. Саша Мейлинг сейчас в Германии, а Андрей Кроо в городе Нижнем Тагиле, Лидия Кроо – в Краснодаре.

Отец, Маркер Яков Яковлевич родился в 1900 году, мама, Маркер (Бейзель) Эмилия Григорьевна в 1902-м. У меня могло быть много братьев и две сестры, но большинство детей умирало в младенчестве. Старшая сестра – Фрида. Когда ей было 14 лет, наша мать заболела брюшным тифом. У неё выпали волосы во время болезни. Фрида не отходила от матери и выходила её, но сама заразилась и умерла. Это был удар для семьи. Маркер Яков Яковлевич родился в 1926 г.

Я родился в 1938 году. Между мной и Сашей было несколько братьев, но все они умерли в раннем детстве. Один Давид дожил до 8-него возраста. В 1941 году родилась в семье девочка. Этого родители ждали долго, и в память о первой дочери её назвали Фридой. Она вышла замуж за Керн Александра. У них родилась дочь Ирина и сын Владимир. Дочь живет в Асбесте, а сын погиб. В конце августа 1941 года граждан немецкой национальности выселили на Урал, Казахстан, Сибирь и Среднюю Азию. В самое тяжелое для страны время тысячи железнодорожных составов и сотни барж и пароходов были мобилизованы для перевозки людей из Европейской части СССР за Урал. Потом мобилизовали не только мужчин, но и женщин, в специальные лагеря, так называемую трудовую армию. Наши родители

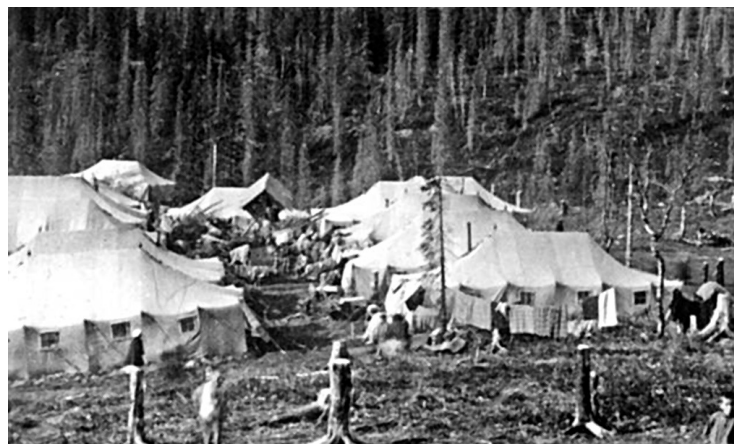
оказались в Тюменской области. Брат и сестра отца - в Киргизии, часть родственников на Урале.

При высылке из вещей можно было взять только то, что можно унести с собой, в том числе и еду. Отец собрал и распределил всем свои инструменты и немного еды, из одежды то, что было на себе. Потом объявили, что с собой разрешается брать любые вещи и еду на полмесяца, что можно увезти каждой семье по одной подводе. На сборы – 24 часа. За это время надо было сделать очень многое. За эти сутки разрешили привезти жителям на приёмные пункты коров, сдать их государственным организациям, а на выдаваемые справки на новом месте получить другую корову. Но очень скоро, как обычно у нас, бланки кончились. Большая часть жителей справок не получила, и вынуждена была скотину выпустить на улицу, чтобы не мучилась.

Трудно сейчас представить чувства людей, осваивавших почти в течение двухсот лет и наблюдавших, как другие, из соседних русских деревень, ходят по селу и прицениваются к их домам и имуществу.

Затем погрузка в теплушки и долгий путь до Тюмени. В Тюмени пересаживали на баржи и по Туре, Тоболу и Иртышу повезли на север области до Самарово. По пути останавливались возле каждого населенного пункта, где мог пристать пароход, высаживали несколько семей и плыли дальше. На берегу их ждали председатели колхозов с подводами и везли в свои деревни. Люди заранее договаривались, чтобы родственники были вместе и с разными профессиями, чтобы на новом месте было легче прожить, помогая друг другу. Наши родные, кроме Киргизии, Омской области и Урала, были рассеяны, как зерно из решета, по Тюменской области от Ярково до северного городка Самарово.

Мы оказались в деревне Сергеевка Уватского района в колхозе имени Тельмана. Колхоз принял 7 семей, но через пару лет осталась одна. Один из первоклассных кузнецов сбежал ночью в районный центр Уват. Утром явился в промкомбинат, рассказал и показал, что он умеет делать. Спецкомандатура разрешила ему с семьей перебраться в Уват.

Мой дядя Фридрих был полеводом. За ним на родине было закреплено 2 000 га пахотной земли. А здесь, если не считать заливных лугов, было всего около 100 га. Председатель колхоза считал себя лучшим хозяином в деревне и сильно поспособствовал, чтобы человека с большими легкими отправили на север, в Самарово. Через год пришло письмо, что Фридрих Яковлевич умер.

В 1943 году отцу в деревне Сергеевка через председателя колхоза передали повестку из райвоенкомата. Председателю колхоза в колхозе очень был нужен отец, плотник, столяр и кузнец, и он послал на комиссию старшего сына Яшу. Он не подходил ни по годам, ни по росту в трудармию. Но так так требовались люди, его взяли. Он пошел в Нижний Тагил в стройотряд 18-74. Практически это был тот же лагерь с колючей проволокой и высоким процентом смертности от голода, болезней, скудной пищи. Исключением было, что вышек с автоматчиками не существовало.

Позже он работал в тресте «Тагилстрой». Его жена, Соловцова Полина Кирилловна, трудилась бригадиром этого же треста. Яков Яковлевич умер в 1998 г.

У Яши и Полины родились две дочери, Тамара и Валентина. Обе живут в Нижнем Тагиле.

Моего второго брата, родившегося в 1928 г., звали Александром.

Палаточный городок спецпереселенцев

В конце 40-х гг. каждую зиму из колхоза посылали на работу людей в Уватский леспромхоз. Там в Кир-Сарае, рядом с Уватом, Саша познакомился с девушкой Лидией. В 1956 г. они поженились. Её родители тогда же в 1956 г. вернулись на Украину, откуда они были высланы на 10 лет в 1946 году. У Саши с Лидией родились три сына и дочь. Сыновья Володя, Толя, Саша с матерью живут в Тюмени. Дочь Татьяна – в Краснодарском крае, станице Анапской.

Одна из пожилых женщин села жила с сыном и невесткой, которые умерли через три года после переселения в Сибирь. Со старшим сыном связи не было, но его поиски шли через спецкомендатуру. Женщине назначили пенсию размером в 50 рублей в месяц. В 1948 году пенсию увеличили до 600 рублей за погибшего сына. Она получила её только один раз. Вскоре пришло письмо и вызов от сына. Он жил и работал в Омской области. Перепутали его с другим Гаун Андреем. Просто совпали фамилия, имя, отчество и место рождения.

Женщина показала вызов председателю колхоза, председателю сельского совета и решила ехать к сыну. В спецкомендатуру не решилась ехать: а вдруг отберут большую пенсию. Мой отец отвез её на пристань и вернулся домой. А тут нагрянул комендант с еже-

месячной проверкой. Узнав, что кто-то решил уехать без его ведома, велел вернуть беглянку немедленно, пообещав председателю колхоза, председателю сельсовета и моему отцу по 10 лет ИТЛ за содействие в побеге спецпереселенке. Позже в спецкомендатуре он объяснил этой женщине, что для вас, кроме власти спецкомендатуры, другой нет.

Мне хотелось бы рассказать ещё об одной страшной истории. В Сергеевке проживала семья Фелькер Ивана: жена Маргарита Егоровна, дочери: Фрида (1938 г.р.), и Мария (1942 г.р.). Ивана в конце 1941 г. призвали в армию. Он оказался в лагере заложников.

По рассказу Ивана здесь было несколько тысяч человек. Они пилили дрова, неизвестно для чего и для кого. Кормили очень плохо. Лагерь находился примерно в 70-ти километрах от Ивделя, на лесном острове среди болот. С «большой землей» остров соединялся узкой полоской твердой земли, где находились охранники. Бегство было исключено, тем более, что население было предупреждено.

Заложников держали на тот случай, если будут проиграны Красной Армией сражения под Москвой или Ленинградом, то все они должны были быть уничтожены. Фелькер Иван вернулся в Сергеевку. От Тюмени до Сергеевки шёл пешком 400 км. После возвращения вскоре умер.

В 1943 г. умерла моя мать. Я с 1952 г. жил в семье моего старшего брата Якова Яковлевича и его жены в Нижнем Тагиле. Окончил среднюю школу №2, горно-металлургический техникум в 1960 г. Полгода работал в шахте, 3 года служил в рядах Советской Армии. После увольнения в запас в 1963 году поступил на работу в строительно-монтажное управление. Работал бригадиром сантехмонтажной бригады до марта 1966 года. В январе 1966 года женился на Марининой Любови Афанасьевне. Мы переехали в Качканар. Я работал на Качканарском ГОКе механиком экскаваторного участка 32 года. Любовь Афанасьевна трудилась токарем в Западном карьере ГОКа. У нас две дочери: Мари-на и Екатерина, трое внуков. Ветеран труда.

Без срока давности

Село Хотынь в Винницкой области в 20-е годы, в Каменец – Подольской области в 30-е и Хмельницкой с 1954 года, расположилось в окружении соснового леса и озера. Место живописное с красиво цветущими по веснам садами, с аистами на крышах и мягкой, как шелк, травой. Какие огромные подсолнухи и неподъемные тыквы растут на этой земле! В садах фрукты, в огородах овощи. На заборах у домов висят глиняные макитры.

Испокон веков жили на этой земле поляки, украинцы, евреи и немцы. Школа в селе была на польском языке. Все жители села занимались своим хозяйством. С началом коллективизации на Украине яростно сопротивлялись против колхозов. Но как говорит пословица «против лома нет приема», пришлось смириться. Голод в 1933 году пережили мученически: умирали целыми семьями, селами, бежали в города, в Россию.

Только пережили голод, весной 1936 года пришла еще одна беда: высылка поляков, проживающих в сельской местности с Украины в неизвестное направление. Эта высылка была без предьявления обвинения. Оказалось, что безусловно, пожизненно, без пощады и выкупа виноваты. Паспорта и документы были изъяты органами НКВД за месяц до высылки, чтобы никто не сбежал. Высылали в спешном порядке. Как вспоминает Ванда Францевна, ее мать рассказывала, что хлеб из печи не дали забрать. Семьи Медлярских, Залесских, Вербицких, Зайончковских, Згржебловских и другие на основании Постановления СНК СССР от 28 апреля 1936 года были направлены на спецпоселение в Северный Казахстан.

Куда везут в товарняках, никто не знал. В товарных вагонах, в которых недавно перевозили скот, довели до станции Петропавловск, а потом, повернув в южном направлении, на станцию Таинча. Вдоль желез-

нодорожного полотна стояли военные белого цвета палатки. Расселились, скорей набились в них. Потом всех развезли по Келлеровскому району, где рос, выше человеческого роста, бурьян да шелестел ковыль. Признаков человеческого жилья не было. Это была казахстанская степь, выжженная солнцем, безводная и безжизненная. Привезли к длинной кошаре, в которой недавно обитали овцы, и сказали: «Стройте дома, иначе погибните, в августе здесь уже первые заморозки бывают». Легко сказать «стройте», ведь привыкли строить дома из дерева, на Украине в те годы лесов было много. А здесь – голимая степь. Кошара была переоборудована в медпункт и магазин. Дома стали строить необычно – из самана и дерна. В первую зиму поселились по несколько семей. Надо было как-то выживать.

Так в далеком Северном Казахстане поляками из украинского села Хотынь было построено село Волыньское и создан колхоз «Путь Ленина». Символично в духе того времени, только на такой путь вряд ли указал В. И. Ленин. К зиме 1937 года вместе с построенными домами выросло огромное кладбище. Умирали все старики и все дети дошкольного возраста. Село Волыньское, как и другие сена района, охраняли бойцы Красной Армии. Никто не имел право отлучаться из села, уезжать даже на несколько часов без разрешения коменданта. Паспортов не было, без них не сбежишь и не устроишься в городе. Непаспортизированной эта местность оставалось несколько десятилетий.

Строптивая молодёжь (были случаи) бежала отсюда без документов. Они старались добраться до железнодорожных станций, но их ловили, судили по 58-ой статье и отправляли в лагерь.

Постепенно разрасталось село, но жизнь и быт людей оставались на крайне низком уровне. Поезда прибывали с запада и востока страны. В 1937 году с Дальнего Восто-

ка привезли корейцев. Правда, у них условия высылки были легче: они могли свободно переезжать из одного место в другое в Казахстане и не состояли на учёте в спецкомендатуре. С началом войны появились немцы из Крыма и Поволжья, а после - ингуши и чеченцы.

Медлярский Франц Антонович (1909 г.р.) и Вербицкая Галина Станиславовна (1917 г.р.) в составе своих семей были сосланы сюда в 1936 году. Здесь полюбили друг друга, поженились. До войны у них будет уже 2 детей, которые умрут от болезней. В 1943 году родился сын Франц. В этом же году всех мужчин польской национальности до 95% отправили в трудовую армию в город Нижний Тагил, в Тагиллаг НКВД СССР. Жили трудовармейцы в военном городке в бараках, строили Нижнетагильский металлургический комбинат. Город Нижний Тагил представлял в военную пору мрачность, какую-то безысходность, несчастье, безрадостность. Туманы, солнца не видно, зимой жестокие морозы. Смерть от несчастных случаев на работе, болезни, голод, бесправие делали своё дело умеючи. «Лучше на передовую, чем в трудовой армии», – писали в своих заявлениях трудовармейцы.

Во второй половине 1943 года стали призывать поляков в действующую армию защищать Отечество. Брат Галины Станиславовны, Вербицкий Анатолий, 18-летний мальчишка, ушёл на фронт и погиб, защищая Родину.

Как работали трудовармейцы в военное время и после, об этом красноречиво подтверждает построенный металлургический комбинат. Все работали наизнос, на совесть.

После войны ещё два года оставался Франц Антонович в трудовой армии, хотя формально она считалась распушенной. Но покидать свои рабочие места и уезжать было нельзя. За это судили. Вернулся он только в 1947 году и стал работать в колхозе рядовым колхозником. В колхозе в те годы было много коров, овец, был птичник, свиноферма и конеферма. Колхозники выращивали на полях пшеницу, кукурузу, картофель, подсолнух, огурцы, помидоры и капусту. В селе Волынском была начальная школа, медпункт, клуб, магазин.

Семья Медлярских

После войны у Медлярских родились дети: Станислав, Ванда, Цезария и Ядвига. В 1954 году Франц Антонович умер от воспаления лёгких, оставив вдову с 5 детьми. Старшему Францу - 11 лет, а Ядвига родится через два месяца, как не станет отца. Вдовья доля страшна и жестока. Но всех своих детей Галина Станиславовна вырастила, выучила и помогла найти себя в этой жизни. В семье всегда было свое большое хозяйство, в котором все работали. Выживали на картошке, капусте, молоке. Все дети Медлярских учились в школе и получили затем разные специальности.

После окончания средней школы в селе Летовочном Ванда начала работать учётчиком на колхозной ферме. В 1968 году приехал с Урала в село Медлярский Роман в гости к родным. Влюбился в симпатичную девушку Ванду с красивыми глазами и добрым взглядом и с такой же как у него фамилией. Увёз в Качканар, где в то время жили его родители. С тех пор вся жизнь Ванды Францевны связана с Качканаром. Здесь родились её дети, Виталий и Елена, 4 внуков. Вся трудовая деятельность Ванды Францевны связана с КЗРГО или ОАО «Металлист». Здесь прошло целая жизнь: 31 работала земледелом, была бригадиром, наставником,

учителем. До сих пор помнят её в сталелитейном цехе. Она ветеран труда.

Когда-то приехали в гости к сестре Ванде брат Станислав и сестра Цезария, так и остались здесь навсегда. Полюбился им наш край, люди и город. В сталелитейном цехе так же работала Цезария Францевна. До выхода на пенсию работал шофёром Станислав Францевич.

Ушел из жизни муж Роман, а несколько месяцев назад - старший брат Франц. В Казахстане живет и работает в школе учителем младшая из сестёр Ядвига. В школах Северного Казахстана, где компактно

проживают поляки, изучается польский язык. Нет сейчас села Волынского на карте Казахстана. Одни ушли в мир иной, другие уехали в Польшу, Россию, Украину, Германию. Опустело село, разрушилось. Построенные на насилии, крови и слезах села исчезают, разрушаются. Заросли высокой травой забытые и заброшенные могилы. Лишь католический крест на высокой сопке, установленный в 2001 году после посещения Казахстана Римским Папой Иоанном Павлом II, напоминает о тех людях, которые более 70 лет назад в нечеловеческих условиях обживали этот дикий край.

Репатрианты из Польши

Митяева (Буцук) Матильда Адамовна родилась в 1942 году в городе Линце (Австрия). Ее родители, Буцук Адам Антонович (1906 г.р.) и София Яковлевна, на основании Директивы НКВД СССР №181 от 11 октября 1945 года, как лица немецкой национальности по репатриации из Польши были подвергнуты насильственному переселению в Карагандинскую область Казахской ССР.

До 1939 года в селе Альгунешты в Молдавии под Кишиневом проживала молодая супружеская пара, Буцук Адам Антонович с женой Софией Яковлевной. Отец Софии Яковлевны, Кнобрух Яков владел большими земельными угодьями, на которых выращивали зерновые культуры, свеклу, кукурузу, виноград. Содержали огромное хозяйство, в котором было все от а до я. Вино, колбасы, окорока – все было только свое.

В 1939 году западная часть Украины, Белоруссия, Молдавия и Прибалтика были присоединены к СССР.

М.А. Митяева

Земли стали советскими. Все хозяйство у собственников экспроприровалось. У людей было два выбора: эмигрировать или остаться в СССР и трудиться в создаваемых колхозах. Семья Кнобруха уехала в Германию, а Буцуки подались в Австрию с двумя маленькими детьми, которые вскоре умерли.

В 1942 году в семье родилась дочь Матильда. Город Линц стал ее родным городом.

В Польше жила тетка Адама Антоновича, владевшая огромным поместьем. Она была одинокая, старая и вести такое хозяйство была не в состоянии. Она пригласила в Польшу своего племянника с семьей. Переехавшая в Польшу семья Буцук занялась огромным хозяйством, в котором было почти все.

Окончилась вторая мировая война. В октябре 1945 года в семью Буцук пришли сотрудники НКВД. Адам Антонович был арестован, увезен и с тех пор о нем

ничего не известно. Софию Яковлевну с двумя маленькими детьми ждало переселение в СССР. С собой разрешили взять только ручную поклажу. София Яковлевна сшила заплечный мешок, куда сложила самое необходимое. С двумя детьми, одной – 3 года, а другой 11 месяцев, поехала в неизвестность, которую боялась, как огня. Время на сборы – 24 часа.

Оставались – огромный дом, хозяйство, бочки с вином, окорока...

Ехали голодные в такую же голодную, разоренную войной страну. По дороге умерла младшая дочь. Где она похоронена, на каком кладбище? Кто сейчас об этом скажет? Сколько таких смертей было в те годы!

Репатриантов привезли в Карагандинскую область. Кругом – степь. Летом – жара с суховеем, а зимой – трескучие морозы да бураны, когда вокруг ни зги не видно. В сколоченных из горбыля бараках начали новую жизнь, совсем не похожую на прежнюю. София Яковлевна работала на разных местах: пасла скот в подсобном хозяйстве, в транспортном цехе ворочала бревна. А в памяти маленькой Матильды запечатлелась такая картина: горит жарко натопленная печь, и на ней ребятишки пекут нарезанную картошку. И есть так хочется...

25 января 1956 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года семья Буцук была снята со спецучета. К этому времени София Яковлевна второй раз вышла замуж и с мужем и дочерью уехала к родным мужа в город Бендеры Молдавской ССР. Отчим был жестоким человеком. На желание учиться падчерице сказал: «Бабыя дорога – от печи до порога». На образовании в 7 классов пришлось остановиться.

После замужества с Митяевым Валерием Павловичем приехала с ним в его родной Верхотурский район Свердловской области. Вскоре переехали в Качканар. В тресте «Качканаррудстрой» Матильда Адамовна трудилась штукатуром-маляром. Ветеран труда.

С 35 лет одна воспитывала двух дочерей, которые помогли получить медицинское образование. Обе дочери – медицинские сестры, замужем. У Матильды Адамовны трое внуков и правнук.

В 1960 году бабушка из Германии искала через Красный крест свою дочь Софию Яковлевну и ее семью. Так как это было практически невозможно в те годы, тем более, что бабушка жила в ФРГ, поэтому ее поиски оказались тщетными.

Не вычеркнуть из памяти

Мой рассказ о необычной судьбе женщины не из фильма ужасов, а то, что пережито ею во времена войны и после.

Попкова (в девичестве Ульм) Лилия Генриховна родилась в городе Евпатория Крымской области в 1924 году. В семье было семеро детей. После I-ой мировой войны отец, Ульм Генрих Карлович, привез мальчишку,

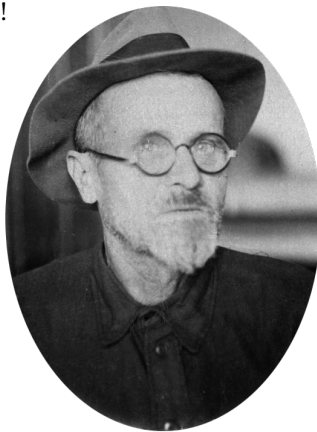
молдованина, блуждавшего по военным дорогам. В семье Ульм Давид воспитывался как родной сын. Семья была большая, дружная. Детей с детства приучали к труду. Каждый из них имел свои обязанности по ведению домашнего хозяйства. Оно было очень большим: коровы, свиньи, куры, утки, гуси. А сколько фруктов и овощей на своем земельном участке! И что только не

росло на этой благодатной крымской земле! Ешь, сколько хочешь, эти фрукты и овощи, так любовно выращенные трудолюбивыми руками. Без фруктов не обошлись ни один день. А Черное море, волны которого плещутся у самых ног... В нем купались даже в ноябре.

Отец, Генрих Карлович, был очень строгий, партийный – весь в работе. Когда жили в Евпатории, работал на трикотажной фабрике механиком. После переезда в село Саурчи Евпаторийского района был председателем сельского совета, а после – председателем большого колхоза. Село Саурчи было немецкое, только 3 семьи греков проживало в нем. Колхозники жили обеспеченно, село было очень богатым. Прав был замечательный ученый Н.В. Тимофеев-Ресовский, когда сказал: «На то и немец, чтобы довести наши идеи до ума». Лиля – семнадцатилетняя девушка, наивная, представляющая весь мир в розовом цвете, заканчивает в 1941 году 10 классов. Выпускной бал 21 июня, суббота, а завтра – была война... Юная девушка, *tabula rasa*, активистка-комсомолка, биография – несколько строк на листке бумаги, еще не знает, что ей придется пережить скоро, очень скоро...

26 июня 1941 года Лилия с подругами (их было семь неразлучных подруг) поехали сдавать документы в Симферопольский медицинский институт. Председатель приемной комиссии, увидев фамилию Ульм, швырнул документы, сказав презрительно: «Еще немецких овчарок мы не принимали!» Как горько плакала в тот вечер Лилия, бродя по берегу Черного моря, впервые узнав, что значит 5-й пункт в ее паспорте.

В июле с подругами поехали убирать урожай на Украину, в Запорожскую область. Украина вся пылала в военном огне, Запорожье было разбомблено. Лилия Генриховна вспоминает, как они, девчонки, завидев немецкие танки, прятались в высокой кукурузе. Вой-

Г.К. Ульм

на преследовала их, прогоняя все дальше на восток страны. Связь с семьями была прервана. Была Чечня, Кизляр и Красногвардейск, а потом в Астрахани – военный лагерь. Из лагеря повезли девушек в товарном поезде в Узбекистан, но там не приняли их. Здесь столько было эвакуированных семей! Повезли девчонок на север Казахстана. В Северном Казахстане, на станции Таинча, всех принимали. Ох уж эта станция Таинча! Кого она только не видела! Если бы могла рассказать, сколько горя, слез, смертей она встречала здесь.

Девушек привезли в конце декабря, под Новый, 1942 год и поселили в селе Новобриловка. С родителями не было никакой связи, хотя они были совсем рядом, высланные из Крыма 8 августа 1941 года.

28 августа 1941 года был указ Сталина о выселение немцев из АССР Поволжья, хотя за ними не было конкретной вины, кроме национальности и того обстоятельства, что разговаривали на языке общего для всех врага. Немцы с Поволжья тоже были выселены в Северный Казахстан и Сибирь.

Эти семьи прибыли уже без мужчин. Все мужчины, даже мальчишки в 16-17 лет, все военные, даже командиры Красной Армии немецкой национальности из отправляющихся на фронт эшелонов были сняты с поездов и отправлены на Урал в трудовую, за колючую проволоку.

В семьях не знали, где находятся их мужчины. На Урале их отцы, мужья, братья, сыновья колоннами в сопровождении конвоя шли на лесоповал, спускались в шахты, строили города, фабрики и комбинаты.

Одна из подруг, Катя Баснак, ездила каждый выходной на мельницу, чтобы узнать что-нибудь о родных. Так нашлась семья Ульм в селе Надежка Красноармейского района.

Лилия Генриховна рассказывает, как похоронили они маленьких племянников, как умирали дети и старики. За пару месяцев выросло огромное кладбище. Сейчас в стране постоянно говорят о демографической яме, в которой оказалась Россия. Не сами ли рыли эту яму в далекие 30-40 годы, когда человеческая жизнь ничего не стоила?

В апреле 1942 года Лилию отправили учиться на комбайнера. Мужчин не было, теперь всю работу в тылу выполняли женщины, дети и старики. В Казахстане она работала в колхозе, пока не была мобилизована в трудовую армию в 1943 году.

Меня заинтересовало, как трактуется понятие «трудовая армия» в БСЭ. Беру том, нахожу нужную страницу и читаю: «Трудовые армии, военные формирования Красной Армии, временно использовавшиеся в 1920-22г. в народном хозяйстве. Трудовые армии подчинялись в военно-административном отношении РВС Республики, а в хозяйственно-трудовом – СТО. Только за 1-ю половину 1920 г. в хозяйственных работах участвовало 2,5 млн. красноармейцев. С окончанием Гражданской войны 1918-20 трудовая армия и отдельные воинские подразделения, использовавшиеся на трудовом фронте, были переданы Постановлением СТО от 30 марта 1921 года «О трудовых частях» в ведение Наркомтруда. 30 декабря 1921 СТО постановил расформировать трудовые армии.

Трудовые армии восстанавливали железные дороги, угольную и нефтедобывающую промышленность, заготовляли топливо и продовольствие, вели культурно-массовую работу среди населения.» (БСЭ, т. 26 с. 797, Москва, издательство «Советская энциклопедия», 1977). Итак, в 1977 году нет в энциклопедии даже ни одного слова о том, что была трудовая армия в годы Великой Отечественной войны, а затем после

Л.Г. Попкова (Ульм)

войны еще дважды была мобилизация, в 1948 и 1954 году.

Забегая вперед, хочу сказать, что прочесть о трудармии и трудармейцах в годы Великой Отечественной войны почти невозможно. Нет ни одного фильма, даже документального, об этой странице жизни советских людей. Не только советских немцев, а людей разных национальностей, оказавшихся на трудовом фронте за колючей проволокой.

24 ноября 1943 года Ульм Лилия была мобилизована в трудармию и попала в город Березники Молотовской (Пермской) области. Лилия Генриховна рассказывает о жизни в трудармии, постоянно вытирая глаза от слез. Я ее понимаю: все эти воспоминания – как ржавый гвоздь в старой дубовой доске...

Девушки и женщины-трудармейцы жили в зоне за колючей проволокой, за которую не разрешалось выходить. Жили в землянках, в которых обитало такое количество крыс, что не было спасу от них. В одну из ночей крысы загрызли ослабшую девушку. Утром просыпаются и видят, что лежит в углу обглоданный женский скелет. После кто-то поджег одну из землянок. Крысы бежали полчищами, тракторами давили их. Жутко было смотреть на это зрелище.

Работали все на строительстве ГЭЦ, химкомбината в Березниках, на лесоповале. Стоя по грудь в снегу, валили лес, работа вся в ручную, из инструментов – пила и топор. Норма на каждую – 4 кубометра. Не выполнишь ее – будет урезана пайка хлеба. А дерево надо было не только спилить, но и обрубить сучья, а потом обтесать. Мокрые девчата приходили вечером в землянку, в ней печь-буржуйка на 60 человек. «Облепят» ее всю, согреваясь теплом, а на завтра в полусухой плохой одежде, голодные, невыспавшиеся – опять в лес...

Не соблюдались никакие, даже самые элементарные, правила техники безопасности. При разгрузке

вагонов сорвется девчонка под поезд – и пропала. Один раз восемь девушек разрезало поездом, по курам собирали их тела.

Лилия Генриховна калечилась на работе несколько раз: ломала руку, был открытый перелом ноги. Там же «заработала» заболевание почек. Умирали женщины и девушки в трудармии от тяжелых заболеваний, голода, холода, от травм, полученных на работе. Это верно, что война горем, слезами да кровью народа питается.

В 1944 году Лилию Генриховну судили за саботаж. В тот день ее отправили дежурить в столовую. Открыли бочку с красной соленой рыбой. А рыба – с опарышами. «Бухнул» повар рыбу в суп, теперь в нем уже плавала не только рыба, но и «рис». Лиля возмущилась, что есть не будет. За ней последовали другие женщины. Рыбу убрали, а Лилию Генриховну осудили за саботаж, на 6 месяцев урезав на 200 граммов порцию хлеба. Действительный размах железного кнута трудовой дисциплины нам сейчас даже трудно представить.

В 1945 году Лилия Генриховна заменяла женщину-кассира, ушедшую в декретный отпуск. Начальник участка включил в список на получение зарплаты 13 человек, которые у них не работали. Лилия Генриховна отказалась выплатить им зарплату. Несмотря на то, что в это время она заболела и была на больничном, ее посадили в КПЗ, потом отправили в Молотов, чтобы судил Военный Трибунал. Но за неимением состава преступления отпустили, «припаяв» 1 год 3 месяца с пребыванием в ИТЛ за злоупотребление служебными обязанностями.

Женский лагерь находился на станции Глухарь Молотовской области. В лагере оказалось намного лучше и легче, чем в трудармии. В трудармии – двухъярусные кровати с голыми досками, грязь, вши, клопы, полное отсутствие белья и посуды. В лагере – питание лучше, постели, художественная самодеятельность, и самое главное для женщин – баня, в которой мылись теперь каждую неделю. Начальник лагеря был добрый, порядочный человек, жалел женщин и девочек, понимая, что судимы почти все они ни за что.

Лилия Генриховна рассказывает, как в лагере была женщина, осужденная за булку хлеба, которую она взяла на работе своим четверым детям. Этой женщине (муж пропал на фронте) помогали все, как могли. Кто даст сухарь, кто кусочек хлеба, чтобы она могла послать посылку домой детям, чтобы те не умерли с голода.

Наступил долгожданный день Победы. Трудармейцы не просто радовались, а ликовали. Их трудовой героизм был по достоинству оценен. Многим из числа трудармейцев вручались медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг». Есть такая медаль и у Лилии Генриховны.

Всем родным семьи Ульм, близким и дальним, пришлось испытать трудовой фронт. Многих не считалась семья, когда встретились. Брат Генрих, семнадцатилетний парнишка, страдавший с детства заболеванием сердца, работал в трудармии в шахте в г. Кизел. Однажды не дойдя до шахты, упал и умер.

Поколение этих людей особой пробы, особой закалки. Их прошлое – «белые пятна» нашей истории.

Весной 1946 года при роспуске трудармии было объявлено всем трудармейцам, что они переводятся на положение спецпереселенцев без права выезда. Разрешалось устраиваться на работу по вольному найму и соединяться со своими семьями.

До 1956 года, до XX съезда КПСС, советские немцы продолжали жить в обстановке жестких и абсолютно несправедливых гражданских ограничений. В марте-мае 1956 г. были упразднены спецкомендатуры и закончились мучения с отметками и разрешениями.

Только в 1964 году, когда страны готовились к 20-летию Великой Победы, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года были сняты все обвинения, необоснованно и огульно выдвинутые в свое время против советских немцев, был отмечен честный труд подавляющего большинства советского немецкого населения в годы Великой Отечественной войны. Это после того, как 23 года тому назад, был чудовищный Указ от 28 августа 1941 года, обвинявший огульно всех советских немцев в пособ-

ничестве врагу. Те, кому посчастливилось вернуться после всего к семьям, по-прежнему трудились добросовестно, не жалуясь на несправедливую судьбу.

В Магнитогорске Ульм Генрих Карлович слыл искусным столяром-краснодеревщиком. Его сына, Вильгельма Генриховича, до сих пор помнят в Магнитогорске как талантливого учителя.

После лагеря Лилия Генриховна поехала в Магнитогорск, где жили родители и родственники. Когда вставала на учет в спецкомендатуре, начальник простодушно посоветовал: «Чтобы тебя больше нигде не высылали, выходи замуж за первого попавшего».

Лилия Генриховна устроилась санитаркой в горбольницу. Там и встретила свою судьбу. Попков Алексей Арсентьевич стал ее мужем. Вместе с ним проживут в любви и согласии 51 год. Родилось 4 детей: дочь и 3 сына.

Жизнь понемногу налаживалась. Выросли дети, завели свои семьи. Друг за другом переехали жить в наш город. Старшие Попковы, уже будучи на пенсии, обменяв свою магнитогорскую квартиру на качканарскую, следом за детьми оказались в Качканаре.

После смерти мужа Лилия Генриховна живет в семье дочери Зинаиды Алексеевны. В ее комнате на журнальном столе вижу целую кипу газет и книг, которые ежедневно читает Лилия Генриховна. Теперь здоровье не то (вот руку сломала более года назад, а кости так и не срастаются), и слух не тот, и возраст солидный... Я смотрю на нее и удивляюсь: столько пройти, столько пережить – и остаться потрясающе жизнерадостной женщиной. Возможно, в этом и кроется секрет долголетия.

У Лилии Генриховны 9 внуков и 14 правнуков. Значит, и жизнь продолжается...

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Мунтян Олинда Александровна

Родилась в 1936 году в селе Курново Республики немцев Поволжья. Сейчас это Саратовская область, Свердловский район.

В сентябре 1941 года Вальтера Александра Егоровича (1912 г.р.), его жену, Эмму Христиановну (1916 г.р.), их детей, Олинду (1936 г.р.) и Ирину (1940 г.р.), бабушку и всех родных ссылают в село Шахово Омской области.

Александра Егоровича сразу мобилизуют в трудовую бригаду. Он попал на Великий Сталинский Урал, как называли в то время Северный Урал, на лесозаготовки и находился под надзором спецкомендатуры до 1956 года. Эмма Христиановна тоже была в трудовой бригаде. Когда младшей дочери Ирине исполнилось три года, в 1943 году органы НКВД отправляют молодую женщину на работу в шахту в г. Осинники Кемеровской области и тоже под надзор спецкомендатуры. Две маленькие девочки остались жить с бабушкой. После был детский дом в селе Васютино Омской области.

После войны родители разыскали дочерей. В поселке Полуночном, где жил и работал отец, прошли школьные и юные годы обеих сестер. Олинда после 7 класса в 17 лет начала трудовую деятельность. Работала в автобазе, в леспромхозе десятником. В это время познакомилась с будущим мужем. Мунтян Павел Дмитриевич служил в этих местах в армии. В 1960 году они поженились. В 1962 году родилась дочь. Семья Мунтян переехала в г. Арцыз Одесской области, откуда родом был Павел Дмитриевич. Но семейная жизнь не ладилась. В 1971 году Олинда Александровна приехала в Качканар к сестре Ирине, которая с семьей жила здесь. Ирина Александровна работала в отделе кадров УДР. В настоящее время с 1995 года проживает в Германии.

Олинда Александровна сначала устроилась на работу в столовую, потом перешла в автотракторный цех ГОКа. Общий стаж – 41 год. Она ветеран труда Российской Федерации и ГОКа, за труд поощрена грамотами и благодарностями. С 16 лет состояла на спецучете и снята в 1956 году.

Александр Егорович и Эмма Христиановна прожили долгую и очень сложную жизнь. Все свои силы отдавали работе. Работящие, порядочные, честные и добрые люди, они никогда ни в чем никого, кроме войны, не винили и не помнили зла.

История одной семьи

Сколько людей – столько и судеб. И все разные, совсем не похожие друг на друга. Семья Киппес до войны жила в селе Пфейфер Каменского района Автономной Республики Немцев Поволжья. Александр Алоизович (1916 г. р.) и Эмилия Ивановна (1918 г. р.) поженились в 1938 году. Оба работали в местном колхозе. Молодые построили себе большой дом и не предполагали, что скоро его покинут.

Через неделю после начала Великой Отечественной войны, 29 июня 1941 года, у них родился сын, которого назвали Александром. 28 августа 1941 года был подписан Указ о переселении немцев с Поволжья в Сибирь, Казахстан и Урал. Семья Киппес и все родственники в сентябре 1941 года были сосланы в село Солнцевка Исилькульского района Омской области. Отсюда Александр Алоизович был мобилизован в трудовую армию на Северный Урал. Недалеко от города Ивделя, в поселке Вижай (в том самом, который сторел недавно полностью) он и другие трудармейцы работали на лесоповале.

Семья Киппес. 1956 г.

Лесоповал на Северном Урале... Это много о чем говорит. Зимой жесточайшие морозы, холод, голод, летом – гнус, мошкара. Да еще бесправие и унижения. После войны от трудармейцев оставались единицы. Умирили от несчастных случаев, болезней, голода, замерзали. Как на фронте. Это и был трудовой фронт. Александр Алоизович не любил вспоминать о трудармейских годах, но как-то обмолвился, что если бы написать о том времени, то получилась бы огромная книга. Александр Алоизович и Эмилия Ивановна умерли в 1989 году, поэтому обо всех подробностях рассказать некому.

Эмилия Ивановна с маленьким сыном, свекровью и двумя золовками поехала в город Салехард Тюменской области. Женщины строили аэропорт за Полярным Кругом. Жили они в бараках впроголодь, работали до изнеможения. Потом Эмилия Ивановна работала в детском саду няней. В 1947 году, когда разрешалось воссоединиться со своими семьями, Александр Алоизович писал вызовы на имя жены в Салехард. Но как потом оказалось, все вызовы оседали в столе начальника ГОВД. Что двигало этим человеком так поступать, непонятно. То ли сам, как говорят в народе, «положил глаз» на молодую симпатичную женщину, то ли настолько был равнодушен к людям. Кто знает. Подобная жестокость – характерная черта многих, кто из грязи да вылез в князи. Но нет худа без добра. Ушел начальник в отпуск, пришел другой, вызвал Эмилию Ивановну и спросил: «Почему к мужу не едете? Ведь он вас ждет».

В 1948 году Эмилия Ивановна с сыном Сашей, которому уже было 7 лет, поехала к мужу в посёлок Косья Исовского района Свердловской области. Доехала с сыном и еще одной женщиной до посёлка Ис и боялась дальше ехать. А вдруг у мужа другая семья?

Таких случаев, когда заводили мужчины новые семьи после стольких лет разлуки, было очень много. Это ведь жизнь. Мужчин после войны было очень мало, а вот женщин... Узнала, что муж живет один, тогда поехала в Косью.

Александр Алоизович был переведен после войны на Исовский прииск. Работал на прииске береговым, машинистом бульдозера, слесарем. Эмилия Ивановна, пока дети были маленькими, не работала. Когда дети подросли, устроилась рабочей в магазин и там работала до выхода на пенсию. Послевоенных детей родилось четверо: два сына и две дочери.

Несправедливо будет не упомянуть еще нескольких родственников семьи Киппес. Все мужчины и женщины были сосланы в разные области СССР, и все были в трудармии.

У Эмилии Ивановны еще в детстве умерла мать. Вторая жена отца, Екатерина Гиршфильд, с тремя детьми была сослана в село Солнцевка Омской области. Ее потом забрали в трудармию в город Челябинск. Старший ее сын Иван, которому было всего 14 лет, оказался в п. Скальном Чусовского района Пермской области в трудармии и работал в шахте. Двое малолетних детей, дочь Мария и сын Отто, остались в Омской области. Каким-то образом узнала Екатерина, что ее дети скитаются по людям голодные, оборванные, как нищие. Она тайком сбежала из Челябинска в Омскую область, нашла детей. За беглянкой послали оперуполномоченного. Когда тот приехал и увидел своими глазами, как жили дети сосланных, то сказал Екатерине: «Я тебя не нашел и не видел. Молчи и живи здесь». Так и осталась жить до конца своей жизни и не только она. Киппесы жили в тех местах, куда

Э.И. Киппес с сыном Сашей. 1945 г.

забросила их власть. Иван жил и работал в посёлке Скальном до самой смерти.

В Салехарде похоронены мать и две сестры Александра Алоизовича. Он и его жена на Косье нашли свой последний приют. Ехать было некуда. Кто ждал их в Поволжье после 1956 года? Из родных не осталось там ни одного человека. В построенных их руками домах жили чужие люди.

В посёлке Косья большая семья Киппес жила в деревянном доме, который купил Александр Алоизович. Дом был старый. Когда Валентина Александровна Рычихина, дочь, посмотрела домовую книгу, то оказалось, что дом когда-то построил и принадлежал священнику. Александр Алоизович постоянно ремонтировал дом, хотел построить новый. Но

выросли дети и разлетелись из родительского дома и строить было незачем.

На восстановлении гидравлики в п. Боровское

Валентина Александровна окончила, как и ее братья и сестра, замечательную Косьинскую школу, потом Исовский геологоразведочный техникум и заочно Свердловский горный институт. В 1973 году приехала в Качканар и до сих пор работает в ОАО «Металлист». У нее дочь Жанна и внучка Эмилия, названная в память прабабушки. Все три брата

умерли очень рано. Сестра Мария живет в Германии. А ведь когда-то встречались, были дружны между собой, отмечали вместе все праздники и ездили к родителям в посёлок Косью. У Валентины Александровны остался на поселке старый родительский дом, куда она с семьей дочери ездит по выходным и проводит там свой отпуск.

Веры тонкая свеча

При царице Екатерине Великой в 18-м веке из Голландии в Россию были переселены семьи простых крестьян, ремесленников, купцов, учителей и медиков. Они были расселены в местах, которые назывались военными поселениями или колониями. Крестьяне стали заниматься сельским

хозяйством, а ремесленникам всегда находилось много работы. Так в далекие от наших дней времена на Украине, на территории Одесской области, оказались прапрадеды Староловниковой Валентины Петровны.

Все родные жили в одном военном поселении. Занимались хлебопашеством и скотоводством. Жили очень зажиточно. Ими были построены великолепные дома, была своя школа, кирха, больница.

В 1893 году из Одесской губернии потянулись обозы с людьми на восток России. Ехали на лошадях со своими семьями и пожитками. Мужчины гнали скотину. В Оренбуржье, на Пашковских землях, остановились. Вся родня, среди которых был еще подростком Гинтер Федор, дед Валентины Петровны, организовали хутор, который назвали Егорьевским. Впоследствии хутор стал большим селом Егорьевка. Дома строили из самана, так как здесь места совсем безлесые. Стали мирно жить, как обычно, много и старательно трудиться. Жители, в основном, немцы и все родня друг другу. Выйти замуж или жениться было проблематично: за брата замуж не пойдешь и на сестре не женишься. В богатый до

революции хутор потянулись люди других национальностей: русские, украинцы, казахи.

До революции Гинтер Федор имел большую семью и 18 десятин земли. Собрав нужную сумму, выкупал он землю постоянно. После революции все братья и сестры Федора уехали на постоянное местожительство в Канаду. Остался он и его сестра не ведая, что с ними будет в Советской стране. Переписка с канадскими родственниками, разумеется, была опасной в 30-е годы 20-го века и связь с ними утеряна.

До 1928 года, когда в селе Егорьевка был организован колхоз им. К. Маркса, вся семья работала в своем хозяйстве. В 5 часов утра вставали и начинали работу. Батраков никогда не держали. В семье подрастала дочь Ева, которая стала позже матерью Валентины Петровны.

Ее отец, Зайлер Петр Петрович, был из немцев Поволжья. Он рано остался без матери. В 1921 году, когда в Поволжье разразился невиданный голод, отец Петра Петровича и его четверо детей бежали на восток. По дороге погиб самый маленький сын. В богатом немецком селе Егорьевка беженцы остановились.

В 1930 году Зайлер Петр Петрович женился на Гинтер Еве Федоровне. До войны в семье было 3 детей. Петр Петрович работал в местном колхозе, а Ева Федоровна с маленькими детьми дома. В сезон готовила еду для колхозников.

1937 год с его арестами, как ураган, прошелся по судьбам односельчан. «Черный ворон» увозил то одного, то другого. Поздней осенью 1937 года, Гинтера Федора арестовали как врага народа. Его обвинили в поджоге моста через реку Каргалку (приток р. Урал),

На ВДНХ.
2-я слева В.П. Староловникова

которого никто никогда в глаза не видел. Валентина Петровна помнит ту ночь, когда арестовали ее деда. Была глубокая ночь. Все спали. Прибежал Адам, младший брат матери, стал стучать в окно: «Ева, идите скорее, отца забирают!». Родители оделись и побежали. В дом, который был недавно построен, набилось много народа. Два военных с винтовками охраняли сидящего на стуле деда как важного государственного преступника. В доме все было перерыто, обшарено. Непонятно, что искали у чудесного столяра-краснодеревщика. Люди спрашивали: «Что он сделал? Мы знаем его давно. Он муху не обидит». В ответ услышали обнадеживающее: «Не волнуйтесь. Разберутся, если не виноват, то отпустят». Но никто не разбирался. Без суда увезли Гинтера Федора в Читинскую область, поселок Чара.

Младшая дочь, Елизавета Федоровна, работала учителем в школе. Через некоторое время она написала письмо Сталину о своем отце.

Хоть чудес на свете много, но это было чудо из чудес: пришло письмо из Москвы, из Кремля.

В письме говорилось, что разобрались с делом отца, что он не виноват и ждите, он скоро будет дома. Но начавшаяся в 1941 году война с немецкими фашистами перечеркнула все надежды. В 1944 году деда Валентины Петровны не стало. Он умер в лагере на руках незнакомого им человека, который и сообщил в семью такую страшную весть. С привязанной на левую голень деревянной биркой с номером (это был номер личного дела) забрасывали умерших землей или камнями – вот таков был обряд похорон заключенных. Вместо креста – палочка тоже с номером

На маёвке. 1950 г.

личного дела. Был человек, а стал лагерной пылью без фамилии и имени.

Под Новый, 1942 год, село Егорьевка уже который раз! (так было и по всей стране) оставалось без мужчин. Всех немцев мужчин провожали в трудармию. Плакали в каждом доме. Казалось, стон застыл в морозном воздухе.

Зайлер Петр Петрович попал в трудармию на шахту под Челябинском. С отбойным молотком, стоя по колено в воде в ботинках, рубил уголь, помня, что это нужно стране для победы. В трудармии были все его братья и сестры, а также все родные жены. Сестры Евы Федоровны, Лиза и Катя, были в трудармии в г. Орске. Они строили завод, выполняя все работы под открытым небом в любую погоду. После войны, они простуженные, выйдя замуж, долго лечились, чтобы стать матерями.

Петр Петрович вернулся домой в 1944 году по инвалидности. В шахте во время аварии получил переломы ног. 11 месяцев лежал в госпитале. Кости не срастались, нужно было хорошее питание. Главный врач госпиталя, понимал, все положение этого больного, которого дома ждала жена и 4 детей, выписывал ему усиленное питание. «После такой войны нам очень нужны будут

мужчины», - говорил он больным и, как мог, старался спасти им жизнь. Из госпиталя ежедневно грузили на машину 15-20 трупов и увозили за город на кладбище, чтобы похоронить их в братских могилах. Петру Петровичу, больному на костылях, приходилось ухаживать за больными. Благодаря главврачу госпиталя, который добился его освобождения, вернулся Петр Петрович в свое село. Была ночь, когда он постучал в окно. Узнать его было трудно. Это был «ходячий скелет». Голова – череп, обтянутый кожей.

В послевоенные годы Петр Петрович – бригадир полеводческой бригады, которого ставили всем в пример. В семье появилось еще 3 детей.

Колхоз имени Карла Маркса процветал. Колхоз – миллионер, в основном, добился рекордных успехов в животноводстве. Оренбургские земли черноземные, плодотворные, где могут расти и вызревать многие культуры.

В селе в те годы было много молодежи. Комсомольская организация насчитывала в своих рядах от 60 до 70 ее членов. Перед Домом Культуры в центре села стояло 2 памятника. Памятник К. Марксу стоит до сих пор, а вот памятник В.И. Ленину снесли после 1991 года.

Жизнь «била ключом». С 1954 года началось здесь освоение целинных и залежных земель. Рядом снимали замечательный фильм «Солдат Иван Бровкин на целине».

Зайлер Валя, старшая из детей, после школы начала работать в колхозе. Работала дояркой, прицепщицей. Всегда была в передовиках. В 1956 году, ее передовую доярку, на 8 дней отправили на выставку ВДНХ в Москву. В эти годы была награждена Почетной Грамотой ЦК ВЛКСМ и получила медаль ВДНХ СССР за достигнутые успехи.

После окончания Оренбургского кооперативного техникума Валя работала продавцом в целинном совхозе. Здесь познакомилась с будущим мужем, Староловниковым Василием Ивановичем. В 1965 году они приехали в Качканар. Валентина Петровна рабо-

тала до 1970 года в ГОКе. Из-за полученной серьезной травмы с того времени она на пенсии.

Все братья Валентины Петровны служили в рядах Советской Армии. В общей сложности 28 лет в семье были солдаты. Вся семья Зайлер поющая. Пели всегда. Когда были в Доме Культуры на концертах художественной самодеятельности и дома, когда собирались все вместе на праздники и важные события.

У Староловниковых двое детей – сын Василий и дочь Елена. Оба работают после окончания института в ГОКе инженерами. Имеют свои семьи.

Валентина Петровна все такая же неутомимая, трудолюбивая и старательная, несмотря на возраст. Весь сезон она на садовом участке, причем ходит туда ежедневно пешком. Выращивает много овощей и цветов.

Ее отец, Петр Петрович, рано ушел из жизни. Из братьев и сестер Валентины Петровны сейчас живы четверо. Некоторые из родных уехали жить в Германию, не надеясь на лучшую жизнь в России. Сама она никуда не собирается уезжать. Даже в гости в Германию не хочет ехать, считает, что когда-нибудь у нас жизнь будет еще лучше, чем на Западе.

Фальман Виктор Федорович

Родился в 1949 году в посёлке Полуночном Ивдельского района Свердловской области. Отец Виктора Федоровича, Фальман Федор Андреевич (1907 г.р.), родился и жил до войны в Ставропольском крае. Осенью 1941 года его, красноармейца РККА, с поезда, отправляющегося на фронт, снимают после проверки документов и как лицо немецкой национальности отправляют в трудовую армию. Он попал на марганцевые шахты на Северный Урал, в поселок Полуночное, где прожил все отведенные ему судьбой годы. От тех трудных военных лет в памяти остались голод, холод, бесправие, смерти... да еще как падали немецкие военнопленные, строившие здесь в болоте дорогу. Падали и умирали.

После войны, в 1948 году, в Полуночное приехала к брату из Омской области Рейзвих Екатерина Карловна (1913 г.р.) Приехать-то приехала, да вот выехать из Полуночного не имела права. Замуж вышла за Фальмана Федора Андреевича, родила четверых детей.

Виктор Федорович в 70-х годах побывал в гостях в селе Рейнфельд Марьяновского района Омской области, откуда приехала его мать. Село поразило его чистотой, опрятностью, порядком во всем. Село было многонациональным, но каждый житель говорил, кроме русского, на своем родном языке. Знаменитая конеферма, Дворец культуры из стекла и бетона, как по натянутой веревочке ровные палисадники у домов.

Виктор Федорович с 16 лет в Полуночном трудился на ферме подсобного хозяйства. После служил в рядах Советской Армии. Окончил курсы прапорщиков в Свердловске и 24 года служил в воинской части на севере нашей области. Ветеран труда, имеет правительственные награды.

Родителей его жены, Фальман (Хованской) Александры Тимофеевны, тоже сослали на Северный Урал с Украины. (Хованские – фамилия известного дво-

рянского польского рода). У супругов Фальман две дочери, двое внуков и правнук.

Сами они сейчас проживают в поселке Шепичном Ивдельского района, где у них свой дом, огород с теплицами. Прямо за домом начинается лес, где видимо – невидимо сколько брусники. Места эти настолько живописные и богатые, что будущее, считают супруги Фальман, именно здесь, если сюда будут приезжать люди и осваивать этот край.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Эргарт Фердинанд Иванович

Родился в 1924 году в Краснодарском крае. Его отец, Эргарт Иван Андреевич, долгие годы был директором конезавода. Мать умерла в 1938 году. В 1937 году Фердинанд окончил 5 классов школы и начал трудовую деятельность в местном колхозе. По Указу от 28 августа 1941 года семью Эргарта И.А. двумя сыновьями и дочерью высылают в Сибирь, в Новосибирскую область, в село Чаны.

Через две недели после прибытия Фердинанда мобилизуют в трудовую армию. Первым был поселок Першино. Семнадцатилетнему подростку было очень трудно. Особенно запомнился постоянный голод. Есть хотелось все время. Пайка хлеба в 600 граммов распределялась на 3 раза по 200 граммов да еще маленький черпачок жидкого супа или каши. Трудармейцы жили в бараках в зоне, окруженной колючей проволокой. На работу выводили в сопровождении охранников.

Затем Фердинанда Ивановича через два года перевели охранять заключенных в поселок Вижай Ивдельского района. Военком, выдавая охранникам военные билеты, сказал: «Не вздумайте, ребята, уезжать отсюда без разрешения. На 20 лет будете лишены свободы».

А ехать было некуда. В селе Чаны пропал без вести отец. Брат Андрей тоже потерялся на время. В Сибири оставалась только младшая сестра Ольга, которая по малолетству не попала в трудовую армию. Потом переведен был Фердинанд Иванович на лесоповал в поселок Сама Ивдельского района. Здесь и остался до выхода на пенсию. Работал в местном карьере, в котором добывали известняк.

В поселке Сама женился на Рыжаковой Ираиде Ивановне. Рожденные в браке сын и дочь взяли фамилию матери. Так настояла Ираида Ивановна, чтобы судьба их отца больше не повторилась.

В Качканар Фердинанд Иванович с женой приехали в 1980 году. Купили дом на поселке Татарском. В 2007 году Ираида Ивановна умерла. Эргарт Ф.И. – ветеран войны, труженик тыла, ветеран труда, имеет правительственные награды. Александр Егорович и Эмма Христиановна прожили долгую и очень сложную жизнь. Все свои силы отдавали работе. Работящие, порядочные, честные и добрые люди, они никогда ни в чем никого, кроме войны, не винили и не помнили зла.

Материнская боль

Август 1942 года. Невыносимая жара. Фронт рядом. Бомбежки. Кругом военная неразбериха. Железнодорожный вокзал. В вагоны под конвоем грузят женщин, которых отправляют в трудовую в неизвестном направлении. От плачущих женщин отрывают ревущих детей. Некоторые женщины сходят с ума от происходящего с ними и их детьми. Скоро дети станут воспитанниками детских домов и родителей будут видеть только во сне.

Всех женщин, у которых дети старше 3 лет, отправляют на трудовой фронт: на лесоповал, в шахты, на стройки. Все они уже без мужчин. Их мужей, отцов и братьев увезли еще раньше такими же товарниками в неизвестном направлении. От них нет никаких сообщений.

Аренгольд Мария Александровна (1910г.р.) попала в трудовую в город Копейск Челябинской области. До войны она жила с мужем и сыном Сашей в городе Вольске АССР немцев Поволжья (сейчас Саратовская область). Муж был мобилизован в трудовую осенью 1941 года. С женой он больше не встретится, и что с ним произошло, об этом Мария Александровна никогда не узнает. Она была из крестьянской семьи, малограмотная. В 30-е годы окончила ликбез. Детство было бедным и бездетным: была в домработницах.

В Копейске в трудовой работала в шахте. Совсем не женскую работу выполняли в войну женщины. В шахтах не соблюдались правила техники безопасности. Мария Александровна попала в шахте под вагонетку. Со сломанным позвоночником лежала долго в больнице. Потом опять работала в шахте техслужащей. Когда окончилась война и муж не нашел ее, вышла Мария Александровна замуж за фронтовика Волошенко Кузьму Кузьмича. Вскоре его не стало, сказались фронтовые раны. Осталась 6-месячная дочь Людмила без отца.

Как большинство таких семей в те годы, жили в бараке. Мария Александровна продолжала работать в шахте

и отмечаться в спецкомендатуре города Копейска.

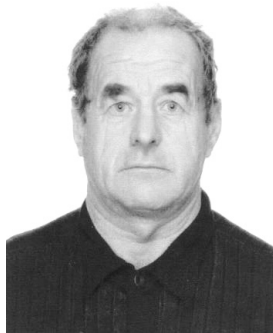
В 1955 году ее разыскали племянницы. К ним переехала с дочерью в Павлодарскую область, село Железянка. Стала работать в школе техслужащей, дали комнату. Потом завели с дочерью свое хозяйство: огород, корову, свинью, куриц. Мария Александровна, по воспоминаниям ее дочери Людмилы Кузьминичны, делала все из последних сил. В доме всегда была идеальная чистота и порядок. Хозяйка дома была очень работающей женщиной. Дочь жалела, поэтому о многом не рассказывала. Как-то обмолвилась, что в войну из помоек вытаскивала съестное. Но самая страшная боль, с которой она никак не рассталась – это потеря сына. Когда увозили Марию Александровну в трудовую, Саше было 12 лет. Вместе с другими детьми он был отправлен в детский дом. Оттуда бежал. Поймали, опять детдом. Сбежал второй раз, но теперь уже не нашли. Скорее всего, Аренгольд Саша искал своих родителей. Что произошло с ним, ни один детский дом и архив ответить не могли. Сколько жива была Мария Александровна, столько лет она искала и ждала своего сына Сашу. Может быть сменил фамилию. Возможно... Во время войны возможно всякое. Людмила Кузьминична дважды писала на передачу «Жди меня» о брате Саше, но результатов никаких.

Дочь Марии Александровны, Ческидова Людмила Кузьминична, в Казахстане окончила среднюю школу и работала секретарем в народном суде. Вышла замуж, к мужу переехала в Качканар. Родила 3 сыновей. 25 лет работала в ресторане гостиницы «Октябрьской» официанткой вплоть до его закрытия. До выхода на пенсию пришлось работать в ГОКе. Ветеран труда. Три сына, три внука – одни мужчины в доме, за которыми нужен глаз да глаз. В сезон – работа в саду, где с мужем выращивают много овощей для всей своей большой семьи.

Великий Сталинский Урал

Полуночное – это рабочий поселок на севере Свердловской области, объединяющий поселки Каменка и Горный, прозванный народом Нахаловкой. В Каменке находились все соцучреждения, а в Нахаловке, на горе, в деревянных домах проживало местное население. Жители – почти одни спецпереселенцы, люди добрые, трудолюбивые и порядочные. В шахтах поселка добывали марганцевую руду, а в леспромхозе рубили лес. По утрам в те годы был слышен в поселке гудок, по которому все строго дисциплинированное взрослое население шло на работу.

В этом поселке прошли детские и юношеские годы Шнейдера Давыда Готфридовича. Он родился в городе Ивделе на II-ом Северном поселке в 1949 году, куда во время войны были сосланы его родители. Отец, Шнейдер Готфрид Готфридович (1912 г. р.) выслан из респу-

Д.Г. Шнейдер

блики немцев Поволжья. Сейчас это село Кунцево Котовского района Саратовской области. Мать, Шнейдер (Вольф) Маргарита Ивановна (1908 г. р.) родом из Алтайского края. На II-ом Северном поселке оба были в трудармии на лесоповале. Здесь познакомились и поженились, родился старший сын Давыд. В поселке был в те годы комендантский час, по которому можно было появляться на улицах с 6 утра до 23 часов, а летом время было еще более ограниченным. Спецпереселенцы работали под надзором комендатуры.

Город Ивдель с его I, II, III, Северными поселками, Сосьва, Вижай, Старая Ляля, Бурмантово, Кирпичный – это одни лагеря.

В 1950 году семью Шнейдера Г.Г. перевели в поселок Полуночный, одно название которого само говорит о себе. Готфрид Готфридович работал в местном леспромхозе после получения группы инвалидно-

сти – сторожем. Маргарита Ивановна вела домашнее хозяйство, в котором были свои козы, куры, поросята, огород. В 1951 году родилась дочь Мария. Грудина (Шнейдер) Мария Готфридовна проживает в поселке Валериановске.

Готфрид Готфридович получал мизерную пенсию, поэтому Давыд пошел с 12 лет работать. Помнит он хорошо то время, когда при Хрущеве были проблемы с хлебом, как по карточкам выстаивали длинные очереди за булкой хлеба. После 8 класса устроился на работу в Ивдельский леспромхоз, в котором трудился 8 лет.

В Качканаре жил брат матери, он сманил Давыда Готфридовича с переездом. В 1973 году в городе не было ни работы, ни жилья. Помогла председатель горисполкома Сухенко Клавдия Павловна. Поначалу пришлось потрудиться в Лае на строительстве комплекса, а после 34 года сначала трактористом, потом машинистом бульдозера в ГОКе.

В Качканаре Давыд Готфридович женился. С женой Галиной Анатольевной воспитали троих дочерей. Сейчас у них две внучки. Шнейдер Д.Г. – ветеран труда и ветеран ГОКа, вся жизнь которого в вечном труде и заботах.

КОРОТКО О СУДЬБАХ

Юнг Валентина Ивановна

Родилась в 1939 году в городе Вольске Республики немцев Поволжья в семье Юнга Ивана Андреевича (1917 г.р.) и Антонины Ивановны (1916 г.р.).

Осенью 1941 года по Указу от 28 августа 1941 года семью Юнг с двумя детьми выслали из Поволжья в село Чалдай Павлодарской области Казахской ССР. Иван Андреевич был мобилизован в трудармию. Валентине Ивановне запомнилось ее очень голодное детство: как бегала с другими детьми по степи, ловила сусликов, жарила на костре и ела.

В 1947 году вернулся из трудармии Иван Андреевич и стал работать механиком в автопарке. Он мог, кажется все: и часы отремонтировать, и стрижку сделать. Все жители села ходили к нему подстригаться. За свою работу он никогда не брал денег.

Когда Валентине исполнилось 17 лет, тетя из Нижнего Тагила забрала ее к себе жить. Имея образование всего 8 классов, Валентина устроилась стрелочницей на железную дорогу. Познакомилась с будущим мужем, Черняевым Германом Александровичем. С мужем переехала в Качканар. Работала в ГОКе. У нее два сына и два внука. Ветеран труда.

Брат, Александр Иванович, проживает сейчас с семьей в Германии. Валентина Ивановна тоже хотела уехать на ПМЖ туда. В переезде ей отказано, так как по документам она русская.

Нельзя жить в вечном мраке

2014 год богат историческими юбилейными датами. 100 лет назад началась I-ая мировая война и 75 лет – II-ая мировая. Еще год знаменателен такими датами, как 85-летие Великого перелома в стране и 80-летие начала Большого Террора в СССР. Закон от 1 декабря 1934 года – с полным «кировским» набором: приговор окончательный, обжалованию не подлежит, исполняется незамедлительно, без участия защиты.

Наш молодой город (57 лет – не возраст для городов) не знал «черных воронов» провонявших унижением, болью и бедой, увозивших в неизвестность обреченных людей. Но в городе проживает сейчас 209 реабилитированных. В основном, это дети репрессированных в 30-50 годы XX века. Детям больше всего и досталось в этой жизни. Большая часть из них – сироты. Как известно, родителей не выбирают. В чем виноваты были дети, что их родители имели на одну корову больше и дом лучше, чем у соседей? Или что в паспорте отца в 5-й графе указано, что он немец по национальности? Или что отец на собрании неосторожно высказал иную точку зрения, какую от него ждали, и потому был арестован и осужден по 58-ой статье? Понять такое невозможно, поверить – тем более.

Дети явились заложниками тех политических реалий, которые были у нас в стране в 30-50 годы. Вписанные по малолетству в карточки своих родителей по достижении 16-летнего возраста, они становились обладателями таких же личных дел в НКВД (МГБ). Сейчас все они – пенсионеры, строившие наш город и комбинат, лечили людей, воспитывали и учили детей, работали в разных сферах хозяйства нашего города. Большинство – ветераны труда, у многих есть правительственные награды.

Я благодарна судьбе, что знакома с этими чудесными и добрыми людьми. Каждое их воспоминание – это слезы, боль, страдания. Все воспоминания – это истории людей старшего возраста и до 1949 года рождения. К сожалению, 23 человек, упоминаемых в книге, уже нет на Земле. Я умышленно не называю их фамилии. Пусть их рассказы навсегда останутся воспоминаниями живых людей.

Ничего не проходит в жизни бесследно. Память – это ты сам, и все, что было и не было до тебя, и что будет или не будет после. Нельзя жить в вечном мраке и тумане, мате и обмане. А пока живем – надемся, радуемся...

*Алина Андреевская
Сентябрь 2009 г. – апрель 2014 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

ТАКОЕ НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ	3
--	----------

ТЯЖЕЛЕЕ ТАКОГО ОСУЖДЕНИЯ НЕТ НАКАЗАНИЯ

Я такое забуду нескоро	6
Такая непростая судьба.....	7
Изломанное детство	10
Судьба семьи	11
Два портрета Сталина, один – Ленина	14
Трагедия человека.....	16
Дети в ответе за отца	17
Вспоминая прожитое	20
<i>Коротко о судьбах: Клековкина Зинаида Степановна</i>	<i>22</i>
А на сердце плачет война	23
Рассказ Мазалова Андрея Алексеевича	25
Вовек не забыть	27
<i>Коротко о судьбах: Мишагина Римма Михайловна</i>	<i>28</i>
Судьба играет человеком.....	29
«Черный ворон» переехал мою маленькую жизнь.....	31
Воспоминания	35
Молодость его – Белоруссия	37
Расплата за анекдот	38
Никогда не забыть.....	40
Секреты её долголетия	41
Дети «врагов народа»	44
Страшнее нет такого обвинения	46
По праву памяти	49
Судьба человека.....	51

Неоконченная драма	54
Горький хлеб сиротства	56
Такое было время	58
Чижиковы	60

ПУСТЬ ПРОШЛОЕ НАМ КАЖЕТСЯ ЛИШЬ ТОЛЬКО СНОМ

Помню, как давно все было	64
Из воспоминаний	65
Спецпереселенцы из Молдавии	67
Забеловы	69
Бугровы	71
Бутенко Николай Михайлович	72
Васянины	73
<i>Коротко о судьбах: Ветошкина Лидия Андреевна</i>	75
Спецпереселенцы в Сан-Донато	76
<i>Коротко о судьбах: Волочай Екатерина Николаевна</i>	78
А годы летят	79
Моя жизнь	81
<i>Коротко о судьбах: Ворошилова Зоя Арсентьевна</i>	83
Глазунова Валентина Ивановна	84
Спецпереселенцы из Мордовии	85
Две вечные подруги – любовь да разлука	86
У горы Магнитной	88
Истории из давно прошедшего времени	90
Магнитогорцы	92
От девичьих грез и до бабьих слез	93
И жизнь, и слезы, и любовь	94
Десятилетний «враг народа»	96
А было это так	97
Комаровы	98
На горе колхоз и под горой – колхоз	100
Простите нашу матушку Россию!	102

Кузнецов Александр Константинович	103
Мы – тоже кубанские казаки.....	104
<i>Коротко о судьбах: Мадисон Антонина Ивановна.....</i>	106
А у нас – «не белы снеги»	107
<i>Коротко о судьбах: Нелюбина Валентина Александровна.....</i>	109
Обросов Игорь Николаевич	109
Спецпереселенцы из Белоруссии.....	110
<i>Коротко о судьбах: Ноговицына Мария Ивановна</i>	112
Спецпосёлок в городе Кушва	112
Из воспоминаний Пановой Фаины Семеновны.....	114
Пашенкова Зинаида Ивановна	117
Сестры Плехановы	119
Ведякины.....	121
Полушин Иван Филиппович	122
Семья Южаковых.....	123
И листья над нами летят.....	124
Из воспоминаний.....	126
<i>Коротко о судьбах: Руцкая Раиса Васильевна.....</i>	127
Судьбы ее простое полотно.....	127
<i>Коротко о судьбах: Сесекина Маргарита Васильевна</i>	129
Синцовы	130
<i>Коротко о судьбах: Сторожева Надежда Федоровна</i>	132
Мы из Косолманки.....	133
<i>Коротко о судьбах: Терезова Галина Павловна.....</i>	134
В медвежьем углу	135
Братья Мирошниченко	136
Трундаевы	138
Неоконченная драма	140
В лесном поселке	141
Оберемщиковы	143
Филипповы.....	145
Кто же «враг народа»?	146

Спецпереселенцы Федоровские	148
Забота наша такая	151
«Я НЕ ИЗГОЙ, А ПАСЫНОК РОССИИ»	
Дорога длиной в двадцать лет	156
Вспоминая прошлое	163
<i>Коротко о судьбах: Воробьева (Верман) Валентина Фридриховна</i>	165
За колючей проволокой Урала	166
За что?	170
Директор Гальвас	172
<i>Коротко о судьбах: Горшенина (Гальвас) Эльза Рейнгольдовна</i>	173
Счастливая женщина	173
<i>Коротко о судьбах: Кнаус Александр Александрович</i>	175
Говорите о любви любимым	176
Казахстан – родина спецпереселенцев	178
Из воспоминаний	180
А здесь во глубине России... ..	182
Наша судьба	184
Без срока давности	188
Репатрианты из Польши	190
Не вычеркнуть из памяти	191
<i>Коротко о судьбах: Мунтян Олинда Александровна</i>	195
История одной семьи.....	196
Веры тонкая свеча.....	198
Фальман Виктор Федорович.....	201
<i>Коротко о судьбах: Эргарт Фердинанд Иванович</i>	202
Материнская боль	203
Великий Сталинский Урал.....	204
<i>Коротко о судьбах: Юнг Валентина Ивановна</i>	205
НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ В ВЕЧНОМ МРАКЕ	206

Алина Андреевская

«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ»
Судьбы качканарцев – жертв политических репрессий

Редактор: Титовец М. И.
Дизайн обложки: Худяков А. С.
Компьютерная верстка: Худяков А. С.

Подписано к печати 24.12.2014
Бумага мелованая 115 г/м². Печать офсетная
Гарнитура Minion. Формат 60x90/16.
Усл. печ. листов 13,25
Тираж 100 экз.